This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

CONVERTED

Н. ЕВРЕИНОВЪ.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

1908

EVREINOV, NIKOLAI NIKOLAEVICH

Н. ЕВРЕИНОВЪ.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

DRAMATICHESKIÂ SOCHINE

Т. I.

1908.

20818

Типографія „Сиріусъ“ Спб. Соляной пер., 7.

PG 3476
E95A6
1908
v.1

БОЛВАНЫ, КУМИРСКІЕ БОГИ.

БОЛВАНЫ, КУМИРСКІЕ БОГИ.

Историческая пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ и 7 картинахъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Народъ
Тимоѳей Ивановичъ Ржевскій
Екатерина, его дочь
Всеволодъ, его сынъ
Киршбергъ, нѣмецъ-лѣкарь у Ржевскаго
Викторъ Фишеръ, учитель сына Ржевскаго
Устька-дурка } слуги Ржевскаго
Акулина
Банинъ, писарь
Матвѣй
Яковъ Носовъ
Прохоръ Носовъ } молодые парни
Давыдовъ, солдатъ
Басиловъ
Ермолай-обручникъ
Медковъ-пѣвчій
Степанъ Москвитинъ
Прасковья, его мать
Терентій Андроновъ
Мареа, его жена
Егоровна, странница
Зосимъ
Артемій Анцыфоровъ
Матрена, его жена
Марья, ихъ дочь
Евреиновъ Н.Н.?

Капитанъ Глазуновъ
1-й пятидесятникъ стрѣлецкаго полка
2-й пятидесятникъ стрѣлецкаго полка
Сержантъ солдатскаго полка
Афроська-порченая
Маланья, ея мать
Юродивый
Вѣжливецъ

Время дѣйствія — 1705 г. Мѣсто дѣйствія: 1-го въ Москвѣ, остальныхъ въ Астрахани.

ДѢЙСТВІЕ I.

Маленькая комната объ одномъ окошкѣ, бѣдная убранствомъ. У средней стѣны столъ со скамейками. У правой стѣны, недалеко отъ авансцены, широкая кровать; въ глубинѣ дверь. У лѣвой стѣны шкафъ грубой работы и полки съ утварью. Полумракъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЕГОРОВНА. (стоитъ подлѣ сидящей на скамейкѣ Мареы, гладитъ ея обнаженную по плечо руку и монотонно нараспѣвъ говоритъ).

Повторяетъ два раза.

Мать ты моя, вечерняя звѣзда, жалуюсь я тебѣ на двѣнадцать дѣвицъ, Иродовыхъ дочерей: Кашею, Овену, Касу, Орысту, Оледью, Ломею, Каплею, Горлею, Пухлею, Вертею, Желтицу и Горницу. (Плюетъ въ сторону).

Покуда я плюю, потуда бъ рабѣ Мареѣ хворать!.. (Обращаясь къ Мареѣ). Полегчало, родимая?

МАРѲА. (вздыхая и опуская засученный рукавъ).

Кажись полегчало. Прошлый разъ такъ очень полегчало!

ЕГОРОВНА.

А сегодня тѣмъ пуще, родимая, потому сегодня вербное воскресенье ну, а въ праздникъ, вѣстимо, больше поможетъ!

МАРѲА.

Въ прошлый разъ сильно полегчало!

ЕГОРОВНА.

Ты вѣрь только, родимая, а средство это такое, что гдѣ вотъ я, родимая, не лѣчила, вездѣ какъ словно вотъ чудо. Тоже у Дениса Павловича въ Казани вотъ какъ у тебя, родимая, ломило это, ломило, а какъ стала я заговаривать, ну словно вотъ чудо. Просто перестало. Да и не можетъ, родимая, не полегчать, просто таки не можетъ.

МАРѲА.

Спасибо, Егоровна, спасибо, матушка, пусть тебѣ Богъ пошлетъ всякаго благополучія. (Вдругъ спохватившись). Господи, что же это я за нѣмка! Верба валяется, а я ее и не пристрою. (Беретъ со стола пучекъ вербы). Ахъ ты, Боже мой, Боже мой!

ЕГОРОВНА.

Пусти, родимая, я тебѣ подсоблю! (Беретъ у нея и прикрѣпляетъ). Тоже вѣдь натруждать руку не слѣдуетъ.

МАРѲА.

Вонъ, матушка, гвоздикъ...

ЕГОРОВНА. (прикрѣпляя).

Да я такъ лучше... родимая...

МАРѲА.

Держится?

ЯВЛЕНІЕ II.

ПРАСКОВЬЯ. (входитъ со Степаномъ; въ рукахъ держитъ вербу).

Здравствуй, Мѧреушка, съ праздникомъ тебя!

СТЕПАНЪ.

Съ праздникомъ! (Кланяется).

МАРѲА. (кланяясь).

Спасибо, Прасковьюшка, и Степѣ спасибо! (Обнимается и цѣлуется съ Прасковьей).

ПРАСКОВЬЯ.

Вотъ тебѣ, душенька, вербы принесли.

МАРѲА. (беретъ вербу).

Благодарствуй, что хворую не забываешь. Егоровна, вотъ пристрой къ образку. (Егоровна беретъ вербу и прикрѣпляетъ). Присаживайтесь, желанные! Вотъ ко мнѣ лѣкарка-странница изъ Казани пріѣхала, хворь мою вылѣчиваетъ. Ужъ такая душа ангельская...

ПРАСКОВЬЯ. (Егоровнѣ).

Богомольствуешь, матушка?

ЕГОРОВНА. (кланяясь).

Грѣхи замаливаю, родимая. Всѣ монастыри, что ни есть на Руси, обходила. Потому, родимая, мало вѣры,—нужно усердіе. (Всѣ мало по малу садятся около стола).

ПРАСКОВЬЯ.

Вѣрно, душенька, нужно усердье и побольше усердья. По нонишнимъ временамъ, коль усердья нѣтъ, и спасенья нѣтъ. Все-то, во что вѣруемъ, все-то у насъ отнимаютъ... Э-э-э-хъ... (Къ Мареѣ). Коль поглядѣла-бъ ты, матушка, что за скверность сегодня творилась, какъ теперь на Руси вербное воскресенье справлять начали... Э-э-э-хъ... Страсти, однѣ страсти!

ЕГОРОВНА.

Да, родимая, видѣла я сегодня: глаза бъ мои не видали! Смотрѣла и ужъ все тутъ вспомнилось... И какъ бывало, при

патріархѣ крестный ходъ изъ Успенскаго собора въ Спасскія ворота путешествовалъ, и какъ на Лобномъ мѣстѣ вербу—ветлушку освящали, Евангеліе читали, а потомъ это патріархъ,—царствіе небесное блаженному Андріану,—говорилъ «отрѣшитъ осля», да, «отрѣшитъ осля»; приводили это коня съ такою тканью на головѣ да съ ушами, ну какъ бы и вправду оселъ; садился блаженный на него этакъ бокомъ, самъ батюшка царь въ ручки одинъ поводъ, царевичъ съ бояры за два другіе и опять это крестнымъ ходомъ въ Кремль.

ПРАСКОВЬЯ. (вытирая слезы).

А теперь... душегубцы, нехристи...

ЕГОРОВНА.

А впереди, на красныхъ этакихъ большихъ саняхъ, везли вербу, да, родимая, вербу, разукрашеную такую да разубранную огромадную вербу. Стрѣльцы-голубчики впереди идутъ радостные—радостные, всякіе тутъ сукна постилаютъ, пѣвчіе поютъ звонко этакъ, всѣ колокола звонятъ, трезвонятъ, заливаются...

СТЕПАНЪ. (мрачно).

А теперь у насъ колокола въ пушки переливаютъ.

ЕГОРОВНА.

Какъ, родимый?

СТЕПАНЪ.

Я слыхалъ... Такъ, снимаютъ съ колоколенъ да въ пушки переливаютъ.

ЕГОРОВНА.

Да ну, родимый?

СТЕПАНЪ.

Я слыхалъ.

ЕГОРОВНА.

Фу, нехристи!

ПРАСКОВЬЯ.

Да ужъ, Мареушка, добро, что не была ты сегодня. По басурмански вербу справляли, совсѣмъ по басурмански, по нѣмецки.

СТЕПАНЪ. (усмѣхаясь).

Да, еще бы! патріарха новаго не выбираютъ, чтобы беззаконье получше творить, а самъ царь въ латынскія земли ускакалъ. (Иронически). Царь!

МАРѲА.

Да, ужь справляй тутъ по христіански праздникъ... И какъ это чудно, правда, вѣдь всѣмъ вѣдомо, что это не царь, что онъ отъ нѣмки беззаконной рожденный, а всѣ молчатъ, терпятъ, ждутъ... Вѣдь всѣмъ вѣдомо, что Наталія Кирилловна, какъ стала отходить сего свѣта, то прямехонько ему сказала: «ты пошелъ, пошелъ, не сынъ ты мой,—замѣненный»! И сколько народу перегубилъ, сколько народу перегубилъ, душъ то, душъ то сколько православныхъ отправилъ на тотъ свѣтъ!.. А всѣ молчатъ, ждутъ, терпятъ... Дотерпятся, что изъ храмовъ Божьихъ кумирни нѣмецкія состроютъ. Вѣдь дотерпѣлись, что колокола снимаютъ, дотерпѣлись, что бороды ростить нельзя, дотерпѣлись, что въ еретическую одежду влѣзать заставляютъ!.. Ахъ ты Господи, да будь я парнемъ...

СТЕПАНЪ. (махая рукой, встаетъ).

Эхъ, Мареа Филипповна, пошла городить! Когда полъ-народа обнѣмечили...

МАРѲА.

Да кто тебѣ брехалъ, что полъ-народа?

СТЕПАНЪ. (махая рукой).

Э... да что! (Ходитъ по комнатѣ).

ПРАСКОВЬЯ. (укоризненно).

Стенька, а Стенька, забылъ ты, какъ батькѣ твоему да дядѣ кожу кнутомъ рвали? Забылъ ты, какъ на кострѣ грѣли, а потомъ вздернули на висѣлку? А за что! За то, что во Христа вѣрили, басурмановъ слушаться не хотѣли!.. Забылъ ты, спрашиваю!

СТЕПАНЪ.

Что жъ ты хочешь, чтобы и меня вздернули?

МАРѲА.

Ты послушай, что я тебѣ скажу!.. Вотъ если-бъ меня, смѣючись моему православью, раздѣли, да нагую бы передъ народомъ плетью били, да босую по снѣгу по рядамъ затаскали бъ, я бы слова не пикнула, потому за вѣру христіанскую и не стыдно бъ мнѣ было, и не холодно, и не больно!

СТЕПАНЪ.

Да прокъ-то, прокъ отъ этого какой?

МАРѲА.

Прокъ?!. Да коли всѣ бы такъ готовы были, такъ нѣмцевъ въ пухъ стерли бы, мокро да слизко осталось бы!

СТЕПАНЪ.

Когда батька со стрѣльцами возсталъ, всѣ готовы были, а какой прокъ вышелъ!.. Нѣтъ, Мареа Филипповна, этакъ сдохнуть мы и безъ пытки и безъ висѣлки сумѣемъ!

МАРѲА.

Ну сынокъ! У батьки, чай, кости ворочаются отъ словъ такихъ.

СТЕПАНЪ.

Будетъ время, будетъ мѣсто, будутъ люди—сдѣлаемъ! Какой-же воинъ, коли въ полѣ одинъ!

МАРѲА. (иронически).

Одинъ!..

ЕГОРОВНА. (послѣ паузы, къ Прасковьѣ).

Что, родимая, ты стрѣльчиха?

ПРАСКОВЬЯ.

Стрѣльчиха, душенька!

ЕГОРОВНА.

Чай намучилась, родимая, когда бунтъ былъ?

ПРАСКОВЬЯ.

Еще какъ намучилась-то! Легко-ль мужа да свояка на висѣлкѣ видѣть!.. Э-э-хъ!.. А пытали-то, пытали какъ! Вспомянуть, такъ сейчасъ морозъ по спинѣ! Надо сказать, матушка, что все это такъ вышло, какъ съ неба громъ: вдругъ. Жили мы себѣ тихо, лавочку въ рядахъ имѣли, стрѣлецкое жалованье получали, Богу молились и не тужили. Все вмѣстѣ, мирно такъ съ мужемъ жили. Онъ Кобыльскаго полка былъ, матушка, Кобыльскаго, и начальство у нихъ сперва было доброе такое, служба была легкая; сама, чай, знаешь, служба стрѣльца— сходилъ на караулъ да и баста! Да, служба какая же? самая легкая. И торговать не мѣшали, и Господу Богу молиться не препятствовали. Да, такъ мы и жили, душенька, да сынка вотъ растили... Хорошо...

МАРѲА.

Кваску, миленькіе, не хотите ли? А? съ рѣдечкой? (Встаетъ и идетъ къ шкафу).

СТЕПАНЪ.

Давай, Филипповна! Мать какъ начнетъ разсказывать, мнѣ такъ вотъ и зажжетъ все нутро.

МАРѲА. (выноситъ изъ шкафа и подаетъ на столъ посудину съ квасомъ, рѣдьку, ножъ и кружки).

ПРАСКОВЬЯ.

Ну, только это стали у нихъ начальники изъ нѣмцевъ отъ царя поставляться. Сегодня одного батогами, завтра другаго; досталось и свояку моему, потому онъ сонливый, а на ученье опаздывать не приказывали. Вишь ты, душенька, съ утра до ночи ихъ, какъ малыхъ ребятъ, учиться затаскали... Э-э-хъ.. Хорошо...

МАРѲА.

Егоровна! Что же ты квасочку-то! Стеня! (Егоровна киваетъ головой и наливаетъ себѣ и Степану). Рѣдечьки!.. хорошая, милые!. (Рѣжетъ рѣдьку и подчуетъ).

ПРАСКОВЬЯ.

Только вдругъ ихъ всѣхъ кого въ Азовъ, въ крѣпость, кого къ Литвѣ, къ шляхтамъ. Мужа со своякомъ къ Литвѣ отправили: Ну, душенька, сама знаешь, отъ семьи оторвутъ,— плясать не больно захочется. А тутъ нѣмцы прямо въ Москвѣ надъ вѣрой ругаться начали. Пакостничали, пакостничали, а царь въ чужихъ земляхъ. Вдругъ отъ матушки, царицы Софьи, письмо. Да, письмо! «Ступайте къ Москвѣ, говоритъ, теперь терпите, не того еще натерпитесь! Аль не видите, говоритъ, какъ вѣру поносятъ!» Стрѣльцы думали, думали, помолились Богу да и рѣшили идти въ Москву, раззорить гнѣздо дьявола—нѣмецкую слободу, перебить бояръ-нехристей, а вѣру возстановить какъ слѣдуетъ. Ну пошли это. Только, душенька, откуда ни возмись это—царь! А еще до него стрѣльцы, не поспѣвъ всѣхъ сманить, бой затѣяли и ихъ всѣхъ перебрали. Пріѣхалъ царь, узналъ все и давай казнить. Да гдѣ ты, душенька, въ то время была-то?

ЕГОРОВНА.

Въ Астрахани, родимая.

ПРАСКОВЬЯ.

Какая такая Астрахань!

ЕГОРОВНА.

Городъ, родимая; отсюда такъ очень далеко ѣхать.

ПРАСКОВЬЯ.

Вотъ оно какъ! А то у Преображенскаго вся Москва столпилась... Да, матушка. Ну, хорошо. Пытали это, сѣкли, сѣкли, а потомъ, ну не повѣришь, душенька, — царь, самъ царь всея Руси православной, какъ простой мужикъ, какъ палачъ-безбожникъ, сталъ топоромъ орудовать... Мало того, что въ чужихъ земляхъ скитается, что брѣется, что латынскіе кафтаны носитъ, мало того, что съ еретиками водкой упивается, мало ему всего — головы своими руками, вишь, сѣчь захотѣлъ. Да, матушка, какъ палачъ, какъ самый пропащій мужикъ. Засучилъ рукава, ну двѣ капли воды—заплечныхъ дѣлъ мастеръ. Да, матушка! И полетѣли православныя головушки, полетѣли отъ рукъ басурманскихъ! Да. А другихъ на висѣлку. Передъ самымъ дѣвичьимъ монастыремъ, передъ самыми окошками царицы повѣсили. И какъ стали они всѣ гнить, какъ стали вонять, въ Москвѣ просто въ каждой семьѣ по больному, потому воздухъ надъ Москвой какъ надъ помойной ямой сталъ. Да! Натерпѣлась я, душенька, всѣ слезы повыплакала. А онъ, кормилецъ-то, мужъ мой, какъ ѣхалъ на висѣлку, такъ не только что ропотъ, а просто этакъ ангельское смиреніе. Сидитъ это онъ въ одной телѣжкѣ, а своякъ въ другой. Свѣчки зажженые въ рукахъ горятъ, вѣтеръ дуетъ — не тухнутъ. На спинѣ подъ рубахой клочья мяса висятъ, а они еще держатся, молятся. Христосъ далъ имъ силу и встрѣтили они смерть со святостью. Да, оставили насъ сиротами безпріютными, заставили вѣкъ плакать.

СТЕПАНЪ.

Тогда правду говорили, что царь навѣшалъ стрѣльцовъ какъ полтей, а потомъ солить станетъ! Ха! царь!

МАРѲА.

Ну, Стенька, смотри, смотри, какъ бы на томъ свѣтѣ тебѣ...

СТЕПАНЪ.

Что?

МАРѲА.

Какъ бы не пришлось тебѣ изъ чистилища къ батькѣ на небо взывать, да прощенья за робость просить. Онъ— то со святыми услаждаться будетъ, а ты на угольяхъ поджариваться! Чай на томъ свѣтѣ костры то пострашнѣе, угольки погорячѣе. Что жъ, коль за вѣру страдать не хочешь...

СТЕПАНЪ. (обрывая ее сердито).

Сука ты, Мареа, ей-ей сука! Кто тебѣ блѣетъ, что я страдать не хочу?!

МАРѲА.

Кто блѣетъ? Такъ что же ты?! Страдай, а не прячься за матерню юбку.

СТЕПАНЪ.

Страдай!.. Такъ, безъ толку, чтобы тебя потѣшить!

МАРѲА.

Пять лѣтъ тебѣ долблю, пять лѣтъ говорю, чтобы ты, дуракъ, собиралъ помаленьку всѣхъ православныхъ, обдумалъ, какъ быть должно...

СТЕПАНЪ. (перебивая).

Съ Красной площади что ль сзывать-то? Выйти на площадь да и сзывать? Такъ, что ли? (Мареа съ презрѣніемъ машетъ рукой) Училъ тебя уму Терентій Иванычъ, да видно мягкая плетка была!.. Ну что зудишь-то, что зудишь! (Передразнивая) «Страдай, страдай, собери православныхъ», — эхъ ты! Слу-

шалъ я тебя раньше, вѣрилъ. Это правда — 5 лѣтъ въ уши жужжишь! Да вѣдь пойми ты: сдохнуть я всегда успѣю, только толкъ то какой!.. Ужъ коль околѣвать, такъ околѣвать съ толкомъ, чтобъ для православія прокъ вышелъ, вотъ что!

ЕГОРОВНА. (послѣ длинной, тяжелой паузы),

А что, родимые, слышала вотъ я, что царя у насъ нѣтъ, будто у насъ взаправду-то не царь, а выходецъ нѣмецкій.

МАРѲА.

Отъ Лефорта сынъ онъ.

ЕГОРОВНА.

Отъ нѣмца?

МАРѲА.

Вѣстимо. Лефортъ есть такой, нѣмецъ поганый...

СТЕПАНЪ.

Просто отъ дѣвки латынской родился.

ЕГОРОВНА.

Такъ, а напримѣръ царь Петръ-то батюшка, Петръ Алексѣевичъ, куда жъ онъ дѣвался?

СТЕПАНЪ.

Куда дѣвался? Въ царствѣ Стекольномъ остался. Поѣхалъ за море, ну и баста!

ЕГОРОВНА.

Какъ же это, родимый?

ПРАСКОВЬЯ.

Очень просто, душенька; не слыхала развѣ, что люди разсказываютъ?

ЕГОРОВНА.

Да... нѣту, родимая, правду сказать... ну напримѣръ... много вѣдь чего толкуютъ!..

ПРАСКОВЬЯ.

Ну, такъ вотъ что, матушка! я слыхала отъ Зосима,— старецъ есть такой благочестивый, — онъ, врать не станетъ и кромѣ того ему отъ Бога какъ бы откровеніе бываетъ: святой человѣкъ онъ. Да. Такъ вотъ онъ говоритъ, матушка, что какъ государь и его ближніе были за моремъ, и ходилъ царь по нѣмецкимъ землямъ и былъ въ Стекольномъ, — то въ нѣмецкой землѣ Стекольное царство держитъ дѣвица. Да, матушка! И вотъ та дѣвица надъ государемъ ругалась, ругалась, ругалась, ругалась, ставила его на горячую сковороду, а потомъ велѣла его со сковроды въ темницу бросить. Вотъ какъ, матушка! Ну хорошо. И вотъ насталъ день, когда та дѣвица... (запинается) видишь ли, замужъ выходила, кажись... кажись чуть не за Лефорта, за поганца то вотъ этого...

СТЕПАНЪ. (перебивая).

Врешь, матушка, врешь... Ничего она и не думала замужъ выходить!..

ПРАСКОВЬЯ.

А какъ же Лефортъ...

СТЕПАНЪ.

И никакого тамъ Лефорта не было. Вовсе не такъ.

ПРАСКОВЬЯ.

Да какъ же Зосимъ-то батюшка сказывалъ?..

СТЕПАНЪ.

Врешь, матушка, вовсе не такъ. У меня, чай, память то получше. Не замужъ она выходила, а просто была именинницей и въ то время князья ея да бояре стали ей говорить: «пожалуй, государыня, ради такого своего дни, выпусти его, государя»...

ПРАСКОВЬЯ. (перебивая).

Да, да, правда, голубчикъ, вспомнила, вспомнила: была она именинницей. А тогда она боярамъ и князьямъ отвѣ-

тила, что: «подите, посмотрите: буде онъ валяется, я для вашего прошенія выпущу. Ну хорошо. Князья это да бояре пошли, посмотрѣли его, государя, и сказали этой дѣвицѣ: «томенъ, государыня, томенъ»!.. и она имъ сказала «коли томенъ, вы его выньте»; и они, его вынявъ, отпустили. Да, матушка. Ну онъ пришелъ къ нашимъ боярамъ, бояре перекрестились, словно бы отъ радости, а сами сдѣлали сундукъ и въ немъ набили гвозди...

СТЕПАНЪ.

Бочку, матушка, а не сундукъ...

ПРАСКОВЬЯ.

Да, да, правда, правда, бочку. Сдѣлали они бочку и гвоздей въ ней набили. Въ тую вотъ бочку то и хотѣли они положить государя—батюшку. Хорошо. А про то увѣдалъ стрѣлецъ и, прибѣжавъ къ государю къ постелѣ, говорилъ: «царь—государь, изволь встать и выйти»!..

ЕГОРОВНА.

Русскій стрѣлецъ то, родимая?

ПРАСКОВЬЯ.

Русскій, матушка! «Ну, говоритъ, ничего ты, говоритъ, не вѣдаешь, что надъ тобою чинится». Да. И онъ, государь, всталъ и вышелъ и тотъ стрѣлецъ на постелю самъ легъ, на его мѣсто, а бояре пришли, схватили его, положили въ тое бочку да бросили въ море. Ну, а царь нашъ батюшка, государь Петръ Алексѣевичъ, такъ и остался въ Стекольномъ и завладѣнъ въ столпѣ. Вотъ и значитъ, что теперешній совсѣмъ не государь, а простой нѣмецъ поганый, что за мѣсто царя, что въ Стекольномъ остался, значитъ, пришелъ да и сталъ народъ мучить. Это такъ, милая, старецъ Зосимъ разсказывалъ, ужъ онъ все знаетъ, матушка. Да. Нѣту у насъ царя, вотъ и пошла бѣда бѣдовать.

МАРѲА. (вздыхая).

О-хо-хо, тошно православнымъ стало, охъ тошно!

СТЕПАНЪ.

Не всѣмъ тошно. Вонъ Александръ Данилычъ Меншиковъ, видишь, какъ пожалованъ.

МАРѲА.

Гм... Просто-ль онъ живетъ-то! Онъ отъ Христа отвергся, для того отъ государя и милость имѣетъ. За нимъ бѣсы ходятъ и его берегутъ, вотъ что!.. Что же квасокъ-то не жалуете? Прасковьюшка, пригуби, ангелокъ!

ПРАСКОВЬЯ. (подставляетъ кружку, Марѳа наливаетъ).

Да и правда глотка пересохла что-то. А что же Терентій Ивановичъ? (Пьетъ) Работаетъ что ли?

МАРѲА.

Что ты, ангелокъ, развѣ сегодня можно! А онъ къ батюшкѣ Зосиму пошелъ, потому, какъ праздникъ, онъ божественный разговоръ очень любитъ. Можетъ и сюда его приведетъ. Пошла бы я сама, да вотъ немочь въ рукѣ одолѣваетъ. Хорошо бы, коль Егоровна вылѣчила, вѣкъ бы Богу за нее кланялась.

ЕГОРОВНА.

Вылѣчу, родимая, вылѣчу. У меня этотъ заговоръ просто самый хорошій.

ПРАСКОВЬЯ.

И гдѣ это ты матушка выучилась? Кто тебя сподобилъ то!..

ЕГОРОВНА.

Да что, родимая, это, напримѣръ взять, всякій можетъ, коли если какъ слѣдуетъ, какъ надобно, дѣлаетъ... ну да и тоже вѣра стало быть нужна. Не всякій сможетъ, родимая. Да. Коли возьмется къ примѣру не благочестивый какой, ужъ понятно не выйдетъ, а если и боголюбивый и хорошій

какой, да безъ крѣпкой мысли скажетъ, тоже, родимая, не выйдетъ. Потому трудно, трудно, родимая, очень трудно!

Прасковья (качая головой).

Да и какъ не трудно-то! Коли было-бъ легко, всякій заговаривалъ бы. (За сценой слышенъ долгій, хриплый кашель).

ЯВЛЕНІЕ III.

АНДРОНОВЪ. (высокій, худой, входитъ и кланяется; за нимъ Зосимъ, съ длинной всклокоченной бородой, съ клюкой въ рукѣ).

А! здравствуйте, гости желанные! (Здоровается съ Прасковьей и Степаномъ). А вотъ я не одинъ, хе, хе. Батюшку Зосима завлекъ; вечерокъ скоротать позанятнѣй-то съ батюшкой!..

ЗОСИМЪ. (кланяется и откашливается).

Гдѣ сѣсть то, православные?

МАРѲА.

А вотъ, батюшка, на кроваточку... помягче чтобъ было. (Зосимъ садится). Какъ здоровьеце, батюшка?

ЗОСИМЪ.

Стражду, стражду...

ПРАСКОВЬЯ. (вздыхаетъ).

Э-э-эхъ... Господи помилуй!.. помилуй насъ грѣшныхъ!

ЗОСИМЪ. (поникая головой).

Стражду...

АНДРОНОВЪ. (садясь на скамейку и наливая квасу. Послѣ паузы).

А вотъ батюшка Зосимъ, хе, хе, 30 рублевъ въ казну антихристову далъ... хе... хе.

МАРѲА.

За что? за бороду?

АНДРОНОВЪ.

Вѣстимо за бороду. Коль брить не хочешь, тридцать или тамъ сколько, а подай!

МАРѲА.

Вотъ!.. а вѣдь ты, бритый песъ, пожалѣлъ.

АНДРОНОВЪ. (удивленный).

Пожалѣлъ? Да развѣ меня спрашивалъ бояринъ. Сказалъ попросту: «сбрей», ну и значитъ, кончено. «Ужъ коли, говоритъ, я, бояринъ Ѳедоръ Абрамовичъ Лопухинъ, бритымъ сталъ, такъ ужъ пусть всѣ мои слуги бритыми ходятъ!» Да. Очень просто. И не хотѣлъ, а обрили. Хе, хе, хе! Пожалѣлъ 30 рублевъ! Больше бы далъ, еслибъ было, — не берутъ съ меня!

СТЕПАНЪ.

Коли бъ у меня борода была, я бы не обрился.

АНДРОНОВЪ.

Ну и отстегали-бъ, коль служилъ бы у Лопухина.

СТЕПАНЪ.

Ну и отстегали бы!

АНДРОНОВЪ.

И обрили бы вдобавокъ.

СТЕПАНЪ.

Бабушка на двое еще сказала.

МАРѲА.

Правду говоришь, Стенька, бабушка на двое еще сказала.

АНДРОНОВЪ.

Хе, хе, хе, да развѣ мнѣ удовольствіе?.. А видали-ль вы самый знакъ антихристовъ, что за бороду выдается?

СТЕПАНЪ.

Я видѣлъ.

АНДРОНОВЪ.

Зосимушка, покажи, родной! бабы, чай, не видѣли.

ЗОСИМЪ. (достаетъ изъ-за пазухи тряпичный комочекъ, развертываетъ его и вынимаетъ мѣдяшку).

АНДРОНОВЪ. (беретъ мѣдяшку въ руки).

Вотъ! 30 рублевъ стоитъ! хе, хе, хе.

МАРѲА. (беретъ мѣдяшку у Андронова и разсматриваетъ ее вмѣстѣ съ Прасковьей).

Что здѣсь прописано? (Степанъ беретъ мѣдяшку и отходитъ въ уголъ, къ лампадкѣ).

АНДРОНОВЪ.

Теперь у кого осталась борода, тотъ будетъ особую одежду носить: воротникъ изъ клеенки, да шапку особую.

СТЕПАНЪ. (рѣшительно).

Это не настоящій знакъ. Я видѣлъ. Настоящій другой. Здѣсь еле разберешь, что написано «деньги взяты», а на настоящемъ вырѣзано такъ, что слѣпой разберетъ... Этотъ не настоящій.

ПРАСКОВЬЯ.

Господи Ісусе, да какъ же это?

СТЕПАНЪ.

Я знаю. Я у Володи Бунина видѣлъ. Этотъ знакъ не настоящій. (Передаетъ мѣдяшку Зосиму).

ЗОСИМЪ.

Такъ за бороду еще что ль платить?... (Закашливается).

СТЕПАНЪ.

Да, батюшка, еще 30 рубликовъ дать надобно. Этотъ знакъ не настоящій.

ЗОСИМЪ.

Окаянные... (Послѣ паузы). Присталъ хожалый... Приперъ въ воротахъ: «давай, давай царю за бороду».—«Да кто ты?» спрашиваю; «сборщикъ», говоритъ, «вотъ у меня и грамоты и знаки есть; давай царю за то, что носишь бороду!» Ну вотъ!

СТЕПАНЪ.

Ихъ много теперь развелось... всякой сволочи! Выдаютъ себя за сборщиковъ. Ну, а этотъ знакъ не настоящій.

ЗОСИМЪ.

Окаянные...

СТЕПАНЪ.

Придется за настоящій еще 30 рубликовъ дать.

ЗОСИМЪ.

Окаянные!... гм.... за бороду платить!... за бороду! гм... (Повышая голосъ). И заплачу!! Все отдамъ, все. Однорядку отдамъ, шапку, обувь отдамъ, а котамъ и псамъ не уподоблюсь!... Не уподоблюсь! Какъ святые были съ бородой, такъ и православному надлежитъ, а ты, ты бери, бери все, рубашку бери, отдамъ, все отдамъ!...

ЕГОРОВНА.

Доколѣ жъ это все будетъ? Доколь разбойничать, душегубствовать будутъ?

ЗОСИМЪ.

До скончанія міра, голубушка, до скончанія міра! Близокъ день, ой близокъ какъ! Тогда явится знаменіе Сына Человѣческаго на небеси, и тогда восплачутся вся колѣна земная и узрятъ Сына Человѣческаго, грядуща на облацѣхъ небесныхъ

съ силою и славою многою! Близокъ день! И раздастся трубный звукъ и огласитъ онъ весь міръ, и праведники и грѣшники услышатъ его. И изыдутъ сотворившіи благая въ воскрешеніе живота, а сотворившіи злая въ воскрешеніе суда. (Закашливается). Ждите, ждите всѣ. Теперь близокъ день!

ПРАСКОВЬЯ. (тихо всхлипывая).

Господи!.. Господи!..

ЗОСИМЪ. (послѣ паузы).

Слышали-ль, братья, слышали-ль, что антихристъ извѣстенъ!.. Его за царя чтутъ, за него попы въ церкви молятся и кровью харкаютъ послѣ этого... Его боятся, страшатся! Онъ, насмѣхаясь, велитъ въ одежды бѣсовскія облачаться, и облачаются трусы, велитъ табакъ курить и носомъ тянуть сіе зѣлье блудницы, и тянутъ трусы, велитъ колокола въ пушки лить, и льютъ трусы! Гм... его за царя чтутъ!.. Слѣпые. Или вы разума лишились, или помертвѣла душа ваша отъ беззаконій вашихъ?.. Сказано въ книгахъ, что настанутъ глады, землетрясенія, язвы моровыя, чума, люди станутъ изнемогать и страдать отъ страха, грядущаго на міръ и въ тоже время всѣхъ охватитъ безпечность, яко глубокій сонъ. Возникнетъ вражда жестокая, войны ужасныя... И развѣ не сбылось это все? Развѣ мы не терпимъ глада, развѣ не наслалъ Богъ на насъ болѣзней страшныхъ, развѣ люди не изнемогаютъ и не страждутъ отъ страха нескончаемаго и развѣ въ то же время не безпечны люди?!!. А вражда всеобщая! А войны кровопролитныя и нескончаемыя! Антихристу нужно крови христіанской, и она льется, льется какъ вода! Близокъ день! Самъ антихристъ явился и ждите, ждите страшнаго суда! Тогда, православные, наступитъ конецъ вашимъ бѣдствіямъ, тогда отдохнете на лонѣ Авраама! (Закашливается). Кто не вѣритъ, что Петръ, котораго чтутъ за царя, антихристъ? Кто?! (Закашливается). Писано въ книгахъ, что осьмой царь будетъ антихристъ, и нынѣ осьмой царь Петръ. Сказано въ Писаніи, что антихристъ измѣнитъ времена, и Петръ сталъ вмѣсто Септемврія справлять новый годъ въ Януаріѣ и прекратилъ православное лѣтосчисленіе, что отъ сотворенія міра. Всѣ книжники уразумѣли число 666! О царѣ, о царѣ—вы-

хдцѣ именно сказано въ книгѣ Валаамскихъ чудотворцевъ: онъ и головою запрометываетъ, и ногой запинается, и то его нечистый духъ ломаетъ!.. И многіе знаютъ, что онъ антихристъ, а покланяются ему. Трусы поганые! Псы смердящіе, страшащіеся умереть за вѣру! Всѣ умремъ! Но... какъ умремъ и что мы будемъ въ той жизни!.. (Пауза). Близокъ день, братья, ой, ой, какъ близокъ... (Долго кашляетъ).

ПРАСКОВЬЯ.

Господи Ісусе, помилуй мя грѣшную... Прости ми прегрѣшенія!

МАРѲА (Степану).

Ну Стенька, слышишь, слышишь что сказываютъ?

ЗОСИМЪ.

И зачѣмъ тоже эти войны всѣ, какъ не кровь православныхъ лить? Вѣдь сей міроѣдъ весь міръ переѣстъ и противности ни отъ кого не будетъ!.. Вѣдь отъ страху всѣмъ дыханье сперло, никто дохнуть не смѣетъ, сказать не смѣетъ!. Трусы... У!.. Трусы поганые!..

СТЕПАНЪ.

Батюшка, не всѣ трусы... не всѣ, батюшка. У меня отца и дядю за то, что басурмановъ слушаться не хотѣли, на висѣлку вздернули и мучили всячески кнутьемъ и огнемъ. Мы съ матушкой сиротами остались... и денегъ у насъ скоро—хоть душу закладывай... И я, батюшка, поклялся, что какъ подросту да уму наберусь, возьмусь за правое дѣло и отомщу, сколько силъ хватитъ... Эта дума засѣла во мнѣ и по сіе время сидитъ.

МАРѲА. (перебивая).

А самъ ни съ мѣста!

СТЕПАНЪ. (Марѳѣ).

Молчи! (Зосиму). И не знаю я, батюшка, какъ за дѣло мнѣ взяться, да какъ этакъ подойти къ нему половчѣе... Желанье есть, храбрость есть... ума только приложить не умѣю. Вѣдь

слѣдуетъ, чтобъ прокъ православнымъ былъ... чтобъ съ толкомъ вышло, а не кое какъ...

МАРѲА. (перебивая, къ Зосиму).

Ну скажи, отецъ, мало теперь недовольныхъ, мало развѣ ропщущихъ на Руси?.. Да вотъ у меня, къ примѣру, тоже батьку вздернули, а брата на войну потащили... И въ каждомъ семействѣ ропщущіе есть, потому самъ Ангелъ съ небеси возропщетъ. Вѣдь испоконъ вѣковъ на Руси такого не было...

ПРАСКОВЬЯ.

И кабы отъ настоящаго царя православнаго терпѣть, а то отъ треклятаго басурманина.

МАРѲА.

Вотъ я ему, батюшка, 5 лѣтъ все говорю, 5 лѣтъ научаю, чтобъ собиралъ онъ товарищество, обдумывалъ какъ слѣдуетъ... Вѣдь сначала, въ самомъ дѣлѣ, ну молодцовъ десять пристанетъ, а потомъ смотришь—сотня, другая, третья, глядишь—чуть не вся Москва поднялась. Ну и бей тогда, коль не трусъ, бей, бей, бей нѣмцевъ, басурмановъ, нехристей, бей собакъ паршивыхъ, бей псовъ смердящихъ, сволочь поганую, раззорителей нашихъ. Бей мучителей православныхъ, чортово отродіе!..

АНДРОНОВЪ.

Хе, хе, бей, бей, пока на висѣлку, хе, хе, не вздернули.

МАРѲА. (передразнивая).

На висѣлку! Ишь трусъ бритый—льстивый!..

ЗОСИМЪ (Андронову).

Нѣтъ, нѣтъ, ты не такъ говоришь, Терентій! Кабы всѣхъ собрать да съ знаменами православными противъ еретиковъ латынскихъ выступить, то отъ всего войска, т. е. антихристова, ничего бы не осталось!

МАРѲА.

Ага! что я говорила?!.

ЗОСИМЪ.

Ну, а коли Богу сіе неугодно... ну... Господня воля, а только развѣ лучше, какъ теперь жить! Поруганье вѣры видѣть! Смерть?!. Ну смерть, такъ смерть... успокоеніе... что-жъ всѣ умремъ!.. А только развѣ не завиднѣе за вѣру умереть?

ЕГОРОВНА. (послѣ паузы).

Иногда хоть и баба, хоть и стара, да хоть и дура, а случается, родимыя, что можетъ и умно сказать. Да. Я къ примѣру это... говорю вотъ что: я, родимые, была этотъ годъ опять въ Астрахани,—городъ есть такой, жаркій, жаркій городъ... Да. А далеко отсюда такъ, что раньше какъ черезъ два мѣсяца и не думай туда попасть. Ужъ это два мѣсяца коли просто денегъ не жалко. Да, родимые. И чудной это городъ... и народовъ тамъ всякихъ есть, и крещеныхъ, и некрещеныхъ... словомъ, всяческихъ... И туда съ разныхъ концовъ Руси много людей понаѣхало... и изъ Новгорода и изъ Москвы, изъ Ярославля, словомъ, отовсюду. А понаѣхали всѣ, потому что невтерпежъ стало жить близко отъ Москвы. Да, просто невтерпежъ, ну и уѣхали. Дальше Астрахани просто некуда ѣхать, потому пустыня и ни воды, ни деревца не увидишь. Хорошо...

МАРѲА.

Ты это насчетъ чего, Егоровна?

ЕГОРОВНА.

А вотъ слушайте! И всѣ ѣдутъ туда, думая, что ужъ такъ далеко нѣмцевъ владычество не распространяется, что тамъ просторно, словомъ, свободно дышать православному можно. Ну, хорошо. А только на самомъ дѣлѣ тамъ нѣмцевъ столько же, сколько и на Москвѣ пожалуй. Ей Богу! Да. Ну это, кто, напримѣръ, поѣхалъ отъ нѣмцевъ, а наѣхалъ опять на нѣмцевъ, ну, конечно, уразумѣваетъ, что на Руси отъ нѣмца никуда не уйдешь. Да. И жутко всѣмъ становится, такъ жутко, что и рады бы плакать, да слезъ нѣтъ. И я тамъ, родимые, цѣлыхъ полъ-лѣта прошлаго провела. У Якова Михайловича Носова жила, онъ мнѣ кумомъ приходится; да,

родимые, хорошій такой. Онъ ярославецъ, гостинной сотни, I-ой статьи. Видный мущина. И вотъ онъ сказывалъ: «эхъ, Егоровна, поселился я въ Астрахани и здѣсь мнѣ и гробъ сдѣлаютъ, потому воротиться на родину не придется».— «Почему, говорю, куманекъ?»—«Потому, говоритъ, что я жду только случая, чтобъ смутить вмѣстѣ съ товарищами всѣхъ православныхъ и нѣмцевъ избить. Ну вотъ и сложу свою голову». И много тамъ такихъ людей, просто страсти, какъ много. Нѣмцы тамъ такой страхъ наводятъ, такія безчинства творятъ, что просто глаза у всѣхъ вылѣзть хотятъ... А воевода тамошній, Ржевскій, самъ обасурманился и съ нѣмцами самъ за одно. Да. И я, вотъ, родимые, хоть голову рубите, а просто могу сказать, что тамъ окромя нѣмцевъ никого довольнаго не найдешь. Всѣ словно вотъ какъ солома: такъ вспыхнуть и готовы,—только подожги! Такъ я, родимые,—ну коль дурацкій мой совѣтъ, такъ пусть дурацкій, а только по моему ужъ если гдѣ начать ополчаться православнымъ, такъ это въ Астрахани. Вотъ что, родимые, я хотѣла сказать!

ЗОСИМЪ. (вздохнувъ).

Нѣтъ, голубушка, это не дурацкій совѣтъ. Дай Богъ всякому умницѣ такіе совѣты давать. Ты, хоть и не казиста, а умъ у тебя царскій. Ей-ей, царскій! (Закашливается) Я, голубка, чуточку и самъ слыхалъ про сію Астрахань, и ты правду говоришь, ужъ это вѣрно, что дальше Астрахани ѣхать некуда... и если затѣвать, такъ въ Астрахани; потому покуда у насъ на Москвѣ довѣдаются, оттуда полъ-Руси поднять можно. Это ты по царски совѣтъ дала, прямо, голубка, по царски. (Закашливается).

ЕГОРОВНА.

Спасибо, батюшка, на добромъ словѣ, спасибо, родимый. Я вѣдь отъ сердца... Просто отъ сердца совѣтую. Вѣдь это правда, батюшка, коли въ Москвѣ огородъ городить, заклюютъ нехристи, просто заклюютъ. Потому одинъ Ромодановскій чего стоитъ!.. А ежели въ Астрахани вотъ...

СТЕПАНЪ.

Слыхалъ я про Астрахань... какъ-же, самъ думалъ, размышлялъ про нее... А сколько времени до Астрахани ѣхать?

ЕГОРОВНА.

Два мѣсяца, родимый, два мѣсяца.

СТЕПАНЪ.

А ты знаешь, какъ ѣхать?

ЕГОРОВНА.

Да коли соберешься, родимый, то я такъ научу, что слѣпой и нѣмой доберется.

ПРАСКОВЬЯ.

Стеня вотъ собирался въ Коломну ѣхать у дяди Сугоняя денегъ просить. Дядя Сугоняй башка умная... и на бѣломъ свѣтѣ побывалъ; вотъ если онъ совѣтъ дастъ въ Астрахань ѣхать, ну тогда... самъ Богъ велѣлъ!

СТЕПАНЪ. (нервничая).

Я, мама... вотъ что! Я... на той недѣлѣ въ Коломну поѣду... Ладно?

ПРАСКОВЬЯ. (удивленно).

На той ужъ недѣлѣ?

СТЕПАНЪ.

Да что, ужъ коли... ужъ коли дѣлать, такъ дѣлать... Если дядя Сугоняй дастъ совѣтъ, дастъ денегъ,—прямехонько поѣду въ Астрахань. Что, ей-Богу! Вѣдь пять лѣтъ собираюсь, надобно же встать за православье... Ей-Богу, жду, жду, жду... Надоѣло просто... Ну, надо сложить голову, ну и сложу... Батька вѣдь сложилъ свою! (Прасковья сначала прерывисто дышетъ, потомъ глухо рыдаетъ).

СТЕПАНЪ. (подходя къ ней).

Да что ты, мама! Ну... въ самомъ дѣлѣ... Да брось же... Эхъ! ну что ты?..

ПРАСКОВЬЯ. (рыдая).

А... какъ тебя на висѣлку... вѣдь ты одинъ у меня...

СТЕПАНЪ.

Волковъ бояться—въ лѣсъ не ходить... Батюшка Зосимъ вѣдь твой совѣтъ ѣхать?

ЗОСИМЪ.

Ѣхать, пригожій мой, ѣхать!

СТЕПАНЪ.

Терентій Ивановичъ, ѣхать мнѣ въ Астрахань?

АНДРОНОВЪ.

Ужъ коль Егоровна и батюшка Зосимъ совѣтуютъ, такъ...

СТЕПАНЪ.

Марѳа Филипповна, ѣхать?

МАРѲА. (обнимая его съ плачемъ).

Стенька, прости меня, суку... что лаялась съ тобою... Прости меня!..

СТЕПАНЪ.

Полно, Марѳа Филипповна! я не злой,—я не нѣмецъ!..

ПРАСКОВЬЯ.

Стенька, аль ты вправду?.. Стенька, на кого ты меня покидаешь?.. (Громко рыдаетъ).

СТЕПАНЪ.

Э-эхъ! полно раньше времени плакать-то!.. Ну, ей-Богу! Мама!.. перестань!..

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Большая площадь, залитая яркимъ солнечнымъ свѣтомъ. Налѣво, близко къ авансценѣ, передній фасадъ бѣлой каменной церкви съ выступающей на площадь папертью. Направо видна боковая сторона деревяннаго домика объ одномъ окошкѣ. Въ глубинѣ высокій, каменный, бѣлый заборъ (*Бѣлгородская стѣна*), съ широкими открытыми воротами направо. За заборомъ виднѣются крыши домовъ, среди которыхъ возвышаются деревянныя церкви, колокольни и высокій минаретъ. Почти на самой авансценѣ, нѣсколько направо, стоитъ дубъ съ сожженой листвой. У воротъ и у деревяннаго домика персы, армяне и татары торгуютъ арбузами, дынями, пряниками, квасомъ, сушеными фруктами и пр. Около паперти нищіе, увѣчные и калѣки. Почти всю сцену заполняетъ народъ въ праздничныхъ одеждахъ. Одни сидятъ на ступенькахъ паперти, другіе на землѣ, третьи стоятъ, прислонившись къ забору, четвертые ходятъ, торгуются съ продавцами и пр. Почти во все время дѣйствія слышенъ легкій говоръ народа.

ЯВЛЕНІЕ I.

СТЕПАНЪ. (въ костюмѣ стрѣльца, стоитъ передъ персомъ съ бочкой кваса, допиваетъ кружку, вытираетъ губы и суетъ кружку подъ отверстіе бочки).

Ну-тка четвертую кружечку! Такъ. (Пьетъ). Экая вѣдь жарища!.. фу!.. Налей—ка еще! (Подставляетъ кружку). Здѣсь, чай, въ Астрахани, и въ баню не надо ходить! Ей-Богу такъ распаритъ, что... (Пьетъ). Ты, братъ, налей—ка еще! (Подставляетъ). Спасибо. (Пьетъ). Славный у тебя квасъ! Чай, у насъ въ Москвѣ, такого не сыщешь! (Вынимаетъ деньги). Или это отъ жары такъ кажется...

МЕДКОВЪ. (въ одеждѣ церковнаго пѣвчаго, проходитъ черезъ толпу къ бочкѣ квасу и говоритъ басомъ).

Ну—ка, малый, хлестни-ка! Холодный? (Принимаетъ отъ перса кружку и пьетъ). Еще валяй! (Подставляетъ кружку).

СТЕПАНЪ. (расплатившись, смотритъ на Медкова пристально. Вскрикивая).

Петька!.. Да неужто-ль?!! Петька!!!

МЕДКОВЪ.

Степанъ?! Наконецъ-то! (Цѣлуются) ужъ я тебя искалъ, искалъ...

СТЕПАНЪ.

Пріѣхалъ?!

МЕДКОВЪ.

Какъ видишь. Ужъ и искалъ я тебя...

СТЕПАНЪ.

Когда пріѣхалъ изъ Москвы?

МЕДКОВЪ.

Да ужъ 5 дней. А ты что это, въ стрѣльцахъ?

СТЕПАНЪ.

Въ стрѣльцахъ. Ну говори, какъ же это ты вдругъ?

МЕДКОВЪ. (давъ монету персу).

А вотъ такъ, братецъ: взялъ да и бацнулъ изъ Москвы.

СТЕПАНЪ.

Что же ты со мною то не ѣхалъ? Вѣдь два вечера тебя уламывалъ, а ты—не поѣду да не поѣду!

МЕДКОВЪ. (отходя со Степаномъ къ рампѣ).

Да что подѣлаешь? Когда ты меня уговаривалъ, три мѣсяца тому назадъ, тогда другія времена для меня были.

СТЕПАНЪ.

А что? Еще что новое затѣялось?

МЕДКОВЪ.

Да то, братецъ мой, что пронесся самый вѣрный слухъ...

СТЕПАНЪ.

Какой слухъ?

МЕДКОВЪ.

Что насъ всѣхъ, пѣвчихъ, возьмутъ въ солдаты и прямехонько погонять на Свейскую войну.

СТЕПАНЪ.

Да ну?!

МЕДКОВЪ.

Вотъ ей-Богу! царь, видишь ли, сказывалъ, что дьяконы сами за пѣвчихъ пѣть могутъ, а что пѣвчіе пусть шведовъ бьютъ. Ну вотъ, я до того, какъ указъ объ этомъ вышелъ, и дрàла сюда!

СТЕПАНЪ.

Молодчина!

МЕДКОВЪ.

Здѣсь, братъ, самъ, какъ пріѣхалъ, понялъ, что изъ Москвы зови—не дозовешься!.. Да, былъ пѣвчій отъ Спаса, въ Москвѣ, а теперь отъ Воздвиженья, въ Астрахани... Пока сюда указъ пришлютъ да пока его прочтутъ...

СТЕПАНЪ.

До тѣхъ поръ вся Астрахань, весь Донъ, Красный Яръ, Черный Яръ, всѣ поднимутся!..

МЕДКОВЪ.

Что, братъ, дѣло ладится?

СТЕПАНЪ.

Просто не повѣришь!

МЕДКОВЪ.

Да ну?

СТЕПАНЪ.

Вотъ тебѣ крестъ!.. подожги маленечку, все вспыхнетъ. Я тебѣ все разскажу, ты только мнѣ скажи, какъ ты добрался-то? Откуда деньги взялъ?

МЕДКОВЪ.

Продалъ пожитки, да у дѣда еще взялъ.

СТЕПАНЪ.

Ну... а здѣсь, въ пѣвчіе, сразу взяли?

МЕДКОВЪ.

Сразу. Вѣдь у меня голосище, братецъ мой, во!.. (Поетъ). Господи поми-и-лу-у-уй!.. Просто здѣсь самъ дьяконъ не надивится!

СТЕПАНЪ.

Ну что новаго въ Москвѣ?

МЕДКОВЪ.

Да что новаго? Попа Никандра Вятскаго, что у Николая Чудотворца служилъ, палками отколотили. Онъ о пришествіи антихриста такую проповѣдь держалъ, что просто... (Машетъ рукой).

СТЕПАНЪ.

Ну?!

МЕДКОВЪ.

Ей-Богу. Потомъ... да, Манька Васильева умерла... гнилой рыбой объѣлась!

СТЕПАНЪ.

Манька Васильева?

МЕДКОВЪ.

Да, рыба гнилая попалась; ужъ такъ, говорятъ, она мучилась. Да, потомъ Ванька, что у Кожухина служилъ, чуть въ

бѣду не попалъ. Слава Богу, обошлось. Съ Варварой Даниловной нашалилъ, ну, а отецъ узналъ—чуть до смерти не убилъ!

СТЕПАНЪ.

Эка, вѣдь дернуло же!

МЕДКОВЪ.

Да ничего, обошлось! Теперь женится.

СТЕПАНЪ.

Ну... а у Мароы Филипповны былъ?

МЕДКОВЪ.

Былъ. Все плачетъ, что Стеньку ругала.

СТЕПАНЪ.

Ну, а у матушки былъ?

МЕДКОВЪ.

Какъ-же! Тоже плачетъ. И такъ горько, горько. Просто жалости смотрѣть. Кланяется тебѣ. Говоритъ: «поцѣлуй его покрѣпче, скажи, что я денно и нощно молитвы Царю Небесному о немъ приношу». Да и страдаетъ она. Совсѣмъ одна вѣдь одинешенька. И все плачетъ, тихо такъ, но такъ жалостно. (Степанъ утираетъ кулакомъ слезы). Говоритъ еще: «скажи ему, чтобы онъ все таки поберегъ себя. Пусть потихоничку все дѣлаетъ».

ЯВЛЕНІЕ II.

ЯК. НОСОВЪ. (съ Давыдовымъ, одѣтымъ въ форму рейтара, и Прохоромъ Носовымъ, войдя черезъ ворота и поздоровавшись со многими, подходитъ къ Степану).

Что? еще въ церковь не пускаютъ?

СТЕПАНЪ.

Такъ точно, Яковъ Михайловичъ — не пускаютъ. Вотъ дозволь познакомить — Петръ Медковъ; только что встрѣтились. Онъ только 5 дней какъ изъ Москвы.

ЯК. НОСОВЪ. (Медкову).

Добро пожаловать. Астрахань любитъ хорошихъ пѣвчихъ. А что это къ намъ?—въ Москвѣ развѣ не по нраву пришлось?

МЕДКОВЪ.

Отъ нѣмцевъ бѣжалъ, государь мой,—нѣмецъ душитъ. Душенька вся изныла—отдохнуть просится.

ЯК. НОСОВЪ.

Такъ... Ну а какъ, не слышно, Свейская война, къ концу, али нѣтъ?

МЕДКОВЪ.

Какой къ концу! Все новыхъ солдатъ набираютъ. Ей конца, чай, никогда не будетъ.

ЯК. НОСОВЪ. (задумчиво).

Да... чудна́я война... (Качая головой, отходитъ съ Давыдовымъ и Пр. Носовымъ къ церкви и усаживается на ступени паперти).

СТЕПАНЪ. (Медкову).

Вотъ, голубчикъ мой,—человѣкъ!.. Если отъ Астрахани Русь поднимется за вѣру православную да за старину,—этому человѣку всѣ въ ноги бухнуться должны!.. Онъ здѣсь первый заговорилъ громче другихъ, первый сталъ собирать и совѣтъ держать среди православныхъ!.. А что за душа у него!.. Мухи, комара не обидитъ,—вотъ какой человѣкъ! Сколькимъ нищимъ, сколькимъ болѣзнымъ денегъ передалъ!..

МЕДКОВЪ.

А кто онъ такой?

СТЕПАНЪ.

Посадскій Носовъ, Яковъ Михайловичъ, неужто не слыхалъ?

МЕДКОВЪ.

Ахъ Носовъ?! Такъ вотъ онъ какой... А-а.. Слышалъ, братецъ; такъ вотъ онъ какой!.. Какъ-же, здѣсь всѣ его знаютъ... А кто это съ нимъ?

СТЕПАНЪ.

Племянники: Давыдовъ да Прохоръ Носовъ, — славные парни. Я, голубчикъ, какъ пріѣхалъ сюда, прямехонько къ нему. Такъ и такъ, разсказываю. Онъ меня въ стрѣльцы и опредѣлилъ. Денегъ еще далъ. Ангельская душа, просто ангельская.

МЕДКОВЪ.

Какъ-же, всѣ его хвалятъ. Однако, что это церковь—то народу не отпираютъ?.. Батюшка съ дьякономъ ужь въ алтарь черезъ малыя ворота прошли и пѣвчія наши тоже тамъ прохлаждаются. Отчего это двери-то народу не отворятъ? Пора, кажись!..

СТЕПАНЪ. (усмѣхаясь).

Гм... а вотъ обожди... придутъ, какъ въ прошлое воскресенье, Ванька Евреиновъ да капитанъ Глазуновъ и отворятъ двери. Станутъ впускать въ церковь тѣхъ, у кого бороды бриты, да платья короткія, а кто съ бородой сунется, — обрѣжутъ, дѣвка въ сарафанѣ длинномъ попретъ,—тоже до колѣнъ обрѣжутъ... Вотъ увидишь, какія они ножницы приволокутъ.

МЕДКОВЪ.

Да полно врать, ей-Богу!

СТЕПАНЪ.

Ну вотъ тебѣ крестъ—не вру. Обожди—самъ увидишь. А обѣдню начнутъ лишь, когда воевода пріѣдетъ.

МЕДКОВЪ.

Что, говорятъ, онъ страшный?

СТЕПАНЪ.

Увидишь. Я тебѣ, Петя, скажу, что просто самъ Богъ послалъ въ Астрахань воеводой Ржевскаго.

МЕДКОВЪ.

То есть какъ, не пойму.

СТЕПАНЪ.

А такъ, что никогда бы здѣсь не произвести возстанья, если бы не Ржевскій. Вѣдь здѣсь окромя нѣмцевъ ни одного человѣка не найдешь довольнаго Ржевскимъ. На Москвѣ того не дѣлается, что въ Астрахани. Царскій Указъ, къ примѣру, бороды али брить, али платить пошлину; въ Москвѣ такъ и взыскиваютъ. А Ржевскій, шутъ его знаетъ, велитъ ровно всѣмъ бороды рѣзать, а коль не хотятъ добромъ, то просто съ мясомъ вырывать. Ну, жаловаться на него некому, и терпятъ всѣ и ждутъ, поджидаютъ, не найдется ли, кто поганца Ржевскаго укокошитъ!

МЕДКОВЪ.

Тише ты!—услышатъ!

СТЕПАНЪ. (смѣясь).

А коль услышатъ, такъ скажутъ «правильно».

ЯВЛЕНІЕ III.

ЮРОДИВЫЙ. (выбѣгаетъ изъ воротъ мелкими шажками и ежится. Онъ одѣтъ въ зимній тулупъ на мѣху, въ валенкахъ и зимней шапкѣ. Говоритъ шепелявя).

О, ю, ю, о, ю, ю, Мисѣ холёдно, Миса зябнетъ... Бббб... ой холёдно... ой-ой-ой какъ холедно, оюю, оюю, Миса замельзнетъ... о-о-о... (Бѣжитъ къ дверямъ церкви).

ГОЛОСА ИЗЪ НАРОДА.

Здравствуй Миша!.. Озябъ Мишенька?.. Что? шуба плохо грѣетъ?!

СТЕПАНЪ (Медкову).

Это здѣшній блаженненькій.

ЮРОДИВЫЙ (стучитъ кулакомъ въ двери церкви).

Отволите двель, отволите!.. А-а-а-ахъ! Миса Бозенькѣ молиться хотитъ... Пустите... О-ю-ю, мнѣ холедно!.. Миса хотитъ Бозеньку плясить, стобъ воевода самъ себя велѣлъ повѣсить... (Общій хохотъ). Пустите!.. Бозенька любитъ Мису, Бозенька послюсаетъ Мису!... отволи-и-и-те!..

ЯК. НОСОВЪ (юродивому).

Иди сюда, Мишенька... посиди здѣсь. Скоро отворятъ. (Юродивый подходитъ, ложится на землю и кладетъ голову на колѣни Як. Носова).

МЕДКОВЪ. (Степану).

И какъ ему не жарко!! Вѣдь вотъ въ самомъ дѣлѣ!

СТЕПАНЪ.

Видно Богу и вправду угоденъ.

МЕДКОВЪ.

Я первые два дня какъ пріѣхалъ, просто весь обжегся на солнцѣ. Носъ растрескался, уши лупиться стали, просто ужасъ, что такое. Ну, однако, что же ты не разскажешь, какъ слѣдуетъ...

СТЕПАНЪ.

Про что?

МЕДКОВЪ.

Да про дѣло-то самое.

СТЕПАНЪ.

А! про дѣло? Все, голубчикъ мой, какъ по маслу идетъ, т. е. такъ хорошо, что и ожидать нельзя было. Во первыхъ я, какъ тебѣ и въ Москвѣ сказывалъ, отправился къ Сугоняю въ Коломну. Пришелъ и все разсказалъ. Выслушалъ онъ, да какъ начнетъ меня цѣловать да обнимать!.. «Стенька, говоритъ, вотъ тебѣ 500 рублей. Добро, говоритъ... Не ты, говоритъ, одинъ на Руси за вѣру и старину стоишь; ихъ, говоритъ, православныхъ, цѣлыя тыщи, надо только сумѣть ихъ собрать да сплотить!» Да, Петька, и такъ это онъ все хорошо говорилъ, такъ хорошо,— я даже расплакался. «И кому, говоритъ, быть вамъ противнымъ? Государь, говоритъ, бьется со шведами, города всѣ пусты, которые люди и есть, и тѣ того же желаютъ и рады вамъ будутъ. Добро, говоритъ, Стенька, добро великое свершись, коль въ Астрахани дѣло сдѣлаешь». Да, голубчикъ мой. Ну, хорошо, пріѣхалъ я сюда; съ кѣмъ словомъ ни перекинешься, вездѣ жалобы на порядки, на воеводу Ржевскаго. Стрѣльцы здѣшніе бѣлугой воютъ. Ржевскій у которыхъ ни за-что, ни про-что ружья обобралъ, которымъ хлѣбнаго жалованья давать не велѣлъ, а многихъ до смерти палками забилъ. Съ бань, и съ тѣхъ подать беретъ, да еще поскольку!—по рублю! съ погребовъ по гривнѣ, валешныхъ по двѣ деньги, отъ точенія топоровъ по четыре деньги! слышишь, отъ точенія топоровъ по 4 деньги! Съ варенья пивъ беретъ, съ брагъ; беретъ съ конныхъ по 5 алтынъ, съ пѣшихъ по гривнѣ, беретъ со стариковъ и съ малолѣтокъ, беретъ со вдовъ, беретъ съ сиротъ безпріютныхъ!

МЕДКОВЪ. (вспыхнувъ, громовымъ басомъ).

Да что жъ это извергъ? Разбойникъ окаянный!!! Иродъ какой-то!

СТЕПАНЪ.

А многимъ здѣсь, какъ напримѣръ женамъ да дѣтямъ тѣхъ, что въ Свейскій походъ ушли, платить было нечѣмъ; такъ Ржевскій ихъ сажалъ за караулъ, билъ на правежѣ до костей, и многіе дворы свои продавали, образа мѣняли, дѣтей родныхъ закладывали, чтобы только заплатить душегубцу поганому.

МЕДКОВЪ.

Господи помилуй! Да гдѣ же это...

СТЕПАНЪ.

Нѣтъ ты слушай! Онъ посылалъ зимой служилыхъ людей для рубки дровъ на Мочаковское озеро и многіе съ плотами потонули, а другіе Киргизами въ полонъ взяты! Да, голубчикъ мой! Жаловались на него, посылали челобитчиковъ, а только... самъ знаешь, кому въ безгосударное время разборы чинить!.. А что здѣсь полковники нѣмцы и начальные люди творятъ!!! Ругаются христіанству, безчинно бьютъ, въ службахъ по постнымъ днямъ мясо ѣсть заставляютъ, своимъ деревяннымъ болванамъ, кумирскимъ богамъ кланяться велятъ! А Ржевскій за нихъ горой! Суньcя къ нему только съ жалобой, окровавленный домой пойдешь!... Да, голубчикъ, всего и не перескажешь! Просто не перескажешь!

МЕДКОВЪ.

Господи ты Боже мой!.. такъ вотъ какой здѣсь воевода!.. ну... и впрямь овцы астраханцы, коль такъ съ рукъ спускаютъ!

СТЕПАНЪ.

Овцы до поры, до времени. Подожди!.. Чуть—чуть погоди миленькій... дни Ржевскаго сочтены. Ой, какъ ладно сочтены!.. Увидишь!!.

МЕДКОВЪ.

Хотѣлъ бы увидѣть!

ЕРМОЛАЙ. (выходитъ изъ толпы и энергично всходитъ на ступени паперти. На послѣдней ступени оборачивается къ народу и говоритъ громкимъ, хриплымъ голосомъ).

Что же это, православные?! Цѣлый день такъ стоять и будемъ?!. Али вамъ самимъ лѣнь Богу молиться? Церковь, кажись сотворена не затѣмъ, чтобъ только глазѣть на нее! Если

воеводѣ Ржевскому совсѣмъ не захочется церкви отворять, такъ что же, такъ, безъ Божьихъ храмовъ и согласитесь остаться? Вотъ скоро полдень будетъ, а двери все не отперты! Не слыхивалъ я, братцы, чтобъ обѣдни по воскресеньямъ послѣ полдня справляли!.. Слушай братцы, коль хотите, какъ подобаетъ православнымъ, днемъ обѣдню отстоять,—отворимте двери!!!

НѢСКОЛЬКО ЧЕЛОВѢКЪ. (скучиваясь около Ермолая).

Правильно говоришь. Чего ихъ ждать, басурмановъ! Отворяй, ребята! Вали! вѣрно сказалъ Ермолай!

ЕРМОЛАЙ. (доставъ молотокъ изъ кармана).

Разобьемъ замокъ, братцы, это дѣло богоугодное.

НѢСКОЛЬКО ЧЕЛОВѢКЪ.

Правильно! (Ермолай ударяетъ молоткомъ по замку).

ЯК. НОСОВЪ. (вставъ во весь ростъ, обращается къ Ермолаю; съ разстановкой).

Что ты говоришь, Ермолай, гдѣ же это видано, чтобъ разбивать замки у Божьихъ храмовъ было дѣломъ богоугоднымъ? (Пауза) Замокъ этотъ принадлежитъ церкви, а церковь Господу Богу. Какъ же можно разбивать и портить сей замокъ! Обожди!.. Дай срокъ,—придутъ-отворятъ!

ЕРМОЛАЙ.

А что, Яковъ Михайловичъ, коли Ржевскій совсѣмъ не будетъ церквей отворять по воскресеньямъ?! Что тогда? Такъ и не ходить въ церковь?

НѢСКОЛЬКО ЧЕЛОВѢКЪ. (Носову).

Правильно!.. что жъ и впрямь отъ Бога отречься?! Что жъ такъ и не ходить?!

ЯК. НОСОВЪ. (послѣ паузы, спокойно, но съ выраженіемъ).

Тогда слѣдуетъ отнять ключи отъ басурмановъ и больше имъ во вѣки не отдавать, а не портить замокъ. (Въ народѣ, при-

слушивавшемся къ спору, пробѣгаетъ гулъ одобренія. Слышны фразы: «вотъ это такъ вѣрно», «славно сказано», «вотъ это истинно правда». Среди гула, за каменной оградой, вдругъ раздаются зычные выкрики. Толпа стихаетъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

АФРОСЬКА-ПОРЧЕНАЯ. (съ Маланьей и другой бабой, крѣпко держащими ее за руки, выходитъ изъ воротъ. Она старается все время вырваться и оглашаетъ сцену визгливыми рыданіями, смѣняющимися гоготомъ).

Тяжко!.. Мама... мама, мама!!. ой, милыя, пустите!.. Не глядите!.. Мамонька, уведи меня... отпусти, родная!.. ой душитъ, ой душитъ... Ой отпусти!.. не трожь!.. ой отпусти! ой вотъ опять... Душитъ меня. (Тяжело и долго хрипитъ). А-ай задушило... о-о-о.. (Бабы сажаютъ ее на землю и стараются прислонить къ дубу, но она вырывается) Не глядите! Ай люди, не глядите!.. Тяжко мнѣ... совсѣмъ задушило... Не глядите!.. (Неистово рыдаетъ и катается по землѣ).

ЕРМОЛАЙ. (указывая народу на Афроську).

Вотъ, православные, работа нѣмца Цейнера! Была хорошая, работящая дѣвка, помогала въ рыболовствѣ отцу съ матерью, замужъ должна бъ выходить! А теперь вотъ что съ нею! Ни за грошъ испортилъ ее нѣмецъ поганый! Ни за грошъ!.. Захотѣлъ и навелъ на нее порчу! Испортилъ, а теперь вотъ мать и няньчись съ нею, води по церквамъ, лѣчи!

АФРОСЬКА. (болѣе тихимъ голосомъ).

О-охъ, ой, ой, ой.. Тошно!.. О-охъ... (Притихаетъ, лежа на спинѣ).

МАЛАНЬЯ. (наклонившись надъ ней и гладя ея голову).

Баю, баю... Матерь Пресвятая Богородица съ тобой!.. От-

дохни Афросинька! Отдохни дѣтонька!.. (Плачетъ). Загубили тебя, махонькая ты моя. Загубили какъ бы птиченьку...

АФРОСЬКА. (тихо стонетъ).

Тошно... о-охъ!..

МАЛАНЬЯ.

Чтобы этому Цейнеру-стервѣ на томъ свѣтѣ!.. Ахъ ты доченька моя милая!.. (Рыдая). Ахъ ты лебедушка моя бѣлая!.. За что тебя спортили, за что тебя разладили?.. (Около нея собираются нѣсколько бабъ).

ЕРМОЛАЙ.

Кабы кто изъ насъ, православныхъ, порчу бы навелъ, такъ давно бы въ ямѣ былъ, блохъ, клоповъ кормилъ, а Цейнеру хоть бы что! Нѣмецъ, ну такъ стало быть все съ рукъ сходитъ! Тьфу!! прости Господи!

МЕДКОВЪ. (подходя со Степаномъ къ Як. Носову).

А что, вотъ я слыхалъ, правда ли, аль нѣтъ, будто въ Астрахань указъ пришлютъ, чтобъ свадебъ не играть цѣлыхъ семь лѣтъ между православными, а дѣвицъ выдавать за нѣмцевъ, что изъ Казани пришлютъ. Вѣрно это?

ЯК. НОСОВЪ

Да тебѣ лучше знать. Ты, кажись, изъ Москвы только недавно?

МЕДКОВЪ.

Да что, я ужъ цѣлыхъ два мѣсяца какъ изъ Москвы, а окромя того, человѣкъ я маленькій, гдѣ мнѣ все толкомъ разузнать! Тоже много вѣдь въ Москвѣ страшнаго говорится; не увѣдаешь, гдѣ и правда!

ЕРМОЛАЙ (Медкову).

А вотъ, братецъ, какъ прибудутъ по царскому указу барки съ нѣмцами да какъ перехватаютъ всѣхъ астраханскихъ дѣвокъ, то увѣруешь, гдѣ правда! А только станешь свататься,— будетъ ужъ позднехонько! Ни одной здѣсь дѣвки не найдешь! Вотъ какъ!

МЕДКОВЪ.

Да ну?!

ЕРМОЛАЙ.

Вотъ тебѣ и «ну»!

МЕДКОВЪ.

Да какъ-же это можно!

ЕРМОЛАЙ.

А вотъ такъ, значитъ, можно! Теперь, братъ все можно! Тоже, когда стали толки о брадобритіи ходить, всѣ говорили: «да ну, да какъ же это можно, да вѣдь ни одинъ святой бороды не брилъ»... А вотъ пришло время и заставляютъ бриться, пришло время и платья велятъ нѣмецкія носить. Да, братъ, теперь все можно! Смотришь, придетъ черезъ недѣлю время—и выдадутъ по царскому указу всѣхъ дѣвокъ за нѣмцевъ. Вотъ тогда и говори: «да какъ-же это можно, да вѣдь они нехристи!» Мало ли что нехристи, выдадутъ имъ дѣвокъ, наплодятъ онѣ такихъ же нѣмченятъ поганыхъ и впрямь тогда на Руси одни нѣмцы будутъ. Удивляйся тогда, ищи днемъ съ огнемъ православныхъ, спрашивай, куда они всѣ подѣвались! Отвѣта только не будетъ, не поймутъ, потому тогда всѣ на собачьемъ языкѣ разговаривать станутъ, какъ не тужься, русской рѣчи не услышишь! Вотъ что! (Въ народѣ проносится гулъ одобренія. Слышны фразы: «правильно», «впрямь такъ будетъ», «истинная правда!»).

МЕДКОВЪ.

А зачѣмъ нѣмцамъ изъ Казани пріѣзжать? вѣдь кажись и въ Астрахани ихъ довольно!

ЕРМОЛАЙ.

Довольно?! Эка хватилъ! Да ты знаешь, что здѣсь еле—еле 300 нѣмцевъ насчитаешь; а изъ этихъ трехсотъ многіе и такъ женъ своихъ имѣютъ! Понялъ? ну а царю надобно, чтобы скорѣе всѣ дѣвки повышли бы за нѣмцевъ, чтобы дѣтей православныхъ никто больше не рожалъ! Понялъ?

ПР. НОСОВЪ.

Да развѣ 300 нѣмцевъ здѣсь будетъ?

СТЕПАНЪ.

Правда, развѣ 300 насчитаешь?

ЕРМОЛАЙ.

Не 300 можетъ быть, а около этого будетъ!

I-ый изъ народа.

Мнѣ сказывалъ Борисъ Докукинъ, что здѣсь нѣмцевъ больше даже чѣмъ 400.

II-ый изъ народа.

Мнѣ тоже Борисъ Докукинъ говорилъ, что за 400 будетъ.

ЕРМОЛАЙ.

Ну вотъ за 400!

ДАВЫДОВЪ.

Вретъ вашъ Докукинъ.

СТЕПАНЪ.

300, и того можетъ нѣтъ.

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

300 будетъ! 300 непремѣнно будетъ!

ЯВЛЕНІЕ V.

АРТЕМІЙ АНЦЫФОРОВЪ. (бѣлый, какъ лунь, съ длинной бородою, входитъ изъ воротъ вмѣстѣ съ Матреной Анцыфоровой; одѣты по праздничному, въ хорошее платье. Подходятъ къ Носову и кланяются).

Да неужто до сихъ поръ двери не открыты? Что же это такое?

ЯК. НОСОВЪ.

Да... вотъ все не открываютъ!

АРТ. АНЦЫФОРОВЪ.

Господи, да что жъ это такое?

ЕРМОЛАЙ. (кланяясь Анцыфорову).

Господамъ начальнымъ людямъ по такой жарѣ ходить да двери отпирать не прихоже, Артемій Артемьевичъ! Они ждутъ, пока жара спадетъ, ха, ха, ха!..

ЯК. НОСОВЪ.

Присаживайся, Артемій Артемьевичъ, мѣста всѣмъ хватитъ.

АРТ. АНЦЫФОРОВЪ.

Спасибо, батюшка! (Женѣ и дочери). Ступайте вы, побалуйтесь квасомъ съ пряниками! (Доставъ изъ кармана монету). Вотъ вамъ, остужайтеся! (Матрена и Марья Анцыфоровы подходятъ къ персу, пьютъ квасъ, потомъ примыкаютъ къ кучкѣ бабъ, стоящихъ около Афроськи). Господи Боже мой, это что жъ такое? (Усаживается на ступени рядомъ съ Носовымъ). До сихъ поръ не отворяютъ!

ЯК. НОСОВЪ.

А что жъ ты поздно такъ пришелъ сюда?

АРТ. АНЦЫФОРОВЪ.

Да я, батюшка мой, у Благовѣщенья все стоялъ, дожидался. Тамъ потѣнистѣе маленечко будетъ. Недавно открыли только двери. Капитанъ Мееръ тамъ вмѣстѣ съ солдатами съ огромадными ножницами пришли. Я думалъ это, знаешь-ли, выпросить, чтобъ бороду-то мою... подождали-бы стричь, понимаешь? Прошлое воскресенье сунулъ этому же самому Мееру два рубля, — пропустилъ... словно бъ не замѣтилъ, хе, хе. Ну, а сегодня и самъ Мееръ и его солдаты такъ этой водки латынской напились, что просто страшно смотрѣть. Двумъ дочерямъ Калистратовымъ вотъ по сихъ поръ сарафаны обрѣзали. Гаврюшкѣ Иванову съ мясомъ бороденку срѣзали, кровью такъ и забрызгался. Ужасти, что такое! Ну, я вотъ сюда, къ Воздвиженью, и пошелъ. Тамъ того гляди — убьютъ! Право. А только чуется мнѣ, что... сегодня конецъ моей бородѣ.

ЯК. НОСОВЪ.

Да, пожалуй. Сюда Евреиновъ и Глазуновъ навѣрно придутъ; ихъ развѣ 20-ю рублями подкупишь, да и то трудно!

АРТ. АНЦЫФОРОВЪ. (вздыхая).

Господи, да что же это такое, что жъ это такое!

МАЛАНЬЯ. (принеся отъ перса кружку квасу, приподнимаетъ слегка голову Афроськи и подчуетъ).

Выпей, ангелочекъ, выпей Афросинька, выпей, на, холодненькій квасокъ, выпей, милая! (Афроська мотаетъ головой).

НѢКОТОРЫЯ ИЗЪ БАБЪ. (наклоняясь надъ Афроськой).

Афросинька, выпей! Выпей! квасокъ хорошій! Выпей, Афросинька!

МАЛАНЬЯ.

Ну выпей, ангелокъ, вѣдь отъ солнышка, чай, разожгло внутри. На! квасокъ хорошій! Выпей, миленькая, ну выпей! Не хочешь? отчего не хочешь? Квасокъ холодненькій, облегчитъ маленько. Ну выпей, попробуй, онъ вкусный—превкусный...

НѢКОТОРЫЯ ИЗЪ БАБЪ.

Попробуй! Выпей, Афросинька! Выпей, милая!

АФРОСЬКА. (тяжело вздыхая).

Домой!.. не глядите!.. мама... домой хочу... Тяжко... ой не глядите... домой!..

МАЛАНЬЯ.

А вотъ обѣденку отстоимъ и домой пойдемъ, завтра, Богъ дастъ, выздоровѣешь... а теперь вотъ пригуби квасокъ! Выпей маленечку!..

АФРОСЬКА.

Домой... домой хочется!

МАЛАНЬЯ.

Мы и пойдемъ домой, только вотъ обѣденку отстоимъ, Богу помолимся... Выпей, Афросинька, послушай - ка мамоньку! (Афроська мотаетъ головой. Маланья черезъ нѣкоторое время сама пьетъ и относитъ кружку персу).

ЮРОДИВЫЙ. (подойдя къ двери, стучитъ въ нее и говоритъ плаксиво).

Отволи-и-те!.. Богу мо-литься хотю!.. Ну!.. Ну-у!.. Отволи-и-те!..

ЯК. НОСОВЪ. (юродивому).

Сейчасъ, Мишенька, откроютъ! Сейчасъ, подожди! Сейчасъ придутъ и откроютъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ИЛЬЯ БАСИЛОВЪ. (одѣтый франтовато, съ шапкой на бекрень; несетъ въ рукахъ деревянный болванъ изъ-подъ парика. Входитъ изъ воротъ съ нѣсколькими молодыми парнями. Говоритъ скоро, громко и слегка нараспѣвъ).

Эй, гостинной сотни главные, продавцы-купцы православные, кто хочетъ деревянный арбузъ купить, вкусный-развкусный!.. Не скупитесь, раскошеливайтесь! Самый заморскій, небойсь не видали?! (Парни, его сопровождающіе, хохочутъ; нѣкоторые изъ народа его окружаютъ). Что же, голубчики, не побрезгуйте!.. я вѣдь недорого продамъ. Грошъ дадите—ладно, 3 гроша—еще того лучше, а коль алтынъ въ руку шлепнете—въ ноги поклонюсь, до ушей улыбнусь, шапку сниму, да такъ безъ шапки и буду стоять, все васъ величать, спасибо, молъ, православные!.. Ну что жъ, кому нужно?!. (Кругомъ смѣхъ).

ДАВЫДОВЪ. (улыбаясь, подходитъ къ Басилову).

Что это у тебя, Ильюшка? А? Откуда досталъ! своровалъ что ли?

БАСИЛОВЪ.

Государь ты мой рейтаръ, что какъ банный листъ присталъ! Своровалъ, ну такъ своровалъ, веди въ судную избу, только купи пожалуйста! (Кругомъ смѣхъ).

ДАВЫДОВЪ. (смѣясь).

Нѣтъ, ей-Богу, гдѣ ты взялъ?! Что это такое? разсказывай!

БАСИЛОВЪ.

За разсказъ да за показъ денежки платятъ, сударь!.. Вотъ какъ!

ДАВЫДОВЪ.

Ахъ ты, серебренникъ!

СТЕПАНЪ.

А сказать вамъ, братцы, что это за арбузъ?.. Это самый, что ни на есть настоящій нѣмецкій идолъ.

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

Идолъ? Нѣмецкій идолъ?

СТЕПАНЪ.

Да, братцы, это болванъ, кумирскій богъ, которому нѣмцы молятся и православныхъ кланяться заставляютъ.

БАСИЛОВЪ. (перебивая).

Ладно, Стенька, молчи, охрипнешь еще. Слушайте, честной народъ! Я вамъ все разскажу даромъ, потому начальные люди васъ и такъ всѣхъ обобрали, ничего то съ васъ не слупишь! Слушайте, не перебивайте, ртовъ не разѣвайте,—и такъ знаю, что не нѣмые! Слушайте! жилъ былъ у насъ на подворьѣ нѣмецъ одинъ, по имени Штокъ; жилъ, жилъ, денегъ, кажись, много нажилъ, а когда сдохъ третева дни отъ лихорадки, то оставилъ только одежду, что носилъ, 3 стклянки снадобій, книжки, да вотъ деревянный арбузъ. Этотъ арбузъ, братцы, называется у нѣмцевъ богомъ, и они ему молятся, вотъ какъ мы святымъ иконамъ молимся, да только нашъ нѣмецъ ему не очень-то молился, ну вотъ этотъ арбузъ, видно, на него осерчалъ, онъ и сдохъ! Вотъ теперь я его продаю, кому печку растапливать надобно, пусть покупаетъ! Дешево отдамъ, совсѣмъ дешево!

СТЕПАНЪ.

А что тебя не заставлялъ нѣмецъ молиться ему?

БАСИЛОВЪ.

На кой шутъ! Онъ самъ ему не молился. Развѣ ночью только!

ПАРЕНЬ ИЗЪ ТОЛПЫ.

А что, скажи, волосы у твоего нѣмца были поддѣльные?

БАСИЛОВЪ.

Какіе поддѣльные?

ПАРЕНЬ.

А такъ, что кромѣ своихъ волосъ надѣвалъ онъ на голову еще шкурку такую съ волосами, что «паррикъ» зовется.

БАСИЛОВЪ.

Вѣрно, вѣрно; онъ когда померъ, такъ на этомъ арбузѣ какіе-то волосья кудрявыя такъ и остались висѣть.

ПАРЕНЬ.

Ну такъ вотъ, братцы, мнѣ сказывали, что этотъ болванъ вовсе не кумирскій богъ, а просто для того онъ сдѣланъ, чтобъ паррикъ на него вѣшать.

СТЕПАНЪ.

Экій ты умный! Что жъ, по твоему, такая заковыристая штука сдѣлана только затѣмъ, чтобъ вѣшать «паррикъ» тамъ какой то, на гвоздь нельзя-что ль повѣсить!

ПАРЕНЬ.

Да мнѣ сказывали такъ!

СТЕПАНЪ.

А ты слушай больше!

ЯК. НОСОВЪ. (подойдя и грустно усмѣхаясь. Парню).

Что жъ по твоему Аѳанасій Клиновъ вралъ, когда божился, что его нѣмецъ-хозяинъ заставлялъ всячески кланяться и молиться такому же самому болвану?! Петръ Зыбинъ тоже вралъ,

царствіе ему небесное, да? Иванъ Ямкинъ тоже? А всѣ другіе, прочіе, тоже врали, когда разсказывали, что такому кумирскому богу нѣмцы молятся и другихъ покланяться заставляютъ!

I-й изъ народа.

Наша Пелагея Ѳедоровна тоже говорила, что ея мужа разъ заставляли...

II-й изъ народа (перебивая).

Спросите Митьку, что у Рябинина служитъ, его тоже хотѣли заставить...

III-й изъ народа.

А Колька Собкинъ!..

IV-й изъ народа.

Да нашъ Еремка Кучинъ, чуть вѣдь его не забили разъ, что не хотѣлъ кланяться.

II-й изъ народа (перебивая).

Митька Рябининъ чуть не заболѣлъ тоже отъ страху! Вѣдь это прямо противъ Бога!

Як. Носовъ.

Господи Боже мой, да что тутъ и толковать! Кажись теперь и ребятъ такихъ не сыщешь, что не знали бы о нѣмецкихъ болванахъ, кумирскихъ богахъ!

Степанъ (парню).

Эхъ ты, какой нибудь дуракъ набрехалъ тебѣ, что это паррикъ какой то для поддѣльныхъ тамъ волосъ какихъ то, а ты сдуру и вѣришь!

БАСИЛОВЪ.

Да можетъ, по ихнему, по нѣмецки, и зовется «паррикъ», а означаетъ на самомъ дѣлѣ имя бога этого самаго кумирскаго...

ПАРЕНЬ.

Да нѣтъ! «Паррикъ» волосья поддѣльные зовутся, а не этотъ болванъ.

СТЕПАНЪ.

Это все одно, а только коль тебѣ врать что станутъ, ты не вѣрь, вотъ что!

СТАРУХА ИЗЪ НАРОДА (касаясь рукой плеча Басилова и шамкая).

А ты, касатикъ, брось эту нѣмецкую штуку, брось, брось! Отъ нея добра не жди, касатикъ! Брось, не погань свои рученьки!

БАСИЛОВЪ.

Да что ты, бабушка, зачѣмъ бросать?

СТАРУХА.

Брось, говорю тебѣ, отъ нѣмецкой штуки не ждать добра!

БАСИЛОВЪ.

Ну ладно, не каркай! (Подойдя къ татарину, торгующему пряниками). Эй ты татарченокъ, косоглазый зайченокъ, бэрэкъ, тэрэкъ, ярарь сянынча былъ сынъ. Получай на растопку дровъ безъ денегъ! Давай только пряникъ! (Отдаетъ болвана смѣющемуся татарину, къ которому подходятъ разсматривать болвана и другіе торговцы. Беретъ пряникъ, откусываетъ и жуетъ). А что же это, братцы, двери такъ и не отворятъ?!

ДАВЫДОВЪ.

Пока, какъ видишь, не отворены. Ты что такъ поздно?

БАСИЛОВЪ.

У Благовѣщенья былъ. Ну, братцы, что тамъ творится! Мекръ съ солдатами такъ...

ДАВЫДОВЪ (перебивая).

Слышали, братъ, Артемій Артемьевичъ разсказывалъ!

БАСИЛОВЪ.

А! разсказывалъ!.. Просто ей-Богу, смертоубійство!.. Ножницы у нихъ, что твои кинжалы: такъ и пыряютъ, такъ и пыряютъ! Просто одинъ страхъ! Диво-ли, что въ нѣмцахъ сердца, разума нѣтъ, коли богъ ихъ такой! (показываетъ на болвана). Нешто они не по образу-подобью его созданы?

ЕРМОЛАЙ (взойдя на паперть).

Слушай, православные! Кто Богу хочетъ молиться, тотъ пойдетъ въ церковь, а кто не хочетъ—пусть остается! Эта церковь не объ однѣхъ дверяхъ—есть еще боковыя двери! Что намъ помѣхой, православные, пойти черезъ тѣ двери и отстоять обѣдню? Вѣдь этакъ нажаришься на солнцѣ, поджидая ключниковъ. Идемъ, правда, и такъ долго ждали! (Сначала нѣсколько человѣкъ, а затѣмъ почти весь народъ съ гуломъ изъявляетъ согласіе. Слышны фразы: «это правильно»—«ихъ не дождешься.» «Правда, чего ихъ ждать!» «Молодецъ Ермолай», «правильно!» «пришли молиться, такъ и надо молиться!.. Правильно, идемъ черезъ боковыя... Идемте, идемте всѣ!.. Идемъ скорѣй!.. молодецъ Ермолай!..» Ермолай стремительно идетъ налѣво за церковь. Народъ слѣдуетъ за нимъ; одна часть его совсѣмъ скрывается за угломъ зданія церкви, другая часть скучивается у прохода, образуемаго церковью и заборомъ. Не тронувшись съ мѣста остаются Як. Носовъ, Пр. Носовъ, Давыдовъ, Арт. Анцыфоровъ съ женой и дочерью, Степанъ, Медковъ, Маланья съ Афроськой и другой бабой, Басиловъ, юродивый и нѣсколько другихъ сидящихъ на ступеняхъ паперти. Як. Носовъ, Пр. Носовъ, Давыдовъ, Анцыфоровъ, Степанъ и Басиловъ переглядываются и смѣются).

МЕДКОВЪ (Степану).

Ты чего смѣешься-то? А?

СТЕПАНЪ.

Да вѣдь этотъ Ермолай отляпаетъ тоже... Ну сходи сначала да узнай, можно-ль черезъ боковыя двери идти, тогда и приглашай всѣхъ.

ЯК. НОСОВЪ.

Онъ всегда сбухты-барахты.

МЕДКОВЪ.

А развѣ черезъ боковыя нельзя?

ЯК. НОСОВЪ.

Да ты подумай, милый, женщинамъ можно въ алтарь, аль нѣтъ.

МЕДКОВЪ. (смѣясь).

Вѣрно, вѣрно! Двери вѣдь прямо въ алтарь!

СТЕПАНЪ.

Да и отцу Константину твердо-натвердо наказано, чтобъ никого не пускалъ!

АРТ. АНЦЫФОРОВЪ.

Охъ, этотъ Ермолай, чудакъ же ей Богу!

ВАСИЛОВЪ.

Разговаривать любитъ, а думать безъ навыка.

СТЕПАНЪ.

Нѣтъ, а другіе-то нешто не знаютъ, что двери прямо въ алтарь, у другихъ голова-то гдѣ? Эхъ, ей Богу!

ПР. НОСОВЪ.

Всѣ такъ и поперли! Одно слово: бараны!

ЯК. НОСОВЪ. (отводя Степана въ сторону).

Письмо съ собой?

СТЕПАНЪ.

Съ собой.

ЯК. НОСОВЪ.

Захватилъ?

СТЕПАНЪ.

Да.

ЯК. НОСОВЪ.

По моему, какъ разъ теперь время!

СТЕПАНЪ.

Хорошо.

ЯК. НОСОВЪ. (увидя обратное движеніе народа).

Вотъ ужъ возвращаются! Читай громче! Елико возможно громче, а то за шумомъ не услышатъ.

СТЕПАНЪ.

Ладно, ладно! (Быстро достаетъ изъ голенища свертокъ бумаги).

ЯК. НОСОВЪ.

Пройди къ дверямъ церкви!

СТЕПАНЪ.

Откуда Ермолай все разговариваетъ?!

ЯК. НОСОВЪ. (усмѣхаясь).

Вотъ, вотъ. Ну съ Богомъ, тебя учить нечего.

СТЕПАНЪ.

Спасибо! (Врѣзывается въ толпу и выходитъ изъ нея черезъ нѣкоторое время къ дверямъ церкви... Народъ волнуется. Слышны фразы: «что жъ пора по домамъ!..» «цѣлое утро простояли!.. чтобъ этому Ржевскому сдохнуть, собакѣ!..» «нечестивцы-нехристи!..» «Всѣ ноги и такъ отстояли!..» «никогда они не отворятъ...» «Ждите еще, когда отворятъ!..» «поганцы!»).

ЕРМОЛАЙ. (въ гнѣвѣ подходя къ Носову).

Ты знаешь, Яковъ Михайловичъ, Ржевскій чуть не ямой грозилъ отцу Константину, если только онъ до его прихода служить начнетъ.

ЯК. НОСОВЪ.

Ну такъ что же?

ЕРМОЛАЙ.

А если Ржевскій совсѣмъ въ церковь ходить не захочетъ, что же мы, такъ безъ обѣдни и будемъ въ воскресенье?

ЯК. НОСОВЪ.

Такъ и будемъ.

ЕРМОЛАЙ.

Да гдѣ же это видано, гдѣ же это слыхано?!

ЯК. НОСОВЪ.

Да все, что въ Астрахани творится, гдѣ же видано, гдѣ слыхано, а однако творится!

ЕРМОЛАЙ.

Яковъ Михайловичъ, это просто нельзя! Эдакъ лучше

умереть! Все хуже и хуже православнымъ! Чѣмъ же кончится?! Чего же мы ждемъ?!

ЯК. НОСОВЪ (съ разстановкой).

Поспѣшить—людей насмѣшить!

СТЕПАНЪ. (громкимъ голосомъ)

Братцы! Письмо!.. Письмо подкинутое нашли! Не горланьте! Дайте письмо прочесть!.. Эй ты тамъ, красная рубашка, послѣ разскажешь!!! Слушайте, православные!! Тише!!! (Въ народѣ слышны выкрики: «что за письмо? Опять письмо!!.» «Письмо нашли? Письмо братцы». «Потише, потише! Не горланьте!» «Читай, читай!») Слушайте братцы!.. (Развертываетъ письмо). Да тише же! всѣ, чай, хотятъ слышать?! (Въ народѣ: тише, тише! Заткните хайло!.. не горланьте! чш, шш...) Я начинаю, братцы! (Откашливается и читаетъ громкимъ голосомъ). «Кому дѣтище свое не дорого?! Отцы любвеобильные, матери сердешныя, торопитесь скорѣй! Выдавайте дѣвицъ замужъ, а парней жените! Нѣмцы выѣхали изъ Казани и ужъ ѣдутъ въ Астрахань! Торопитесь со свадьбами! Торопитесь, православные! Не дайте дѣтямъ православнымъ басурманиться! Горе тѣмъ, у кого въ семьѣ дѣвка дѣвкой останется! Торопитесь, православные! Не сегодня—завтра, а ждите царскаго указа, чтобъ за нѣмцевъ дѣвицъ замужъ выдавать! Можетъ быть указъ ужъ пришелъ, а только еще не объявленъ!. Торопитесь, православные: нѣмецъ уже не далеко отъ Астрахани! Это я изъ правдивыхъ устъ знаю и божуся въ томъ!.. Назвался бы я вамъ, да боюсь, — люди начальные въ яму посадятъ, потому что это есть тайна большая и они боятся, чтобы кто не провѣдалъ. Торопитесь батьки да матки! Горе вамъ, коли у васъ дѣвка дѣвкой останется!» (Послѣ маленькой паузы) Вотъ братцы, что пишутъ! (Свертываетъ письмо). Торопиться надобно. Торопиться! Кто писулю хочетъ взять? (Нѣсколько голосовъ: «я, я, давай сюда»! Степанъ бросаетъ въ народъ письмо, которое ловятъ и перечитываютъ, послѣ фразъ: «да, давай сюда! Ванька отдай!» «Чего держишь-то, ты развѣ грамотный?!.» «Дайте Ѳедору Ильичу,—онъ мастеръ!.. Откудова письмо?!» «Ѳедоръ Ильичъ, читай! Читай скорѣе!»)

СТАРИКЪ ИЗЪ НАРОДА. (подойдя къ Степану).

А не врутъ ли въ грамоткѣ то? Какъ ты, миленькій, полагаешь?..

СТЕПАНЪ. (сходя со ступеней паперти).

Съ какой же это стати врать станутъ?

СТАРИКЪ.

Да Богъ вѣсть! можетъ и облыжно... сказывали, можетъ врутъ.

ЕРМОЛАЙ.

Эхъ, дѣдушка, дѣдушка! Старъ ты, дѣдушка, а умомъ ей-ей не крѣпокъ! Ну кто станетъ врать въ такія времена, въ какія мы живемъ? У кого языкъ повернется?

СТАРИКЪ.

Можетъ какъ нибудь не такъ прослышали?

СТЕПАНЪ. (съ досадой, насмѣшливо).

Эдакій, ей-Богу, прости Господи, народъ! Божатся имъ—и то не вѣрятъ!

ЯК. НОСОВЪ. (подходя къ Степану).

Ну что подѣлаешь: не вѣрится, ну, и пусть не вѣрятъ. Время покажетъ, кто правѣе—вѣрующіе аль невѣрующіе!

ЯВЛЕНІЕ VII.

НѢСКОЛЬКО ЧЕЛОВѢКЪ. (изъ стоящихъ въ воротахъ).

Идутъ! идутъ! (Толпа затихаетъ и раздѣляется на 2 половины, оставляя проходъ къ церкви).

ЕВРЕИНОВЪ. (съ Глазуновымъ, въ нѣмецкихъ одеждахъ, входятъ изъ воротъ, въ сопровожденіи 6-ти солдатъ, изъ которыхъ у 2-хъ большія ножницы, и проходятъ къ дверямъ церкви. Евреиновъ отпираетъ замокъ и отворяетъ двери; Глазуновъ разставляетъ по бокамъ ихъ солдатъ. Евреиновъ откашливается, оборачивается къ народу и говоритъ слегка гнусавя).

По приказу воеводы Астраханскаго, господина нашего Тимоѳея Ивановича Ржевскаго, какъ и въ то воскресенье, въ церковь пускаться будутъ тѣ, кои не ослушались царскаго указа, сирѣчь только бритые и въ нѣмецкихъ платьяхъ. Оныхъ же ослушниковъ, кои не бреются и въ длиннополыхъ одѣяніяхъ указу не потворствуютъ, не приказано пускать дотолѣ, доколѣ они здѣсь же, въ раскаяніи, не снимутъ бороды и не обрѣжутъ платьевъ.

АРТ. АНЦЫФОРОВЪ. (послѣ паузы неловкаго молчанія, подходитъ съ женой и дочерью къ Евреинову съ заискивающимъ видомъ).

Батюшка Евреиновъ, благослови насъ такъ пропустить! Мы... потомъ вотъ... и бороду обстрижемъ и платьица обрѣжемъ!.. Пропусти, родной!..

ЕВРЕИНОВЪ.

Проси у воеводы!

АРТ. АНЦЫФОРОВЪ.

Батюшка... да онъ строгій такой, разсердится!

ГЛАЗУНОВЪ. (перебивая).

Ну, ладно тамъ, входите или убирайтесь, посреди дороги чего встали?!

АРТ. АНЦЫФОРОВЪ.

30 лѣтъ, родимые, этой бородушкѣ, 30 лѣтъ! 30 лѣтъ, родимые, я ее холилъ, гладилъ, чесалъ, расчесывалъ... (Вытирая слезы и всхлипывая) 30 лѣтъ, родимые, 30 лѣтъ!..

ЕВРЕИНОВЪ.

Ну, это не наше дѣло! Стричь аль нѣтъ?

АРТ. АНЦЫФОРОВЪ.

Котамъ и псамъ уподобиться!.. (Вытираетъ слезы) Стригите!

ЕВРЕИНОВЪ. (солдатамъ).

Остричь! (Солдаты стригутъ бороду).

ГЛАЗУНОВЪ. (Матренѣ и Марьѣ Анцыфоровымъ).

Коль въ церковь хотите, такъ платья короче надо! Не слышали развѣ?

МАТР. АНЦЫФОРОВА.

Ну, рѣжьте, коль надо!

ГЛАЗУНОВЪ (солдатамъ).

Обрѣжьте. (Солдатъ подходитъ къ Матренѣ Анцыфоровой и рѣжетъ юбку по колѣно). А въ слѣдующій разъ въ нѣмецкихъ платьяхъ должны быть, а то вовсе не пустимъ.

ЕВРЕИНОВЪ. (солдату, обстригшему бороду Арт. Анцыфорову, указывая на Марью Анцыфорову).

Обрѣзать.

МАТР. АНЦЫФОРОВА.

Я сама ей обрѣжу.

ЕВРЕИНОВЪ.

Раньше думала бъ! (Солдату). Ну рѣжь живѣй! (Солдатъ рѣжетъ юбку).

АРТ. АНЦЫФОРОВЪ. (Евреинову).

Благодѣтель, такъ нельзя! Смотри, какъ высоко ей рѣжутъ!

ЕВРЕИНОВЪ.

Не суйся! (Осматриваетъ по очереди нѣсколькихъ безбородыхъ парней и пропускаетъ въ церковь).

АРТ. АНЦЫФОРОВЪ.

Батюшка! вѣдь она дѣвица! Стыдно вѣдь! Развѣ подобаетъ? Смотри, какъ...

МАТР. АНЦЫФОРОВА. (въ обрѣзанной уже юбкѣ, становится на колѣни; Марьѣ Анцыфоровой).

Маша, встань на колѣнки! (Марья Анцыфорова, дождавшись пока обрѣжутъ, становится на колѣни, закрываетъ лицо руками и плачетъ. Матрена Анцыфорова ползетъ на колѣняхъ въ церковь; Марья, также на колѣняхъ, и Артемій Анцыфоровъ слѣдуютъ за ней).

ГЛАЗУНОВЪ (старику съ длинной сѣдой бородой).

Ишь бородатый!!

СТАРИКЪ (глухимъ голосомъ).

Стригите!

ГЛАЗУНОВЪ (солдату).

Стриги! (Солдатъ стрижетъ).

СТАРИКЪ (со вздохомъ).

Господи, прости имъ! не вѣдаютъ бо, что творятъ!

ГЛАЗУНОВЪ (Старику).

Когда стригутъ, нечего разговаривать! Обрѣжутъ еще нечаянно, а пойдете вѣдь жаловаться, что съ мясомъ рѣжутъ, окровавливаютъ. (Старикъ съ обстриженной бородой проходитъ въ церковь. Як. Носову, который подходитъ, останавливая его за плечо). Надобно короче стричь бороду! Брить надобно! Понялъ?

ЯК. НОСОВЪ. (качая головой).

Нѣтъ, не понимаю. Не понимаю, господинъ мой капитанъ. Не малолѣтокъ, какъ видишь, а взять въ толкъ не могу: для чего, для кого и зачѣмъ нужно брить бороду?

ГЛАЗУНОВЪ.

Ну вотъ, не будешь слушаться, такъ заставимъ понять!

ЯК. НОСОВЪ. (иронически).

Заставите понять?

ГЛАЗУНОВЪ.

Да, заставимъ! проходи!

ЮРОДИВЫЙ (подходя къ Як. Носову и грозя ему пальцемъ).

Слюсайся, милій, нацальныхъ людей, слюсайся всего, цто они говолятъ: табакъ кули, водку пей, болёду блѣй, нисцихъ бей и попадесь въ цальствіе нѣмецкое. (Въ народѣ фырканье и громкій хохотъ. Носовъ, улыбаясь, цѣлуетъ въ голову юродиваго и входитъ съ нимъ въ церковь).

ЕРМОЛАЙ.

Складно сказано! ха, ха, ха. Табакъ кури, водку пей, бороду брей, нищихъ бей и попадешь въ царствіе нѣмецкое!..

БАСИЛОВЪ. (заливаясь хохотомъ, перебиваетъ Ермолая).

Табакъ кури, водку пей... ха, ха, ха, попадешь въ царствіе нѣмецкое!..

ГЛАЗУНОВЪ (разсерженный).

Ну вы, чего тамъ? Гоготать передъ церковью вздумали! А?... Я васъ! Погогочите вы у меня!!! Шельмы этакія!!! Погогочите еще!!. (Толпа стихаетъ).

ЕВРЕИНОВЪ. (подошедшимъ Давыдову и Пр. Носову).

Бриться не умѣете. Что со щетиной пришли!

ПР. НОСОВЪ.

Не привыкли, батюшка, бриться!

ЕВРЕИНОВЪ.

Ну вотъ, пріучимъ васъ, будете знать! Проходите! (Пр. Носовъ и Давыдовъ входятъ въ церковь).

СТЕПАНЪ. (стоящему подлѣ него Медкову).

Ну, братецъ, ступай на клиросъ, а то сейчасъ воевода пріѣдетъ.

МЕДКОВЪ.

Вѣрно,—пора. Ну и порядки у васъ! (Уходитъ).

БАСИЛОВЪ (подходя къ Евреинову).

Простите, господа начальные люди, хотѣлъ я было третева дни побриться, да бритвы не было; нашелъ вчера бритву, хотѣлъ бриться, да дядюшка говоритъ: обожди, пока вырастетъ. Дозвольте мнѣ обождать, господа начальные люди! (Кругомъ смѣхъ).

ГЛАЗУНОВЪ.

Ты что это: передъ церковью балагурить вздумалъ? Народъ смѣшить?!

ЕВРЕИНОВЪ. (Басилову, толкая его).

Проходи пока цѣлъ! (Басиловъ входитъ въ церковь).

СОЛДАТЪ (выйдя изъ воротъ и протискиваясь черезъ толпу).

Эй пропустите! Дорогу! Пропустите! (Подойдя къ Евреинову и Глазунову). Воевода ѣдетъ! Сейчасъ прибудетъ сюда!

ГЛАЗУНОВЪ.

Хорошо. (Народу). Освободите дорогу! Разступитесь! Живѣе, живѣе! Вы тамъ! Не слышите что-ли, живѣе!..

ЕВРЕИНОВЪ. (2-мъ солдатамъ).

Распихайте ихъ какъ слѣдуетъ!

ГЛАЗУНОВЪ.

Да, да, распихайте какъ слѣдуетъ! (Солдаты расталкиваютъ народъ, освобождая дорогу отъ воротъ до паперти).

ЕВРЕИНОВЪ. (Глазунову).

Съ этой сволочью только кулакомъ и можно.

АФРОСЬКА (сопротивляясь Маланьѣ, пытающейся ее поднять, кричитъ).

Ой, оставь!.. Милыя, не трожьте! Больно! Тяжко!.. Охъ, не трожьте! А-а-ахъ!.. Не трожьте!..

ГЛАЗУНОВЪ.

Кто тамъ оретъ! Пьяная баба?! (Солдатамъ). Убрать ее, живѣе! (Два солдата подходятъ къ Афроськѣ и схватываютъ ее за руку).

АФРОСЬКА (раздирающимъ душу голосомъ).

Кровопійцы!.. Пустите!.. Мама!.. мама!.. (Рыдаетъ).

ЕВРЕИНОВЪ. (Глазунову).

Еще воевода услышитъ. (Солдатамъ, старающимся увести Афроську). Стойте на мѣстѣ! Заткните ей глотку! Заткните!..

АФРОСЬКА (сопротивляясь солдату, сорвавшему съ ея головы платокъ и зажимающему ей ротъ).

Уб...ббійцы!.. Мама!.. (Солдатъ зажимаетъ ей ротъ платкомъ и держитъ его у ея рта до конца дѣйствія).

МАЛАНЬЯ (таща къ себѣ Афроську).

Задушишь ее, окаянный!

ГЛАЗУНОВЪ.

Молчать, дура!

ЕВРЕИНОВЪ (солдатамъ).

Тресните ее!

МАЛАНЬЯ.

Безбожные!.. Нехристи!.. Псы поганые! (Другой солдатъ зажимаетъ ей ротъ рукою до конца дѣйствія).

ГЛАЗУНОВЪ.

Молчать!..

ЕВРЕИНОВЪ. (задирая голову и махая рукой).

Эй, звонари! Благовѣстъ, живо! Начинайте!!!

ГЛАЗУНОВЪ (задирая голову).

Скорѣй, скорѣй!.. (Раздается благовѣстъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

РЖЕВСКІЙ (въ богатомъ нѣмецкомъ платьѣ, въ парикѣ, треуголкѣ, при шпагѣ, выѣзжаетъ верхомъ на лошади изъ воротъ и подъѣзжаетъ къ церкви).

ЕВРЕИНОВЪ (при видѣ въѣзжающаго Ржевскаго, кричитъ солдатамъ).

На мѣста! живо! (Солдаты становятся по бокамъ дверей. Евреиновъ подбѣгаетъ съ Глазуновымъ къ лошади и помогаетъ Ржевскому слѣзть).

РЖЕВСКІЙ (слѣзши съ лошади, важно и тихо всходитъ по ступенямъ, снявъ треуголку и вытирая платкомъ потъ съ головы. Евреинову).

Ну что, какъ?

ЕВРЕИНОВЪ (кланяясь подобострастно).

Все благополучно.

ГЛАЗУНОВЪ (кланяясь такъ-же).

Все благополучно.

(Ржевскій киваетъ головой и входитъ въ двери. Въ народѣ слышны сдержанныя воскицанія; «поганецъ!» «пьяная рожа!» «извергъ окаянный!.. «нехристь!». «Душегубъ проклятый!»).

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ III.

Картина 1-ая.

Садъ; деревья и кусты съ сожженою солнцемъ листвою. На заднемъ планѣ, въ самой глубинѣ сцены, задній фасадъ двухъ этажнаго дома съ дверью посрединѣ, къ которой ведутъ ступеньки. Передній планъ сцены, представляющій маленькую площадку, соединенъ съ дверью дома широкой дорожкой, которая отъ дверей поворачиваетъ, параллельно дому, направо. На авансценѣ, справа, подъ кустами орѣшника, стоитъ столъ съ чернильницей и книгами, за которымъ, при поднятіи занавѣса, сидятъ Всеволодъ Ржевскій и Викторъ Фишеръ въ парикахъ и лѣтнихъ нѣмецкихъ одѣяніяхъ; налѣво большое, мягкое кресло, около котораго круглый столикъ и нѣсколько табуретокъ. Въ глубинѣ сцены, слѣва отъ дорожки, висячія качели, устроенныя между двумя деревьями; на этихъ качеляхъ, при поднятіи занавѣса, сидитъ, слегка покачиваясь и грызя сѣмечки, Екатерина Ржевская въ нарядномъ, нѣмецкаго покроя, платьѣ, съ бусами на шеѣ, съ запястьями и большими серьгами. Сильное солнечное освѣщеніе.

ЯВЛЕНІЕ I.

ФИШЕРЪ. (Всеволоду, смотря въ книгу).

Ну-съ, теперь повтори.

ВСЕВОЛОДЪ. (слегка запинаясь).

Нумераціо есть счисленіе, еже совершенно вся числа рѣчію именовати, яже въ десяти знаменованіяхъ или...

ФИШЕРЪ. (подсказывая).

Изображеніяхъ.

ВСЕВОЛОДЪ.

Изображеніяхъ содержатся и изображаются сице: одинъ, два, три, четыре, пять...

ФИШЕРЪ. (перебивая).

Изъ нихъ же девять...

ВСЕВОЛОДЪ.

Изъ нихъ же девять назнаменовательные суть, послѣднее же, ноль, еже цифрою или ничѣмъ именуется, егда убо едино стоитъ, тогда не считается...

ФИШЕРЪ. (поправляя).

Не не считается, а просто тогда оно само о себѣ ничто-же зна-читъ...

ВСЕВОЛОДЪ.

Ничто же значитъ.

ФИШЕРЪ.

Напримѣръ, если я тебѣ подарю ноль пряниковъ, сколько тогда ты получишь?

ВСЕВОЛОДЪ.

Нисколько.

ФИШЕРЪ. (улыбаясь).

Вѣрно. Ну, а егда коему оныхъ знаменованій...

ВСЕВОЛОДЪ.

Егда коему оныхъ знаменованій приложено будетъ, тогда умножаетъ въ десятеро.

ФИШЕРЪ.

Вѣрно; ну, а что есть аддиціо?

ВСЕВОЛОДЪ.

Аддиціо или сложеніе есть дву или многихъ чиселъ во едино собраніе или во единъ перечень совокупленіе.

ФИШЕРЪ.

Хорошо. Ну а субстракціо?

ВСЕВОЛОДЪ.

Субстракціо или вычитаніе есть... гм... да... есть имже малое число изъ большаго вычитаемъ и излишекъ объявляемъ.

ФИШЕРЪ.

Хорошо; молодецъ. Вотъ теперь ты знаешь. (Взявъ листъ бумаги). Ну рѣши теперь! (Пишетъ). Вотъ... думай и рѣшай! Задача не мудреная! (Всеволодъ углубляется въ рѣшеніе задачи и пишетъ).

ЕКАТЕРИНА. (сидя на качеляхъ и грызя сѣмечки, кричитъ).

Устька!.. У-у-стька!.. Дурка Устька... Гдѣ ты?..

УСТЬКА. (за кулисами справа; лаетъ).

Ау, ау, ау!

ЕКАТЕРИНА.

Скорѣй!

ЯВЛЕНІЕ II.

УСТЬКА. (въ короткомъ шутовскомъ балахонѣ изъ красной и желтой матеріи; съ обнаженными руками и шеей, босая, съ массой косичекъ на головѣ, на концахъ которыхъ красными и желтыми ленточками прикрѣплены маленькіе колокольчики; съ ожерельемъ и браслетами на рукахъ и ногахъ изъ бубенчиковъ и погремушекъ. Вбѣгаетъ скачками и говоритъ кривляясь).

Ау, ау, ау, ау! (Екатерина чмокаетъ губами и хлопаетъ себя по колѣну, какъ бы зовя собаку. Устька подбѣгаетъ къ ней и кусаетъ ее за руку).

КАТЕРИНА. (смѣясь и вырывая руку).

Цыцъ, шельма! Гдѣ ты пропала?

УСТЬКА.

Все воронъ считала!

КАТЕРИНА.

Качай меня!.. (Устька начинаетъ качать качели). Только высоко— высоко!..

ФИШЕРЪ. (Всеволоду, смотря на листъ бумаги).

Ну что? Трудно?

ВСЕВОЛОДЪ.

Да... нѣтъ, а только...

ФИШЕРЪ.

Вѣдь здѣсь въ умѣ осталось три!..

ВСЕВОЛОДЪ.

Да... а только что же, вычитывать сначала... или слогать?...

ФИШЕРЪ.

Что?

ВСЕВОЛОДЪ. (указывая перомъ).

Вотъ это.

ФИШЕРЪ.

Конечно слогать; вѣдь это же къ этому относится, а это къ этому.

ВСЕВОЛОДЪ.

Ахъ да... (Пишетъ) Вотъ такъ?

ФИШЕРЪ.

Вѣрно. Не трудно же! (Слѣдитъ, какъ Всеволодъ пишетъ).

УСТЬКА. (Тихо поетъ, качая качели).

Катенька качалась,
Высоко вздымалась,
Ой, какъ вздымалась,
Ой, какъ вздымалась,
Вовсе не боялась,
Вовсе не боялась,
Ой, не боялась,
Ой, не боялась,
Вдругъ качельки стопъ,
Катя на земь—хлопъ!

(При пѣніи 2-хъ послѣднихъ строчекъ дергаетъ за веревки, стараясь остановить качели).

ЕКАТЕРИНА. (смѣясь).

А вотъ и не упала, ничего не вышло!

УСТЬКА. (передразнивая).

«Ничего не вышло». Захотѣла бы—такъ вышло!

ЕКАТЕРИНА.

Вышло бъ дышло! (Протягивая горсть сѣмячекъ). На, грызи!

УСТЬКА.

Спасибо. (Грызетъ сѣмячки).

ЕКАТЕРИНА. (Фишеру).

Викторъ!

ФИШЕРЪ.

Что?

ЕКАТЕРИНА.

Когда мама изъ Царицына вернется?

ФИШЕРЪ.

Да вѣдь она сказала, на Спасъ будетъ здѣсь.

ЕКАТЕРИНА.

Это сколько осталось недѣль?

ФИШЕРЪ.

Меньше чѣмъ двѣ недѣли.

ЕКАТЕРИНА.

Меньше чѣмъ двѣ недѣли?!

ФИШЕРЪ.

Да. А ты соскучилась!

ЕКАТЕРИНА.

Чего мнѣ скучать!.. Ну, качай дурка!

ФИШЕРЪ. (Всеволоду).

Кончилъ?

ВСЕВОЛОДЪ.

Сейчасъ!..

ЕКАТЕРИНА.

Послушай Викторъ, вѣдь ты православный?

ФИШЕРЪ.

Да. А что?

ЕКАТЕРИНА.

Ну вотъ! а мама спорила, что коли твой отецъ былъ нѣмецъ, то хоть православная мать, а все равно—нѣмецъ.

ВСЕВОЛОДЪ. (Фишеру).

Ну вотъ!

ФИШЕРЪ. (смотря на листъ бумаги).

Вѣрно. Ну вотъ я еще напишу. (Пишетъ).

ЕКАТЕРИНА. (Устькѣ).

Качай выше!

ФИШЕРЪ. (Всеволоду).

Вотъ, рѣши.

ЯВЛЕНІЕ III.

РЖЕВСКІЙ. (безъ парика, въ длинномъ бѣломъ халатѣ на распашку, въ короткихъ черныхъ панталонахъ и чулкахъ, въ татарскихъ туфляхъ—шлепанцахъ; выходитъ изъ дверей дома, куря трубку. За нимъ Киршбергъ, одѣтый какъ Фишеръ, въ парикѣ и съ трубкой въ зубахъ. Рядомъ съ Киршбергомъ Банинъ, писарь, въ нѣмецкой одеждѣ, совершенно бритый и съ обстриженными волосами. Улыбаясь и вздыхая)

Фу-ты! опять жарища!.. 3 недѣли хоть-бы капля дождя!.. (Сходитъ съ крыльца).

ЕКАТЕРИНА. (подбѣгаетъ къ Ржевскому и цѣлуетъ руку).

Здравствуй тятя, съ добрымъ утречкомъ!

РЖЕВСКІЙ.

Гутморгенъ! (Беретъ ее за голову и нѣсколько разъ цѣлуетъ.) красавица ты моя... (Цѣлуетъ) Гутморгенъ.

ВСЕВОЛОДЪ. (подходя къ Ржевскому).

Гутморгенъ, папà! (Цѣлуетъ руку) Wie haben Sie geschlafen?

РЖЕВСКІЙ.

Danke schön, (цѣлуетъ нѣсколько разъ въ губы) ganz gut, ненаглядный ты мой... Что, ужь отзанялся?..

ФИШЕРЪ. (кланяясь).

Здравствуй, Тимоѳей Ивановичъ! (Здоровается за руку). Какъ здоровье?

РЖЕВСКІЙ.

Спасибо. Отзанялись уже?

ФИШЕРЪ.

Скоро кончимъ. (Возвращается со Всеволодомъ къ столу и продолжаетъ занятія).

УСТЬКА. (комично кланяется Ржевскому, подбѣгаетъ и цѣлуетъ руку).

Здравствуй государь мой! Хорошо ли почивалъ? Какъ съ блохами воевалъ? Сколько штукъ переловилъ, къ смертной казни присудилъ?

РЖЕВСКІЙ. (смѣясь).

И не перечесть!..

КИРШБЕРГЪ. (слащаво улыбается и тихимъ голосомъ, картавя, обращается къ Ржевскому).

Прикажитъ чай подайть?

РЖЕВСКІЙ.

Да, да!.. вотъ на столикъ подайте. (Киршбергъ дѣлаетъ знакъ Банину, тотъ уходитъ. Подходя къ качелямъ). Ну-ка покачайте!. (Усаживается на качели).

УСТЬКА. (стараясь его качнуть).

Ой, милые, не столкнуть!

РЖЕВСКІЙ.

Ишь, врунья!..

ЕКАТЕРИНА. (смѣясь).

Дай подсоблю! (Раскачиваетъ качель). Хорошо, тятя?

РЖЕВСКІЙ.

Славно.

УСТЬКА.

Ой, милые, качель трещитъ!!

РЖЕВСКІЙ.

Ишь, врунья!

УСТЬКА.

Ей, ей, трещитъ. Ой, милые, лопнетъ!

РЖЕВСКІЙ.

Не пужай,—не боюсь!.. (Смотря на землю) Ишь сколько сѣмячекъ нагрызли! Съ ранняго утра-то!

ЕКАТЕРИНА.

Теперь, чай, ужь полдень.

РЖЕВСКІЙ. (Киршбергу).

Herr Kirschberg! Скажи, какъ искусный лѣкарь, полезно натощакъ сѣмечки грызть!

ЕКАТЕРИНА.

Мы не натощакъ, мы ужъ давно чай отпили!

РЖЕВСКІЙ. (Киршбергу).

Ну скажи, полезно?

КИРШБЕРГЪ. (улыбаясь).

Если ужасно сильно будетъ болѣйть въ животъ, такъ что даже совсѣмъ станетъ тошнота, и ужасный непріятый жара въ голёвѣ, то meine Herrschaften, конечно... это ужасно не полезно... Ну, а коль Господь Боженька такъ сдѣляйтъ, что слява Богу все проходитъ, вотъ такъ, какъ рукой снимайтъ... ну... крѣпкій тогда животъ... надо молиться Богу, что здоровый остался...

РЖЕВСКІЙ. (Екатеринѣ).

Слышишь, Катя, какъ не хорошо! Вотъ разболится животъ и будетъ тебя Herr Kirschberg разнымъ горькимъ питьемъ отпаивать. Какъ можно эдакъ на тощакъ!.. Вишь, сколько нащелкали!..

ЯВЛЕНІЕ IV.

МАТВѢЙ. (выходитъ вмѣстѣ съ Банинымъ изъ дверей дома, неся въ рукахъ подносъ, на которомъ стоятъ тарелки съ печеньемъ, чашка и посудины, изъ которыхъ идетъ паръ. Ставитъ подносъ на маленькій столикъ около кресла и возвращается къ дверямъ дома, около которыхъ останавливается въ ожидательной позѣ. Банинъ подходитъ къ креслу и хлопаетъ по обивкѣ руками, стараясь выколотить пыль).

ЕКАТЕРИНА

Не я одна грызла, дурка тоже грызла.

РЖЕВСКІЙ.

Вотъ хворь найдетъ, такъ тогда и узнаете! (Вставая съ качелей, Устькѣ). Ну что, умница-разумница, не выдержали меня качели? (Смѣясь). Чучело заморское, не выдержали, а? (Хватая ее за одну изъ косичекъ и тяня вверхъ) Какъ это зовется, а?

УСТЬКА. (слегка вскрикивая).

Ой!..

РЖЕВСКІЙ. (хохоча)

Ой!.. ха, ха, ха... То-то: ой!.. Вѣрно, ха, ха, ха... (Банину) Наливай чай! (Банинъ наливаетъ; Ржевскій усаживается въ кресло) Экая, прости Господи, жарища!.. (Прихлебываетъ чай. Киршбергъ садится рядомъ съ Ржевскимъ на табуретъ. Банинъ становится за кресломъ Ржевскаго. Екатерина садится на качели, продолжая грызть сѣмечки. Устька ее качаетъ).

ФИШЕРЪ. (просматривая листъ бумаги, Всеволоду).

Гм... 4 безъ 4-хъ будетъ ноль... вѣрно... 7... 11... да, вѣрно, 10... такъ... А здѣсь вѣдь 2 еще въ умѣ! (Поправляетъ) 14 стало быть... 10 да одинъ 11, да одинъ будетъ 12... 8... вѣрно.

ВСЕВОЛОДЪ. (Фишеру).

Больше задачъ не будетъ?

ФИШЕРЪ.

Нѣтъ. На сегодня довольно.

ВСЕВОЛОДЪ. (Ржевскому).

Я, тятя, на огородъ пойду. Хорошо?

РЖЕВСКІЙ. (жуя).

Ступай!.. Только смотри, не подходи близко къ ульямъ!. Вчера Акульку такъ пчелы искусали, что выла какъ подстрѣленная!..

ВСЕВОЛОДЪ.

Нѣтъ... я знаю. (Убѣгаетъ по дорожкѣ направо. Фишеръ беретъ со стола книгу и читаетъ)

ЯВЛЕНІЕ V.

РЖЕВСКІЙ. (Всеволоду вслѣдъ).

То-то, знаю!.. Осторожно! (Беретъ трубку со столика).

КИРШБЕРГЪ. (стремительно достаетъ кремень и высѣкаетъ огонь).

РЖЕВСКІЙ. (сначала подставляетъ трубку, но потомъ вдругъ кладетъ ее на столъ).

Нѣтъ!.. Мнѣ что то не ахти какъ хочется. (Вздыхая) Эхъ!.. Ко всему вотъ привыкъ! Къ одеждѣ новой привыкъ, къ башмакамъ, къ парику, къ чаю привыкъ, даже полюбилъ чай, кофе, картофель ѣмъ,—тоже не противно, а... вотъ къ этому самому табаку... просто ужь не знаю... душитъ онъ меня какъ будто, просто душитъ, дыханье спираетъ!.. Сначала покуришь,—ничего, а потомъ... просто вотъ душитъ... Такъ это больно вотъ тутъ (показываетъ на горло) становится!.. И самъ не знаю, почему это!

КИРШБЕРГЪ. (вынувъ изъ кармана табакерку, подчуетъ).

Вотъ... это такъ ужасно пріятность дѣляйтъ. (Ржевскій беретъ щепотку и нюхаетъ). И потомъ здоровья въ человѣкъ прибавитъ. Для глазъ ужасно хорошо помогайтъ! (Ржевскій чихаетъ) Будь здоровъ! (Ржевскій 2-ой разъ чихаетъ). Будь здоровъ!

РЖЕВСКІЙ. (улыбаясь).

Да... это просто даже веселитъ!.. Къ этому и привыкать нечего! Ну да я и къ трубкѣ привыкну... не все вѣдь сразу. Вѣдь привыкну я?..

КИРШБЕРГЪ.

Да... я думайтъ, конечно, да... Ну, а если очень ужь въ горлѣ першить начинайтъ, ну... можетъ быть тогда лючше бросайть курить!

РЖЕВСКІЙ. (съ испугомъ)

Бросить курить! Бросить курить?.. Да что ты, Киршбергъ, не выспался что-ли?.. Бросить курить! Я на старости лѣтъ всю свою одежу, всю пищу, всю жизнь на нѣмецкій ладъ построилъ, чтобъ передъ царскими очами послушнымъ слугой предстать, чтобы во всемъ дѣлать такъ, какъ царь Петръ хочетъ, чтобъ дѣлали... И когда я ко всему почти пріобыкъ, когда у меня сынъ ужь на нѣмецкомъ языкѣ поговариваетъ, когда... когда столько трудныхъ дѣлъ передѣлано... и вдругъ бросить курить! Бросить курить, когда самъ царь куритъ и любитъ всѣхъ курящихъ!.. Когда Меншиковъ куритъ и всѣ любимцы царя курятъ!..

КИРШБЕРГЪ. (смущенный).

Прости пожалуйста... я хотѣль сказайть, что... нельзя сразу... а потихоничку курить... и тогда совсѣмъ привыкайть.

РЖЕВСКІЙ. (слегка взволнованный).

Сдается мнѣ, должно жъ, должно жъ когда нибудь дойти до царскихъ ушей о всей моей жизни, о всемъ моемъ радѣніи, стараніи, усердіи весь этотъ проклятый Астраханскій край заставить слушаться царскихъ указовъ! Всѣхъ этихъ шельмецовъ упрямыхъ, какъ быки какіе-нибудь, заставить повиноваться и слушаться!.. Вѣдь я просто, не щадя здоровья своего, забочусь и тружусь! И добиваюсь, слава Богу, хоть надрываюсь весь, а добиваюсь!.. (Послѣ паузы, болѣе спокойно). Я дол-

женъ быть истымъ приверженцемъ царя... Чтобъ я примѣромъ бы своимъ могъ всякому олуху показать, какъ должно царя слушаться... Чтобы всякій понялъ, что разъ воевода, самъ воевода, самый наибольшій и знатный человѣкъ всего края такъ поступаетъ, такъ ужь всякой шушерѣ нечего и разсуждать тутъ, правильно это, аль неправильно, по божески это, аль не по божески! Во мнѣ всякій примѣръ долженъ видѣть! Чтобъ ни сучка, ни задоринки, какъ говорится! И вправду скажи, скажи мнѣ на милость, ну чѣмъ вотъ я, мой домъ, все мое семейство не походятъ на нѣмцевъ, ну скажи!

КИРШБЕРГЪ. (серьезно).

Совсѣмъ, совсѣмъ какъ самый настоящій нѣмецъ.

РЖЕВСКІЙ.

Въ томъ то и дѣло, а какихъ это трудовъ все стоило!

КИРШБЕРГЪ

Совсѣмъ даже нельзя отличайть отъ нѣмцевъ... Вы одѣтъ какъ нѣмцы, кушайтъ какъ нѣмцы, совсѣмъ невозможно отличайть!

РЖЕВСКІЙ.

А теперь взгляни на улицу! Многихъ небритыхъ и въ длиннополыхъ одеждахъ найдешь?..

КИРШБЕРГЪ.

Совсѣмъ нѣтъ. Можно даже сказать, что...

РЖЕВСКІЙ. (перебивая).

А-а-а! А сколькихъ это трудовъ все стоило!.. Сколькихъ трудовъ!!! Боже мой! Когда же дойдетъ до царя слухъ обо всемъ моемъ усердіи!.. Кто?!! Кто столько, сколько я, труда и заботъ положилъ, чтобъ все желаніе царя было исполнено!! Ахъ! (Допиваетъ чашку).

КИРШБЕРГЪ.

Погодитъ, погодитъ немного. Скоро конецъ Свейскій война, царь возвращайся опять въ Московію, оттуда поѣзжайтъ во всякіе города и будетъ смотрѣйтъ, какъ кто гдѣ его приказаній исполняйтъ! Погодитъ немного!

РЖЕВСКІЙ.

Охъ, когда то еще кончится война!

ЕКАТЕРИНА. (вставая съ качель и грызя сѣмечки, Ржевскому).

Тятя, я съ дуркой купаться пойду.

РЖЕВСКІЙ.

Хорошо.

ЕКАТЕРИНА. (Устькѣ).

Ну, ступай за утиральникомъ! (Уходитъ по дорожкѣ направо. Устька убѣгаетъ въ двери дома).

ЯВЛЕНІЕ VI.

РЖЕВСКІЙ. (кричитъ вслѣдъ Екатеринѣ).

Голову побольше мочи!.. Солнце можетъ такъ припечь что... Побольше мочи голову!..

ЕКАТЕРИНА (за сценой).

Знаю, знаю!

БАНИНЪ.

Прикажешь убрать чай?

РЖЕВСКІЙ.

Убирай, голубчикъ! (Банинъ машетъ рукой Матвѣю; Матвѣй подбѣгаетъ, исполняетъ приказанье и черезъ нѣкоторое время возвращается на прежнее мѣсто у дверей. Банинъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

РЖЕВСКІЙ.

Какъ подумаешь, въ самомъ дѣлѣ, ну хотя-бъ про того же Меншикова,—просто даже странно становится. Теперь онъ первый любимецъ, а вѣдь онъ сынъ хлѣбника какого то, булочника самаго простого, даже, кажись, не отъ законной матери родился!..

КИРШБЕРГЪ.

Онъ былъ сынъ отъ одинъ дворовый человѣкъ, государь мой; его отецъ убираль комнаты у одного господинъ и онъ всякій грязный работъ дѣляль!..

РЖЕВСКІЙ.

Это враки! Меншиковъ сынъ булочника московскаго.

КИРШБЕРГЪ.

Меншиковъ родился въ Тверь, государь мой; его отецъ быль простой слюга, который убираль комнаты!

РЖЕВСКІЙ.

Ну вотъ, въ самомъ дѣлѣ. Я доподлиннѣйше знаю, что его отецъ былъ простой булочникъ, который еле-еле хлѣбомъ торговалъ! Когда Меншиковъ былъ еще совсѣмъ малюсенькій, его отецъ ужъ училъ тѣсто мѣсить.

КИРШБЕРГЪ.

Государь мой, я навѣрно знайтъ, что Меншиковъ синъ отъ простой слюга въ Тверь!

РЖЕВСКІЙ.

Откуда ты взялъ, что онъ изъ Твери?

КИРШВЕРГЪ.

Я знайтъ.

РЖЕВСКІЙ.

А я тебѣ говорю, что онъ родился въ Москвѣ и помогалъ еще совсѣмъ мальчишкой отцу тѣсто мѣсить, потому что отецъ его былъ простой булочникъ!

КИРШВЕРГЪ.

Не бульочникъ, государь мой, а простой слюга у одинъ господинъ.

РЖЕВСКІЙ.

Ну вотъ, споришь.

КИРШВЕРГЪ.

Какъ желяйтъ, государь мой, мнѣ все одно, а тольке Меншиковъ синъ отъ слюга, самый простой слюга, и родился въ Тверь.

РЖЕВСКІЙ.

Въ Москвѣ.

КИРШВЕРГЪ.

Въ Тверь, государь мой; вѣдь мнѣ все одно, бульочникъ его отецъ, или кто: Меншиковъ не мой родственникъ и меня это не касайсь, а только отецъ его самый простой слюга отъ одинъ господинъ.

ФИШЕРЪ (встаетъ).

Не могу взять въ толкъ, о чемъ вы спорите! Не все-ль равно, чей это сынъ!

РЖЕВСКІЙ.

Булочника!

ФИШЕРЪ.

Для царя Петра это было не важно... Важно, что онъ увидѣлъ въ Меншиковѣ честнаго работника, умнаго, искуснаго! вотъ это въ самомъ дѣлѣ важно. (Усаживается и читаетъ книгу, слегка прислушиваясь къ разговору).

РЖЕВСКІЙ.

Это что и говорить: такого молодца, какъ Меншиковъ, ищи— не сыщешь! Даромъ, что сынъ булочника, а понялъ, какъ надо угождать и слушаться царской воли.

ФИШЕРЪ.

Вся суть въ томъ, что онъ понялъ пословицу: одно платье не дѣлаетъ монахомъ.

РЖЕВСКІЙ (вздыхая).

Да, эхъ-хе-хе! (Оживляясь). Послушай, Киршбергъ! Ну, а что, если бы царь вдругъ, такъ вотъ, нахрапомъ явился бы въ Астрахань и прямо зашелъ ко мнѣ въ домъ, а?!.

КИРШБЕРГЪ (улыбаясь, восторженно).

О!.. такой счатій... О... говорить трудно!..

РЖЕВСКІЙ.

Нѣтъ, послушай, а?! Что, еслибы вдругъ онъ былъ здѣсь!!!

КИРШБЕРГЪ (вздыхая и блаженно улыбаясь).

Если бъ онъ былъ здѣсь!..

ФИШЕРЪ (иронически, въ полъ голоса).

Если-бъ онъ былъ здѣсь!

РЖЕВСКІЙ (улыбаясь).

Если-бъ онъ могъ все, все видѣть...

КИРШБЕРГЪ.

Если-бъ онъ могъ все видѣть!

ФИШЕРЪ.

Если-бъ онъ могъ все видѣть!

РЖЕВСКІЙ.

Онъ показалъ бы намъ тогда, что значитъ царская милость!..

ФИШЕРЪ (громко).

И царская правда!..

КИРШБЕРГЪ.

О!.. онъ показаль-бы!

ФИШЕРЪ (про себя, озлобленно).

Онъ показалъ бы вамъ! (Ударяетъ по столу кулакомъ; громко, Ржевскому). Знаете-ль, что онъ бы вамъ показалъ?!

КИРШБЕРГЪ.

О!.. весь свой милость!

ФИШЕРЪ (возбужденный).

Онъ оцѣнилъ бы какъ слѣдуетъ всѣ ваши труды и дѣла и показалъ бы такую царскую правду и такую справедливость, какихъ вы и не ожидаете! (Беретъ нервно книгу и читаетъ).

РЖЕВСКІЙ (улыбаясь).

Ахъ, если-бъ онъ пріѣхалъ!.. (Пауза). Сегодня мнѣ снился какой то... просто какой то совсѣмъ смѣшной сонъ... такой сонъ, что вотъ ей Богу, кажись, отродясь такого никто не видывалъ... (Оборачиваясь, Матвѣю) Матвѣй, кликни-ка Акулину!.. Живо! (Матвѣй убѣгаетъ по дорожкѣ направо). Мастерица эта Акулина сны растолковывать.

КИРШБЕРГЪ.

О, она ужасно умѣйтъ карашо... разьталь... разьталь...

РЖЕВСКІЙ.

Расталковывать.

КИРШБЕРГЪ.

Да... ужасно карашо умѣйтъ. (Подчуетъ табакомъ Ржевскаго. Ржевскій нюхаетъ и чихаетъ). Будь здоровъ! (Ржевскій разѣваетъ ротъ, чтобъ чихнуть и опять его закрываетъ).

КИРШБЕРГЪ (смѣясь).

Не выходиль чиханій! А когда совсѣмъ привыкайтъ, государь мой, то совсѣмъ будетъ не хотѣть чихать!.. (Нюхаетъ самъ). Это только первое время чихайтъ!

РЖЕВСКІЙ (нетерпѣливо).

Ну что-жъ это!.. Куда эта Акулина запропастилась!

КИРШБЕРГЪ.

Сейчасъ, навѣрный, приходиль!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

АКУЛИНА (съ краснымъ, опухшимъ лицомъ, обвязаннымъ тряпками со всѣхъ сторонъ, съ всклокоченными слегка сѣдыми волосами, въ простомъ сарафанѣ, босая. Выбѣгаетъ справа по дорожкѣ, останавливается въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Ржевскаго и нѣсколько разъ кланяется въ поясъ. Матвѣй приходитъ вслѣдъ за Акулиной, подходитъ къ дверямъ дома и остается тамъ стоять).

РЖЕВСКІЙ (смѣется).

Хороша!.. Вотъ ужь вправду хороша!.. Любой парень въ жены захочетъ!.. Эка въ самомъ дѣлѣ искусали тебя пчелы!.. Все не проходитъ?

АКУЛИНА.

Какой тамъ, отецъ родной, всю ноченьку промаялась!

КИРШБЕРГЪ.

Я давалъ ей примочка...

РЖЕВСКІЙ.

Ага...

КИРШБЕРГЪ.

Дольжно помогайть...

РЖЕВСКІЙ.

Ага... Ну ладно. (Акулинѣ). Подойди ближе! (Акулина подходитъ къ Ржевскому). Мнѣ сегодня снился сонъ, совсѣмъ необыкновенный сонъ.

АКУЛИНА (оживляясь).

Какой, государь мой?

РЖЕВСКІЙ.

А вотъ слушай! Вижу я большое, большое поле... иду по немъ, ужь не помню за чѣмъ, иду, иду и потомъ останавливаюсь... Небеса этакія голубыя, этакій легонькой вѣтерокъ съ прохладцей, кругомъ травка зеленая, солнышко свѣтитъ... дышу себѣ и такъ это мнѣ пріятно и хорошо. Вдругъ!.. чувствую, что я начинаю расти да расти: все выше, выше становлюсь... вырастаю такъ, что просто и сказать нельзя. И такъ это мнѣ какъ будто еще пріятнѣе дѣлается... Смотрю кругомъ... вижу — все чертоги, замки богатые... смотрю — и самъ весь въ золотомъ платьѣ стою; кругомъ народъ на меня смотритъ, улыбается мнѣ, кланяется эдакъ низко - низко... и такъ это мнѣ хорошо, пріятно, что просто и не сказать... Вдругъ!.. вижу—вокругъ меня ястреба... да... настоящіе ястреба!.. маленькіе, большіе... всякіе!.. кружатся вокругъ моей головы, кружатся, кружатся... ужь ихъ тутъ цѣлыя сотни налетѣли!..

Жутко мнѣ стало!.. Хочу эдакъ отмахнуться и не могу... просто не могу... рука не поднимается. Хочу крикнуть,—опять таки какъ будто кусокъ застрялъ въ глоткѣ... Ужь такъ хотѣлось крикнуть... не могъ и... проснулся, потный проснулся... рубашка мокрая... кругомъ жарко эдакъ и блохи треклятые кусаютъ... (Вздохнувъ). Вотъ, Акулина, какой сонъ диковинный!

КИРШВЕРГЪ (задумчиво).

Да... ужь правда, это такой сонъ, что въ самомъ дѣлѣ...

АКУЛИНА (перебивая Киршберга).

Что, государь мой, не упомнилъ ли: глаза у ястребовъ очень сердитые были?

РЖЕВСКІЙ (стараясь вспомнить).

Да... нѣтъ, кажется... чтобъ очень такіе особенные, нѣтъ... хотя пожалуй... Нѣтъ, нѣтъ... ничего такого въ глазахъ; самые обыкновенные ястреба, такіе, какіе, ну вотъ какіе всякій видалъ... Ничего, помнится, въ глазахъ такого не было...

АКУЛИНА.

Ну, а платье на тебѣ, ты говоришь, государь мой, золотое было?

РЖЕВСКІЙ.

Золотое.

АКУЛИНА.

Безъ пятнышка?.. совсѣмъ чистое?..

РЖЕВСКІЙ.

Да.

АКУЛИНА.

И ястреба... когда налетѣли, не замарали платья?

РЖЕВСКІЙ.

Нѣтъ!.. они только все около головы кружились!..

АКУЛИНА.

Такъ, такъ... А зачѣмъ ты, государь мой, крикнуть захотѣлъ?

РЖЕВСКІЙ.

Крикнуть?

АКУЛИНА.

Да. Зачѣмъ крикнуть захотѣлъ?

РЖЕВСКІЙ. (изумленный).

Какъ зачѣмъ? А еслибъ на тебя налетѣли ястреба, что жъ, такъ бы ты и молчала?

КИРШВЕРГЪ. (Акулинѣ).

Когда пчели на тебя налетѣли, вѣдь ти тоже кричаль, Акулинъ? Кричаль?

АКУЛИНА.

Ну да, съ перепугу стало быть крикнулъ, государь мой?

РЖЕВСКІЙ.

Да... нѣтъ! просто такъ. Непріятно-жъ въ самомъ дѣлѣ, если все передъ глазами ястреба да ястреба.

АКУЛИНА.

Поняла, поняла. (Задумывается; послѣ паузы, повеселѣвъ). Это хорошій сонъ, государь мой; такой хорошій, что подай Царь Небесный всякому такой сонъ! (Напуская на себя важность). Что ты все ростомъ больше да больше становился, такъ это тебѣ къ большому возвышенію и почести посередь всѣхъ прочихъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

БАНИНЪ. (съ большой книгой подъ мышкой и перомъ за ухомъ, входитъ изъ дверей и подходитъ къ Ржевскому; перебивая Акулину).

Тамъ, Тимоѳей Ивановичъ, ужь человѣкъ съ 20 пришло челомъ бить обо всякой всячинѣ.

РЖЕВСКІЙ. (нахмурившись).

Пусть ждутъ!..

БАНИНЪ.

Вдова Климова двухъ индюшекъ принесла...

РЖЕВСКІЙ.

Жирныхъ?

БАНИНЪ.

Очень даже жирныхъ...

РЖЕВСКІЙ.

Ну ладно... Пусть подождутъ...

БАНИНЪ.

Викентьевъ сынъ теленка привелъ съ собою; хорошій теленокъ.

РЖЕВСКІЙ.

Сейчасъ, сейчасъ; пусть ждутъ!

БАНИНЪ.

А Бусинъ, рыбакъ, 5 сельдей принесъ и пятокъ утиныхъ яицъ...

РЖЕВСКІЙ.

Утиныхъ яицъ?! Кто же утиныя яйца ѣсть станетъ?

БАНИНЪ.

Онъ говоритъ: вкусныя...

РЖЕВСКІЙ.

Гони его вонъ!.. Сейчасъ я приду; пусть подождутъ. (Банинъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ X.

РЖЕВСКІЙ. (Акулинѣ).

Ну?!

АКУЛИНА.

А ястреба означаютъ заботы, государь мой. Много, много заботъ будетъ, такъ много заботъ будетъ, что просто вотъ какъ этихъ самыхъ ястребовъ. А зато почесть будетъ большая, богатство превеликое, счастье несказуемое... А только заботъ Богъ дастъ вдоволь! а весь твой сонъ такой, отецъ родной, что просто радоваться-не нарадоваться надо!.. Напрямикъ скажу: дай Богъ всякому такой сонъ видѣть!

РЖЕВСКІЙ. (задумываясь).

Ну спасибо!.. И впрямь диковинный сонъ.

ФИШЕРЪ. (закрывъ книгу).

Нѣтъ, я сегодня ночью видѣлъ сонъ еще диковиннѣй, еще чуднѣе!

АКУЛИНА.

Какой, голубчикъ?

ФИШЕРЪ.

А вотъ какой!.. Видѣлъ я, что стою за стѣнами большого государства, и тамъ, за стѣнами, слышенъ былъ вой, стонъ, рыданія, слышны были удары кнутовъ, крики, проклятія, злой безжалостный смѣхъ и мольбы о пощадѣ... Сердце во мнѣ такъ сжалось и такъ мнѣ стало тяжко дышать. Я взошелъ въ ворота государства и весь охолодѣлъ отъ ужаса и страха... Здѣсь, на моихъ глазахъ, пьяные рожи людей, заплывшихъ жиромъ, одѣтыхъ въ богатыя платья, въ жемчугахъ, въ златѣ, съ батожьемъ въ рукахъ, кричали съ безстыдствомъ: «я богатый, я знатный, у меня дядя ближній бояринъ, у меня кумъ приказный судья. Давай, холопскій сынъ, давай, что приказываютъ!» И замахивались батожьемъ на исхудалыхъ людей, еле прикрытыхъ одеждой. И они, подъ ударами, отдавали послѣднія крохи, заработанныя потомъ, кровью, отдавали родныхъ дочерей, которыхъ здѣсь же безчестили!.. И смѣхъ стоялъ кругомъ, заглушая ихъ стоны, и въ крови, въ человѣчьей крови, вельможи загребали мѣдяки, послѣднія мѣдяки бѣдныхъ кормильцевъ-отцовъ! Здѣсь тщетно было-бъ искать правосудія, искать справедливости, искать жалости... И въ этомъ государствѣ я узрѣлъ нашу святую Русь. Я заплакалъ, громко заплакалъ, и, казалось, во вѣкъ мнѣ не выплакаться! Вдругъ... среди всей этой кутерьмы побоища и зазорнаго грабежа... появился, какъ въ сказкѣ, не солнца лучъ, не луна, не звѣздочка небесная,—появился мужъ юный, прекрасный, съ нахмуреннымъ высокимъ челомъ и съ поникшею головою... И онъ такъ грустно глядѣлъ кругомъ, такъ грустно!.. Я впился въ него глазами... и такъ и бросился ему въ ноги... «Царь, крикнулъ я, царь Петръ Алексѣевичъ, сжалься надъ этими несчастными, сжалься...» и я зарыдалъ, какъ ребенокъ... «Не плачь, сказалъ онъ, утѣшься... Часъ насталъ... Не будетъ больше на Руси ни невѣждъ — правителей, ни поблажекъ знатнымъ родомъ, не будетъ самосуда, не будетъ наглаго взяточничества... Каждому воздастся по заслугамъ его... всякъ будетъ равенъ предъ царскими очами: какъ бояринъ-богачъ, такъ и нищій»... «Царь, сказалъ я, если это сбудется, изъ какого злата, изъ какихъ камней драгоцѣнныхъ должны тебѣ люди воздвигнуть мону-

дата 1708 г.?

ментъ?» А онъ улыбнулся и тихо сказалъ: «пусть люди честно трудятся царю, родинѣ и ближнимъ, и это будетъ мнѣ изрядная награда!..» Я проснулся и такъ мнѣ стало весело, такъ радостно, что хотѣлось пѣсни распѣвать и въ плясъ пуститься!..

РЖЕВСКІЙ (улыбаясь).

Вотъ такъ сонъ!.. Самъ чертъ здѣсь ногу себѣ переломитъ!.. Это, голубчикъ мой, ты вчера, кажись, 2 арбуза на ночь сожралъ—вотъ такой страшный сонъ и приснился! (Киршбергу). Вѣрно?

КИРШБЕРГЪ.

О да!.. я думайтъ, что это правда. Да, надобно всегда во фруктъ знать мѣра!.. А то заболѣйтъ совсѣмъ и... развѣ пріятно, чтобъ я угощаль горькимъ лекарства?

ФИШЕРЪ.

О нѣтъ, Herr Kirschberg, все, что хочешь, но только не лѣчи. А если ужь такъ хочется кого нибудь лѣчить, то лѣчи ужь лучше старыхъ и больныхъ собакъ, которыхъ довѣряютъ твоему искусству.

КИРШБЕРГЪ (напыщенно).

Ты не вѣришь медицинѣ?

ФИШЕРЪ.

Медицинѣ я вѣрю, но тебѣ—нѣтъ. (Киршбергъ презрительно пожимаетъ плечами).

АКУЛИНА (Фишеру).

Не пойму я сей сонъ, ужь очень онъ чуденъ!.. Вотъ что тебѣ кнуты приснились, такъ это къ болѣзни. Да, голубчикъ, къ болѣзни.

ФИШЕРЪ.

Спасибо. (Уходитъ въ двери дома).

ЯВЛЕНІЕ XI.

РЖЕВСКІЙ.

Ну что, Акулина, поговариваютъ эдакъ въ городѣ? Что новаго слышала?

АКУЛИНА (смѣясь).

Ахъ, отецъ родной, умора да и только... Слышала я на базарѣ, какъ одинъ странникъ какой то о табакѣ этомъ самомъ говорилъ. Какъ это онъ сказалъ то, дай Богъ памяти!.. Да! Табакъ это значитъ: корень горести, иже пакость творитъ и тѣло оскверняетъ. (Ржевскій, а за нимъ Киршбергъ, смѣются). А о чаѣ сказалъ, что кто пьетъ чай, долженъ отчаяться въ спасеніи, а кто кофе пьетъ, такъ въ сердцѣ того будетъ ковъ. (Ржевскій и Киршбергъ смѣются еще громче). А о картофелѣ онъ сказалъ, что трава, зовомая кортофелемъ, есть похоть антихристова, а начало она имѣетъ отъ Рима, и что будто бы змѣй соблазнилъ Еву картофелемъ.

РЖЕВСКІЙ (смѣясь).

Вотъ тебѣ разъ!.. ну ужь и странникъ!

ЯЛЕНІЕ XII.

ФИШЕРЪ (съ трубкой въ зубахъ, выходитъ изъ дома, усаживается, куритъ и по немногу пишетъ).

АКУЛИНА.

Да, отецъ родной, ужь такъ это я тоже смѣялась! А потомъ слышала я, да и не въ одномъ мѣстѣ, что будто бы скоро приказъ отъ царя будетъ всѣхъ астраханскихъ дѣвокъ повыдать замужъ за нѣмцевъ, что изъ Казани пришлютъ!

РЖЕВСКІЙ (заливаясь громкимъ и долгимъ хохотомъ).

Вѣдь... вѣдь... выдумаютъ!.. Вѣдь... выдумаютъ тоже!.. (Вдругъ сдерживаетъ смѣхъ; глубокомысленно). А что вы думаете?! А можетъ

быть на самомъ дѣлѣ не нонче—завтра такой указъ придетъ; Вѣдь царскіе помыслы неисповѣдимы!.. Вѣдь захотѣлъ вдругъ царь, чтобъ бороды брили и одежду носили какъ нѣмцы, вѣдь могъ же онъ захотѣть русскихъ дѣвокъ за нѣмцевъ выдать!

КИРШБЕРГЪ.

Я самъ такъ подумалъ... Очень можетъ быть... (Фишеръ хохочетъ).

РЖЕВСКІЙ (Фишеру).

Ты чего смѣешься?

ФИШЕРЪ (сквозь смѣхъ).

Чтобы царь Петръ могъ учинить такой приказъ?! Да вы царя Петра Алексѣевича за злодѣя что ли почитаете?! Не спрося, любятъ ли другъ друга, не любятъ ли, согласны-ль батька съ маткой, взять ла и выдать за нѣмцевъ! И для чего, съ какой стати, для чьей пользы?

РЖЕВСКІЙ.

Ну, ты еще молодъ, чтобъ объ этомъ, какъ слѣдуетъ, размыслить! (Акулинѣ). А больше нѣтъ какихъ слуховъ?

АКУЛИНА.

Нѣтъ, отецъ родной, всѣ сказала.

РЖЕВСКІЙ.

Ну ступай!.. да вели изъ кладовой винныхъ ягодъ полъсотни отсчитать! Кушай на здоровье!

АКУЛИНА (кланяясь).

Благодарствуй, батюшка, спасибо тебѣ! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

БАНИНЪ (выходя изъ дверей дома и тащя вмѣстѣ съ Ермолаемъ свиную тушу за ноги).

Прости, Тимоѳей Ивановичъ, разсуди на милость! (Кладетъ тушу на землю). Вотъ онъ (указывая на Ермолая) принесъ такой посулъ, отъ котораго просто въ носу свербитъ, а говоритъ: «свѣжая».

РЖЕВСКІЙ (изумленный).

Что такое?! Зачѣмъ сюда приперли! Чья это туша? (Указывая на Ермолая). Кто онъ?

БАНИНЪ.

Прости, что безпокою, но это дѣло домашнее, лучше его здѣсь разсудить. Изволишь ли видѣть, я его гналъ, говорилъ ему: «пошелъ вонъ отсюда, тухлятину воеводѣ Боже тебя сохрани приволочь!» а онъ говоритъ: «какая тамъ тухлятина, самая что ни на есть свѣжая...»

РЖЕВСКІЙ (всматриваясь въ Ермолая).

Э..! э... э... голубчикъ, мнѣ твое рыло знакомо!.. (Банину). Это онъ по какому дѣлу?

БАНИНЪ.

А вотъ по какому!.. 2 недѣли тому назадъ, помнишь, бочка изъ подъ вина подтекать стала. Ты и приказалъ вино изъ бочки перелить, а бочку отдать чинить и чтобъ на нее обручи новые сдѣлали. А въ эту пору подвернулся вотъ этотъ самый Ермолай обручникъ, на него пришли челомъ бить: онъ кому то шею накостылялъ. Ну вотъ, я тогда тебя объ этомъ извѣстилъ и ты изволилъ приказать, что коль этотъ самый Ермолай хорошо обручами бочку затянетъ, то его не наказывать, а просто отпустить съ Богомъ. А вотъ онъ, чортовъ сынъ, такъ пакостно 3 обруча на бочку поставилъ, что когда пере-

лили вино, то оно чуть все на земь не вытекло. Ты его тогда хотѣлъ побить, а онъ, подхалима, взмолился, говорилъ: «не бей меня, я тебѣ цѣлую свиную тушу принесу». Вотъ теперь онъ и принесъ. Благоволи понюхать, какова туша!

РЖЕВСКІЙ (наклонившись къ тушѣ и понюхавъ; Ермолаю).

Ну, что мнѣ съ тобой, собачій сынъ, сдѣлать надо, а?!

ФИШЕРЪ (иронически Ржевскому).

Убей его.

РЖЕВСКІЙ (Ермолаю).

Костылять другимъ шею,—твое дѣло; гнилые обручи ставить—твое дѣло; а когда приличный посулъ принести воеводѣ, такъ ты, паршивецъ эдакій, гниль несешь, падаль, тухлятину вонючую! Да ты знаешь ли, песъ, что я тебя, богомерзкая харя, въ бараній рогъ согнуть могу, въ куски искромсать, въ помойную яму съ башкой запихать!!! Ты это что?!! Думалъ, что у господина воеводы носа не имѣется!. Думалъ, что носа нѣтъ, чортово отродье!!! Я тебѣ покажу, идолъ, какъ воеводѣ тухлятину приносить. Я тебя научу, стервеца, научу, паршивца поганаго... (Банину). Отдуть его кнутомъ на этой самой падали, чтобъ небо съ овчинку показалось!

ЕРМОЛАЙ.

Туша была свѣжая, ей Богу свѣжая... а только, если маленько отъ жары попортилась, въ чемъ же моя вина?! Гдѣ мнѣ холодильникъ взять?

РЖЕВСКІЙ.

Такъ какъ же ты, погань, смѣешь тухлятину нести?! (Банину). Возьми его!!!

БАНИНЪ (взявъ Ермолая за шиворотъ).

Пошелъ, пошелъ!..

ЕРМОЛАЙ (задыхаясь отъ подступившихъ къ горлу рыданій, валится на колѣни и ползетъ къ Ржевскому).

Смилуйся! Смилуйся!

БАНИНЪ (приподнимая его).

Пшелъ, подхалима! Еще нюнить вздумалъ! Тухлятину принесъ, да еще нюнить вздумалъ! Бери свою падаль за ноги! Ну! (Ермолай съ глухими рыданіями беретъ тушу за заднія ноги, Банинъ за переднія, и оба уходятъ по дорожкѣ направо).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

РЖЕВСКІЙ (садясь въ кресло и задумываясь).

Что это я, Киршбергъ, хотѣлъ сказать тебѣ!.. Эхъ!.. Что такое въ самомъ дѣлѣ?.. Да!.. Вотъ что!.. Я хотѣлъ въ Кіевъ послать племяннику письмо, знаешь ли!.. Но только письмо на нѣмецкомъ нарѣчіи... понялъ? Пусть его разбираетъ, ха, ха!

КИРШБЕРГЪ.

А-а, понимайтъ! Ти сейчасъ желяйтъ?

РЖЕВСКІЙ.

Да, да, вали, пиши сейчасъ!..

КИРШБЕРГЪ.

А... а... ти забиль, что сегодня польковникъ Девинъ Geburtstag, день рожденій...

РЖЕВСКІЙ.

Фу ты пропасть! Вѣрно, вѣрно!.. Хорошо, что напомнилъ!.. Надо собираться! (Матвѣю). Матвѣй, приготовь-ка платье и башмаки вычисть! Живо! (Матвѣй хочетъ уходить). Стой!.. Скажи Банину, чтобы онъ отобралъ у челобитчиковъ ихъ посулы, записалъ бы, кто, что принесъ и велѣлъ бы завтра имъ придти! Ступай! (Матвѣй уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XV.

РЖЕВСКІЙ (вставая съ кресла).

Ну... надо торопиться... Хорошо, что напомнилъ: у него вѣдь сегодня пиръ горой!.. Да!.. Что я еще хотѣлъ сказать?.. Ага! Послушай, Фишеръ, сегодня прошло ровно 2 мѣсяца, какъ ты ко мнѣ пріѣхалъ изъ Москвы и служишь у меня. Сегодня, если угодно, можешь получить жалованье!

ФИШЕРЪ. (вставая).

Спасибо.

РЖЕВСКІЙ. (пожимая Фишеру руку).

Я тобой доволенъ; ты хоть молодъ, а хорошій учитель. (Вынимая изъ кошеля деньги). Вотъ твое жалованье! (Кладетъ деньги на столъ). Много здѣсь рубликовъ, но мнѣ ихъ не жалко; за науку моего сына ничего не пожалѣю, былъ бы только толкъ!

ФИШЕРЪ.

Спасибо.

РЖЕВСКІЙ. (Киршбергу).

Ну идемъ, Киршбергъ! (Уходятъ въ двери дома вмѣстѣ съ Киршбергомъ).

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ЕКАТЕРИНА. (съ распущенными волосами выходитъ справа по дорожкѣ; за ней Устька, несущая въ рукахъ утиральникъ, вбѣгаетъ въ домъ. Екатерина, подойдя на цыпочкахъ сзади къ Фишеру, задумчиво смотрящему на горсть денегъ, быстро закрываетъ ему руками глаза).

ФИШЕРЪ.

Катя! Ты?

ЕКАТЕРИНА (отнявъ руки и садясь возлѣ Фишера).

Ну, а то кто же?.. (Ласкаясь и цѣлуя его). Кто же, какъ не Катя?... Виноградинка ты моя янтарная, яблочко ты мое румяное, соколъ ты мой ненаглядный! (Спохватившись). Тятька ушелъ?

ФИШЕРЪ.

Ушелъ... Что такъ скоро выкупалась?

ЕКАТЕРИНА.

А теперь нельзя долго плескаться... Настасья сказывала, что изъ Каспія русалка приплыла сердитая: кто больше 3-хъ разъ окунется, до смерти защекочетъ!.. (Помолчавъ). Что ты такой хмурый? Жарко? Да?... А ты бы пошелъ и выкупался! Ну приголубь меня, приласкай!.. Тятька вѣдь ушелъ? (Нѣсколько разъ цѣлуя Фишера). Ну, молви хоть словечко, ну скажи: любишь Катю, очень любишь?

ФИШЕРЪ.

Кабы не ты... (цѣлуетъ ее) давно бъ въ Москву уѣхалъ.

ЕКАТЕРИНА.

Чьи это деньги на столѣ?

ФИШЕРЪ. (нахмурившись).

Это... это деньги несчастныхъ, сирыхъ, болѣзныхъ... Это деньги... деньги, потомъ заработанныя и силой, угрозами отнятыя. Ты знаешь, я въ Москвѣ получалъ въ 2 раза меньше жалованья, но это было жалованье, заплоченное въ тысячу разъ честнѣйшими деньгами!.. (Вынимаетъ кошель и кладетъ въ него деньги). И я долженъ взять «эти» деньги!.. Ничто такъ не страшно, какъ у голоднаго отнять хлѣба ломоть, у полунагого снять рубашку послѣднюю!.. Ты подумай, ты подумай только, что это платье, это самое платье, въ которое ты наряжена, быть можетъ сдѣлано изъ послѣднихъ рублей безпріютной

вдовы?!! (Екатерина закрываетъ лицо руками). Я ужъ говорилъ тебѣ, что разбойникъ съ большой дороги честнѣй поступаетъ: онъ не прячется ни подъ какою личиною, онъ грабитъ открыто, грабитъ, какъ разбойникъ всегда грабитъ, и всякій стережется, коль ѣдетъ по темной дорогѣ! А Ржевскій подъ видомъ законныхъ пошлинъ, подъ личиной честнаго судьи и правителя, беретъ и вымогаетъ какъ будто бы по царскимъ указамъ!.. Ты плачешь?.. Тебѣ горько?.. но вѣдь это жъ правда!.. Перестань! (Цѣлуетъ ее). Ну прости, я больше не буду такъ говорить!.. Не плачь!

ЕКАТЕРИНА. (вытирая слезы).

Отчего ты такъ тятьку не любишь? Что онъ худого тебѣ сдѣлалъ?

ФИШЕРЪ.

Еслибъ я не любилъ такъ народъ, не любилъ бы Русь-матушку, то тогда конечно... я любилъ бы Ржевскаго!.. Ну поцѣлуй меня!.. (Екатерина обнимаетъ его и цѣлуетъ). Ишь глазки какъ заплакала: красные - красные!.. (Цѣлуетъ ее). Послушай, Катя, пошла бъ ты за меня замужъ?

ЕКАТЕРИНА.

Пошла бъ... а только тятя не дозволитъ...

ФИШЕРЪ.

Ну да, это конечно: Тимоѳей Ивановичъ никогда не разрѣшитъ. Ну, а ты бы хотѣла моей женкой быть?..

ЕКАТЕРИНА.

Очень хотѣла бъ... а только вѣдь тятя ни за что не дозволитъ!

ФИШЕРЪ.

Я тебѣ повѣдаю одну тайну; ты не раскалякаешь другимъ?

ЕКАТЕРИНА.

А что такое?..

ФИШЕРЪ.

Ты никому не скажешь?

ЕКАТЕРИНА.

Вотъ какъ Богъ святъ,—никому не скажу.

ФИШЕРЪ.

Ей-Богу?

ЕКАТЕРИНА.

Ей Богу!

ФИШЕРЪ.

Ну такъ вотъ что! на дняхъ будетъ бунтъ всей Астрахани.

ЕКАТЕРИНА.

Бунтъ?!

ФИШЕРЪ.

Да!

ЕКАТЕРИНА.

Откуда ты узналъ?

ФИШЕРЪ.

Отъ добрыхъ людей.

ЕКАТЕРИНА.

Отчего же бунтъ будетъ?

ФИШЕРЪ. (мнется).

Да... видишь-ли... разныя тутъ причины... трудно тебѣ растолковать... я и самъ, видишь ли, не совсѣмъ все знаю...

ЕКАТЕРИНА.

Противъ кого бунтъ?

ФИШЕРЪ.

Противъ начальныхъ людей...

ЕКАТЕРИНА. (съ ужасомъ).

Тятьку убить хотятъ?!

ФИШЕРЪ. (успокаивая).

Нѣ-ѣтъ... да и развѣ легко убить его!.. Просто будетъ возмущеніе, народная смута... Ну и вотъ видишь ли, если ты меня любишь и хочешь быть моей женой... то во время смуты, когда Ржевскій будетъ занятъ усмиреніемъ бунтовщиковъ...

ЕКАТЕРИНА.

Что?!

ФИШЕРЪ.

Ты тогда убѣжишь со мной изъ Астрахани.

ЕКАТЕРИНА.

Куда?

ФИШЕРЪ.

Въ Москву.

ЕКАТЕРИНА.

А тятя, а мама?!!

ФИШЕРЪ.

Они простятъ потомъ.

ЕКАТЕРИНА (качая головой).

Нѣтъ... нѣтъ, тятя никогда не проститъ... тятя еще убьетъ тебя!

ФИШЕРЪ.

Не бойсь!.. Не убьетъ!

ЕКАТЕРИНА.

Такъ какъ-же это мы убѣжимъ-то?

ФИШЕРЪ.

А я ужь это все обдумалъ... Ты только скажи: согласна ты бѣжать аль нѣтъ!.. Ну!.. скажи!..

ЕКАТЕРИНА. (послѣ паузы, жалобно).

Ну... а какъ-же тятя и мама!

ФИШЕРЪ (съ чувствомъ).

Катя, я такъ тебя полюбилъ, такъ полюбилъ, что мнѣ не прожить безъ тебя! Я вѣдь одинъ одинешенекъ на матушкѣ-землѣ!.. Нѣтъ у меня родныхъ, нѣтъ близкихъ, нѣтъ милыхъ сердцу совсѣмъ!.. Ты... ты одна мнѣ ихъ всѣхъ замѣнишь. Ты меня заворожила, приковала къ себѣ своими синими глазами, своимъ голосомъ, своей ласкою!.. Мнѣ не жить безъ тебя. Всѣ мои думы, всѣ мои надежды, мысли—о тебѣ лишь одной!.. Ну будь моей женой!!. Будь!.. будь!

ЯВЛЕНІЕ XVII.

УСТЬКА. (выбѣгая справа по дорожкѣ въ припрыжку и подбѣгая къ Екатеринѣ).

Катенька, ступай скорѣе!.. Ха, ха, ха, скорѣй иди, скорѣй!

ЕКАТЕРИНА.

Что такое?!

УСТЬКА.

Ермолая-обручника кнутьемъ бьютъ, а онъ... ха, ха, ха... а онъ оретъ и «Отче нашъ» все причитываетъ!.. Иди посмотрѣть! Скорѣе, скорѣе!..

ЕКАТЕРИНА.

Не хочу идти... Уйди!... не мѣшай!..

УСТЬКА.

Да успѣете наговориться... Пойдемъ!.. Отъ смѣха помереть можно...

ЕКАТЕРИНА.

Уйди!.. сказано, что не пойду.

УСТЬКА.

Ну, какъ хочешь! (Убѣгаетъ).

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

ФИШЕРЪ. (цѣлуя Екатерину).

Ну скажи мнѣ, согласна ты бѣжать? Ну рѣшися!.. Не бойся!..

ЕКАТЕРИНА. (грустно).

А какъ-же тятя съ мамой?

ФИШЕРЪ.

Они простятъ; вотъ увидишь, простятъ!..

ЕКАТЕРИНА.

А если насъ... догонятъ на пути?

ФИШЕРЪ.

Кто догонитъ?

ЕКАТЕРИНА.

Тятя...

ФИШЕРЪ.

Никто насъ не догонитъ. Никто и не узнаетъ даже. Ну согласись! Согласись!.. ты увидишь, какъ хорошо все устроится!

ЕКАТЕРИНА.

А какъ же... это все... я не понимаю... какъ ты все сдѣлаешь!

ФИШЕРЪ.

А я ужь обо всемъ подумалъ. Ну скажи! да?..

ЕКАТЕРИНА. (послѣ паузы, обвиваетъ его шею рукой, страстно цѣлуетъ и потомъ тихо плачетъ).

ФИШЕРЪ. (восторженно).

Клянусь, мы будемъ счастливѣе всѣхъ на землѣ!.. Въ нашемъ домѣ будетъ тишь-благодать и вѣчная радость... У насъ будутъ дѣти, которыхъ мы научимъ добру, справедливости, наукамъ... Они будутъ нашей гордостью, нашей славой!.. Они будутъ любить насъ не только потому, что мы ихъ родители, но и потому, что мы положимъ на нихъ весь свой трудъ, все свое знаніе!.. (Въ экстазѣ). А скоро засіяетъ и настоящее солнышко! Вѣдь оно уже взошло, это только тучи и облака его скрываютъ!.. Тучи разойдутся скоро, облака разгонятся, и царь нашъ великій, царь Петръ Алексѣевичъ, наше красное солнышко, засіяетъ во всю надъ матушкой Русью и дастъ всѣмъ тепло, всѣмъ свѣтъ, всѣмъ радость! И тогда всѣ будутъ счастливы, какъ и мы съ тобой!! Всѣ, всѣ!!! А настоящее солнышко скоро должно засіять! Вѣдь покамѣстъ такъ темно на Руси, такъ темно!

ЕКАТЕРИНА. (обнимаетъ его и цѣлуетъ, улыбаясь сквозь слезы).

Ненаглядный ты мой!.. какъ хорошо говоришь ты... И мнѣ хочется, чтобы всѣ, какъ и мы, были счастливы!.. Соколъ ты мой ясный, вишенька ты моя алая, драгоцѣнный ты мой!.. (Сливаются въ долгомъ поцѣлуѣ).

занавѣсъ.

Картина 2-я.

Большая «чистая» комната, посреди которой стоитъ длинный столъ со скамьями и табуретами вокругъ. Дверь посрединѣ и въ правой стѣнѣ. Двѣ красивыхъ скрыни по бокамъ средней двери; полки въ поставцахъ, у правой и лѣвой стѣнъ, съ расписною утварью. 2 окна въ лѣвой стѣнѣ завѣшаны кисейными занавѣсками; черезъ нихъ льется сильный солнечный свѣтъ. Большая икона въ лѣвомъ углу; передъ нею лампадка. На столѣ нѣсколько бумагъ, чернильница и перья. За столомъ сидятъ и стоятъ Арт. Анцыфоровъ, Степанъ, Пр. Носовъ, Давыдовъ, 2 пятидесятника стрѣлецкаго полка, 3 сержанта солдатскаго полка и другіе. Як. Носовъ стоитъ посреди всѣхъ съ развернутымъ сверткомъ въ рукахъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЯК. НОСОВЪ (читаетъ громко и выразительно).

И мы того не могая терпѣть и вѣры христіанской отбыть, противъ ихъ противились и иныхъ убили до смерти, а иныхъ посадили за караулъ. И вы, атаманцы казаки и все войско Донское, пожалуйте, посовѣтовавъ межъ собою, за вѣру христіанскую съ нами вмѣстѣ постойте обще и къ намъ, въ Астрахань, вѣдомость учините. А мы васъ, атамановъ-казаковъ, ожидаемъ и на васъ надѣемся. (Говоритъ). Это письмо отвезутъ въ Черкасскъ конные стрѣльцы Михайло Скорняковъ, Иванъ Красильниковъ, Яковъ Акимовъ да еще другихъ они возьмутъ въ товарищи. (Кладетъ свертокъ на столъ). Ну, вотъ, въ Черный Яръ и Красный вы ужъ знаете посланіе, а на Яикъ тамъ, Терекъ, Царицынъ одинакія почти грамоты. Да вотъ еще что! Дороѳееву, что въ Царицынъ поѣдетъ, какъ

вотъ Артемій Артемьевичъ совѣтовалъ, какъ и я вотъ думаю, должно дать такой наказъ, что если Донскіе казаки къ нимъ пристанутъ, то имъ, взявъ Царицынъ боемъ, прямехонько идти до Москвы и по дорогѣ брать города одинъ за другимъ. И чтобъ противниковъ они побивали до смерти, безъ пощады, безъ всякой жалости! Не до жалости тутъ, когда государь завладенъ въ Стекольномъ въ столпѣ, а на Москвѣ бояре столповые на четыре четверти государство дѣлятъ!

АРТ. АНЦЫФОРОВЪ (вставая съ мѣста; возбужденно).

Да чтобъ доподлинно узнали и что съ государемъ, и какъ увидѣть его, какъ изъ полона освободить, кто заварилъ богомерзкое дѣло! Пусть самаго Бутурина боярина, пусть Головина, пусть всѣхъ пытаютъ, но чтобъ дознались до-пряма. Надобно-жъ, ей-Богу, правильную вѣсть заполучить. Говорить-всѣ говорятъ, а толкомъ еще ни единый! Одинъ одно говоритъ, другой другое! Кто же правду самую рѣжетъ?!

ЯК. НОСОВЪ.

Да, да! Чтобъ до всего дознались! Чтобъ до послѣдней капли истины докопались!..

АРТ. АНЦЫФОРОВЪ.

Иногда никто врать и не хочетъ, а какъ часто, ой, ой, какъ часто бываетъ, что слухъ-то одно, а дѣло глядишь— совсѣмъ другое. (Садится).

ЯК. НОСОВЪ.

Да, да, чтобъ до всего дознались! Ну, а теперь, государи мои, послѣдній къ вамъ вопросъ: завтра къ полночи все у васъ готово?

I-й пятидесятникъ стрѣлецкаго полка (вставая съ другимъ пятидесятникомъ).

Стрѣльцы какъ одинъ человѣкъ ужь цѣлыхъ 5 сутокъ

ждутъ—не дождутся. (Показывая на горло). Вотъ гдѣ ужь имъ нѣмецкое иго!

2-й пятидесятникъ.

Измаились просто, ожидамши!

ЯК. НОСОВЪ.

Все готово?

1-й пятидесятникъ.

Всѣ готовы.

ЯК. НОСОВЪ.

Люди назначены?

1-й пятидесятникъ.

До единаго назначены.

ПР. НОСОВЪ (улыбаясь).

Бердыши какъ?

1-й пятидесятникъ.

Ножны рѣжутъ.

2-й пятидесятникъ (улыбаясь и встряхивая головой).

Обрѣемъ бритыхъ!..

ЯК. НОСОВЪ.

Смущенья нѣту?

1-й пятидесятникъ.

Нѣту.

2-й пятидесятникъ.

Третева дни одного до полусмерти вздули...

СТЕПАНЪ.

Будетъ собака помнить!

1-й пятидесятникъ.

Не запамятуетъ жидъ!

2-й пятидесятникъ.

Вздумалъ говорить: «быть вамъ на висѣлкѣ, какъ московскимъ стрѣльцамъ. Непутевое, вишь, затѣяли!» Хоть онъ и съ пьяну сказалъ, ну а получилъ таки...

СТЕПАНЪ.

Будетъ песъ помнить!

ЯК. НОСОВЪ.

Тайна есть?

1-й и 2-й пятидесятники.

Есть.

ЯК. НОСОВЪ.

Нѣмецъ не чуетъ?

1-й пятидесятникъ.

Нѣтъ.

2-й пятидесятникъ.

Гдѣ ему!

ЯК. НОСОВЪ.

Ну, славу Богу! Въ полночь стало быть?

1-й ПЯТИДЕСЯТНИКЪ.

Въ полночь. (Садится со 2-мъ пятидесятникомъ).

ЯК. НОСОВЪ.

Ну, а у васъ какъ, государи мои сержанты?

ОДИНЪ ИЗЪ СЕРЖАНТОВЪ (привставая).

Я ужь сказывалъ, Яковъ Михайловичъ!

ЯК. НОСОВЪ.

Ничего новаго?

ОДИНЪ ИЗЪ СЕРЖАНТОВЪ.

Все какъ быть должно, Яковъ Михайловичъ. Все слава Богу. До послѣдняго всѣ готовы.

ЯК. НОСОВЪ.

Ну и слава Богу. Въ полночь завтра?

ОДИНЪ ИЗЪ СЕРЖАНТОВЪ.

Въ полночь. (Садится).

ЯК. НОСОВЪ.

Государи мои, земскіе бурмистры и дѣлового двора, въ полночь завтра?

НѢСКОЛЬКО ЧЕЛОВѢКЪ.

Въ полночь, въ полночь!

1-й ПЯТИДЕСЯТНИКЪ.

Ну, а что, какъ киргизы, калмыки, армяне, персы, всѣ индѣйцы?

ЯК. НОСОВЪ.

Да что они! Говорятъ, какъ и говорили: насъ не тронутъ и мы не тронемъ.

АРТ. АНЦЫФОРОВЪ.

Да они народъ не бѣдовый!

ЯК. НОСОВЪ.

Ихъ нечего трусить!

ЯВЛЕНІЕ II.

БАСИЛОВЪ (входя и кланяясь).

Здравствуйте, православные! Простите,—опоздалъ!

ЯК. НОСОВЪ.

Поздновато, братъ!

БАСИЛОВЪ.

Повинную голову и мечъ не сѣчетъ! Ей, ей, не сѣчетъ, Яковъ Михайловичъ. А я не могъ раньше. Самъ знаешь, поспѣшишь—людей насмѣшишь! Скоро да споро только блохъ ловить!

ЯК. НОСОВЪ.

Да въ кружалѣ пить!

БАСИЛОВЪ.

Курочка и та пьетъ, Яковъ Михайловичъ. А я еще новую вѣсть добылъ! во всей вѣроятности, Яковъ Михайловичъ! Знаете-ли, православные, сколько въ одно завтрашнее воскре-

сенье свадебъ сыграно будетъ, а?! 100 свадебъ, православные, 100 свадебъ по счету! Однихъ обрученій вчера 45 было, сегодня 16 еще, да раньше тамъ. Я, отцы, отъ свахи Кисловой все на перечетъ знаю. Она одна больше чѣмъ 20 свадебъ состроила! Ей, ей, коль не вретъ. Таня Узкая выходитъ, сегодня обрученіе. Сухорукая Леонтіевна тоже нашла себѣ. Ха, ха, ха! Вотъ ей-Богу! Докукина вторая дочка за Михайлу Назарова выходитъ! это съ черными зубами-то! Вотъ смотрятъ! Да что, ха, ха, ха, меня въ пяти мѣстахъ чуть не разорвали: «будь дружкой, да будь дружкой!»—«Нѣтъ, говорю, я у самого Якова Михайловича дружкой приглашенъ на цѣлыхъ двухъ свадьбахъ». Еле отвязался, право! Да, православные, 100 свадебъ, 100 свадебъ въ одно воскресенье, шутка ли подумать! Вотъ истинная невидаль! Вотъ ужь попы измучаются то! А?! Вѣдь Кислова говоритъ, что у одного Воздвиженья 30 или около тамъ свадебъ будетъ. Пѣвчіе, чай, къ послѣднему вѣнчанію шепоткомъ запоютъ. Вотъ дѣло, отцы родные, а? 100 свадебъ въ одинъ день! А?! 100 свадебъ!!! (Всѣ смѣются).

ЯК. НОСОВЪ.

Да, государи мои, совсѣмъ запамятовалъ съ дѣломъ то, изъ головы совсѣмъ вонъ! Милости просимъ, кто можетъ завтра, на пиръ къ намъ, свадебнаго пирога откушать! У насъ завтра двѣ пары молодыхъ будутъ; Артемья Артемьевича дочка за моего вотъ племянника Ѳедора выходитъ, да моя вотъ Настя за Петю Скурихина! Милости просимъ! (Всѣ встаютъ и кланяются. Слышно: «спасибо», «благодарствуй Яковъ Михайловичъ» и пр.) Милости просимъ! (Басилову). Ну а теперь про дѣло. Все обварганилъ у Ржевскаго?

БАСИЛОВЪ

Все. Они и безъ того ужь всѣ знали. За одинъ часъ до полночи послѣдняго холопа у Ржевскаго не останется. Труднѣе всего было съ Банинымъ, писаремъ; ни одинъ подкупъ шельму не пробралъ, ну а когда поклялись, что онъ башки своей не снесетъ,—тронулся!

СТЕПАНЪ.

Онъ, собака, пара Ржевскому! Тоже самъ мудрилъ, стерва.

ВАСИЛОВЪ.

За часъ до полночи ни одного холопа у Ржевскаго не останется. Вѣдь многіе просто рады — радешеньки отъ такого господина отдѣлаться. Взвыли даже отъ радости.

ЯК. НОСОВЪ.

Ну, словомъ, все обварганено?

ВАСИЛОВЪ

Все, Яковъ Михайловичъ.

ЯК. НОСОВЪ.

Ну вотъ и слава Богу. Молодецъ Ильюша! Присаживайся!

ВАСИЛОВЪ.

Благодарствуй на добромъ словѣ. Еле на ногахъ стою: просто разбилъ, шляясь вдоль да поперекъ всей Астрахани. (Садится и кряхтитъ) Охти, мати мои, какъ славно! Какъ будто съ роду не сиживалъ!.. Ужь и пьянство же будетъ завтра! Вотъ перепьются-то!

ЯК. НОСОВЪ.

Пьянство?

ВАСИЛОВЪ.

А то какъ-же!.. 100 свадебъ! Вѣстимо, вся Астрахань на свадьбахъ запируетъ! Недѣлю опохмѣляться будутъ!

АРТ. АНЦЫФОРОВЪ

Эхъ, какъ бы горя отъ вина не было-бъ!

ЯК. НОСОВЪ

То-то, какъ бы не забаловали!

ВАСИЛОВЪ.

Ну вотъ! По моему такъ веселѣе!

ЯК. НОСОВЪ.

Не всякъ смѣхъ-веселье къ добру!

ЯВЛЕНІЕ III.

ЕРМОЛАЙ. (входя и кланяясь).

Честь и слава православнымъ. Здравствуйте сердешные!

ЯК. НОСОВЪ.

Добро пожаловать! Что тебя не видно?

ЕРМОЛАЙ.

Не слышали развѣ?

ЯК. НОСОВЪ.

Слышать—слышали, да правда ли?

ЕРМОЛАЙ.

Правда ли? Узналъ я эту правду! Вотъ какъ узналъ! (Всхлипывая жалобно). За что били то?! За что? Что я имъ дурного сдѣлалъ? (Плачетъ). Кнутьемъ бить! Ни за что бить! Что я имъ сдѣлалъ-то!

ЯК. НОСОВЪ.

Ну не плачь! Минуется!

СТЕПАНЪ.

Завтра же все взыщется!

ЕРМОЛАЙ.

Кнутьемъ бить! Кнутьемъ!

ЯК. НОСОВЪ.

Присаживайся! Не плачь!.. Больше ужь онъ никому не причинитъ...

ЕРМОЛАЙ. (утирая слезы).

Вѣдь еле-еле отдѣлался! 6-ью кнутами! Обѣщалъ имъ цѣлыхъ двѣ туши свиныхъ притащить! Вѣдь иначе-бъ шкуру нехристи спустили-бъ! Вотъ что!

ЯК. НОСОВЪ.

Ну присаживайся! На томъ свѣтѣ онъ хорошей свинины попробуетъ!.. Садись!

ЕРМОЛАЙ. (оживленной скороговоркой).

Надо его живьемъ взять! Безпремѣнно живьемъ! Мы съ нимъ потолкуемъ тогда, потолкуемъ вволю! Будешь ты у меня, песья морда, дрожать! Будешь у меня дрожать, погань! Я те покажу тогда! Посмотришь, какъ я тебя боюсь! Посмотришь!!! Вспомню я тебѣ про кнутъ! Вспомню, нехристь! За три обруча какихъ-то эдакую канитель заводить! Кнутьемъ бить! Погоди, любезный, погоди!!! Ой, смотрите братцы! Живьемъ его надо взять!

СТЕПАНЪ.

Вѣстимо живьемъ.

ЯК. НОСОВЪ.

Ну да, конечно.

ДАВЫДОВЪ.

Живьемъ, живьемъ!

ВАСИЛОВЪ.

Живьемъ!!!

ЕРМОЛАЙ.

Узнаетъ онъ тогда страхъ Божій!

ЯК. НОСОВЪ.

Все ему вспомнится! Все до малости!

СТЕПАНЪ.

Охъ! Дождаться не могу до завтра полночи!

2-Й ПЯТИДЕСЯТНИКЪ.

Вотъ рожу то скроитъ паршивецъ! (Заливается смѣхомъ). Вотъ взмолится-то! ха, ха, ха!.. Умора будетъ! Ей, ей!..

ВАСИЛОВЪ. (вскакивая съ мѣста; напускнымъ басомъ).

«Ты, воевода Ржевскій?» (Дрожащимъ голосомъ) «Я в...в...воевода Ржевскій.» — «Ты у стрѣльцовъ ружья обобралъ? Ты поборы беззаконные бралъ? Ты кумирскимъ богамъ кланяться велѣлъ?..»

ЕРМОЛАЙ. (въ тонъ Василову).

«Ты Ермолая за три обруча кнутьемъ билъ?»

ОДИНЪ ИЗЪ ПРИСУТСТВУЮЩИХЪ. (такъ же).

«Ты велѣлъ брать крѣпостныхъ дѣлъ подьячимъ сверхъ указа лишнихъ денегъ?»

СТЕПАНЪ.

«И тѣ деньги себѣ бралъ!»

ВАСИЛОВЪ. (кричитъ напускнымъ басомъ).

«Ты, собачій сынъ? Ты? Ты?!!» (Дрожащимъ голосомъ). «Сми...смилуйтесь... я... я... со мной грѣхъ... грѣхъ случился». (Кричитъ).

«Грѣхъ? Грѣхъ!! Сколько-жъ у тебя грѣховъ, беззаконникъ?!» (Дрожащимъ тихимъ голосомъ). «Простите!» (Показывая кулакъ, кричитъ). «Видѣлъ? Видѣлъ?.. Бацъ! Бацъ!» (Общій долгій хохотъ).

ЯК. НОСОВЪ.

Ну, государи мои, послѣдній ужъ теперь къ вамъ вопросъ! Всѣхъ изъ тюрьмы и изъ ямы сидѣльцевъ выпустить?

ВСѢ.

Всѣхъ! Всѣхъ до единаго!

ЯК. НОСОВЪ.

И тѣхъ, кто за дѣло посаженъ, тоже?

ДАВЫДОВЪ.

Гдѣ жъ тутъ разбирать, кто за дѣло, а кто нѣтъ! Кто при Ржевскомъ не остервенится!

ВСѢ.

Вѣрно! Вѣрно! Сущая правда!

ЯК. НОСОВЪ.

Всѣхъ, стало быть, выпустить?

ВСѢ.

Всѣхъ! Всѣхъ на волю! Всѣхъ!

ЯК. НОСОВЪ.

Итакъ, завтра въ полночь, лишь ударятъ въ набатъ, стрѣльцы берутъ и сажаютъ подъ караулъ полковника Девиня, Меера, Евреинова, Глазунова и всѣхъ басурмановъ—начальныхъ людей! Пусть сидятъ до суда! Ну, а кто сопротивляться вздумаетъ...

СТЕПАНЪ.

Тому сэкимъ-башка!

ЯК. НОСОВЪ.

Да, ужь нѣжничать нечего. Все равно, раньше или позже— не снести имъ головы! Затѣмъ такъ же поступить со всѣми другими нѣмцами-нехристями! Да пусть заберутъ всѣхъ ихъ болвановъ, кумирскихъ боговъ и сожгутъ при народѣ! Когда всѣ нехристи перехвачены, — собраться у Никольской церкви и оттуда идти на Бѣлгородъ. Пусть настежъ отворятъ Пречистенскія ворота! Здѣсь будетъ судъ надъ Ржевскимъ. Его изымаютъ ровно въ полночь. Для сего отряжены ужь люди съ Степаномъ вотъ во главѣ! Итакъ всѣ готовы?

ВСѢ.

Всѣ! Всѣ готовы!

ЯК. НОСОВЪ.

Всѣ знаютъ, что кому дѣлать?

ВСѢ.

Всѣ! Всѣ знаютъ!

ЯК. НОСОВЪ.

Замѣшки не будетъ?

ВСѢ.

Нѣтъ! нѣтъ! не будетъ!

ЯК. НОСОВЪ.

Всѣ въ полномъ согласіи?

ВСѢ.

Да! Конечно. Всѣ въ согласіи. (Начинаетъ понемногу темнѣть)

ЯК. НОСОВЪ.

Раздора не будетъ? Спора ни въ чемъ нѣтъ? Вѣдь мы какъ одинъ человѣкъ должны дѣло дѣлать. Ни въ чемъ спора нѣтъ?

ВСѢ.

Нѣтъ! Нѣтъ!

ОДИНЪ ИЗЪ СЕРЖАНТОВЪ. (посмотрѣвъ въ окно).

Батюшки, какая туча ползетъ!

ДАВЫДОВЪ. (заглянувъ въ окно).

Сейчасъ гроза будетъ!

АРТ. АНЦЫФОРОВЪ.

Дождичекъ кстати! Свѣжесть бодрость даетъ!

ЯК. НОСОВЪ. (приподнятымъ голосомъ, вызывающе).

Итакъ смерть нѣмцамъ?!!

ВСѢ. (яростно).

Смерть! Смерть! Смерть!!!

ЯК. НОСОВЪ.

Смерть нехристямъ?

ВСѢ.

Смерть!

ЯК. НОСОВЪ.

Смерть погани воровской, мучителямъ православныхъ?!

ВСѢ.

Смерть! смерть! (Слышны глухіе раскаты грома. Темнѣетъ еще больше.)

ЯК. НОСОВЪ.

Гласъ народа—гласъ Божій.

1-й ПЯТИДЕСЯТНИКЪ. (приподымаясь послѣ паузы).

А что, государи мои, когда вотъ убьемъ Ржевскаго, кого на его мѣсто? Вѣдь безъ старшины нельзя! Кто нибудь да вѣдь долженъ быть на мѣсто воеводы-то? (Пауза).

АРТ. АНЦЫФОРОВЪ.

Да, вотъ объ этомъ-то какъ разъ и не говорили!

1-й ПЯТИДЕСЯТНИКЪ.

Вѣдь безъ старшины нельзя!

АРТ. АНЦЫФОРОВЪ.

Вѣстимо нельзя! Коли всѣ будутъ управлять, такъ это что же? У десяти нянекъ дитя безъ глазу. (Пауза).

1-й ПЯТИДЕСЯТНИКЪ.

Кому же быть старшиной?

СТЕПАНЪ. (встаетъ во весь ростъ; возбужденно).

Какъ, православные, вы не знаете, кому быть старшиной?! Да развѣ тутъ кстати еще думать! Вы не знаете, кому быть старшиной? (Пауза). Вы не знаете кому быть старшиной?!! Да что жъ это, православные!.. Какъ! Вамъ не вѣдомо, кто насъ соединилъ всѣхъ вмѣстѣ, сплотилъ, согласилъ на единое дѣло, святое дѣло! Кто крикнулъ кличъ вѣрующимъ? Кто за вѣру и старину вооружился и другихъ вооружилъ? Кто изъ подъ ига нѣмецкаго хочетъ насъ освободить, ихъ болвановъ, кумирскихъ боговъ сокрушить? Кто за беззаконье рѣшилъ первый покарать Ржевскаго? Кто, кто, православные, поднялъ всю Астрахань? Сама она такъ поднялась, что ли? Вѣдь всѣ аки собака на вора лаетъ, а кусать не смѣетъ!.. Какъ, братья, какъ, отцы,

вамъ не вѣдомо, кто такое Яковъ Носовъ? Что за человѣкъ Яковъ Михайловичъ?! Все богатство свое, все здоровье, весь трудъ свой онъ кладетъ на святое дѣло!.. безкорыстно всѣмъ жертвуетъ!!! Онъ, онъ, славный храбрецъ, соединившій всѣхъ православныхъ! Онъ одинъ храбро, яростно возсталъ противъ безчестія, противъ позора всей церкви, всѣмъ православнымъ! Онъ первый сказалъ намъ идти спасать Московское государство. Онъ надоумилъ насъ свергнуть царя-нехристя и отыскать, освободить изъ полона дорогого царя батюшку, истаго Петра Алексѣевича! Онъ былъ до сихъ поръ душой святого дѣла, онъ былъ до сихъ поръ невидимымъ начальникомъ-руководителемъ! Кто же, кто же изъ васъ хочетъ вмѣсто него новаго начальника?!! Кто, братья, кто же?!!

ВСѢ. (кромѣ Якова Носова).

Вѣрно, вѣрно! Яковъ Носовъ старшина! Якова Михайловича!

АРТ. АНЦЫФОРОВЪ. (кланяясь въ поясъ и дотрогиваясь до пола).

Просимъ, батюшка ты нашъ, просимъ, Яковъ — свѣтъ — Михайловичъ, просимъ, родимый, просимъ старшиной быть!

ВСѢ. (кланяясь).

Просимъ, просимъ!

ЯК. НОСОВЪ. (кланяясь всѣмъ).

Спасибо, православные, спасибо вамъ, добросердечные! (Кланяясь Степану). И тебѣ, Стеня, спасибо большое за доброе слово!.. (Со слезами на глазахъ). До послѣдней капли крови... до издыханія послѣдняго хочу я постоять за вѣру... хочу я поруганье съ нея смыть, очистить ее... очистить!.. Боже мой, Боже мой!.. Ты свидѣтель, какъ тяжко мнѣ было за братію мою... униженную... безсудно побиваемую, осмѣянную... И жалѣлъ я, и плакалъ я, но что жалость безъ помощи! что вѣра безъ дѣла?!.

(Глубоко вздыхаетъ). Братья, я за великую честь почитаю быть главой святого дѣла сего... но достоинъ ли я этой чести! Достоинъ ли я, братья мои?.. Пусть когда со Ржевскимъ покончимъ, послѣ молебна... пусть весь народъ, помолившись, изберетъ старшину себѣ! Можетъ быть Богъ вразумитъ и на лучшаго, чѣмъ я, укажетъ... (Вздыхаетъ). А теперь помолимся и присягнемте до послѣдней капли крови нашей стоять за великое дѣло освобожденія и очищенія!.. Помолимся сперва, православные, помолимся. (Всѣ становятся на колѣни передъ образомъ. Пауза. Яркая молнія! вслѣдъ за ней оглушительный ударъ грома! Всѣ вздрагиваютъ и переглядываются).

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ IV.

Картина 1-я.

Декорація 3-яго дѣйствія I-й картины. Ночь. Слабое лунное освѣщеніе. Изъ полуоткрытыхъ дверей дома видѣнъ свѣтъ свѣчей. При поднятіи занавѣса сцена пуста.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЕКАТЕРИНА РЖЕВСКАЯ. (одѣтая въ простой женскій опашень, въ платкѣ, со шкатулкой въ рукахъ. Входитъ справа, пробираясь между кустами, останавливается, оглядывается по сторонамъ и всматривается въ темноту; полушепотомъ).

Викторъ!.. (Пауза) Викторъ! (Дѣлаетъ въ лѣвую сторону нѣсколько шаговъ и всматривается въ даль). Гдѣ ты?.. (Вздыхаетъ). Боже мой!.. (Слышны шаги съ правой стороны; Екатерина идетъ по направленію къ нимъ). Викторъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

УСТЬКА. (одѣтая въ паневу, выходитъ изъ кустовъ, съ трудомъ неся большой узелъ).

ЕКАТЕРИНА.

Ахъ это ты, дурка?

УСТЬКА. (кладетъ узелъ на землю).

Ухъ!.. Вотъ тяжелый!

ЕКАТЕРИНА.

Виктора еще до сихъ поръ нѣтъ!

УСТЬКА.

Вотъ такъ разъ!

ЕКАТЕРИНА.

Что если вдругъ опоздаемъ! (Пауза). А сундучекъ гдѣ?

УСТЬКА.

Мнѣ его не снести одной!.. а дома хоть шаромъ покати, — ни души!.. Пошла въ дѣвичью, — только одна кошка съ котятами,—въ мужской тоже ни души!.. и куда это они всѣ подѣвались!.. Мнѣ одной сундука не снести.

ЕКАТЕРИНА.

Охъ, дурка, ты ничего не знаешь!.. А я все теперь разузнала... Они всѣ подговорены были и вотъ теперь убѣжали... Мнѣ Викторъ все повѣдалъ,—онъ стороной самъ узналъ... Сегодня въ полночь бунтъ начнется!..

УСТЬКА.

Бунтъ?!

ЕКАТЕРИНА.

Да... бунтъ... Всю челядь нашу подговорили...

УСТЬКА.

Во всемъ домѣ сейчасъ одинъ только Тимоѳей Ивановичъ со Всеволодомъ Тимоѳеевичемъ, да нѣмецъ-лѣкарь.

ЕКАТЕРИНА.

Что они заснули?

УСТЬКА.

Всеволодъ Тимоѳеичъ спитъ, а они все еще сидятъ, разговариваютъ (Пауза).

ЕКАТЕРИНА. (вздыхаетъ).

Боже мой!.. Сердечко какъ бьется... Господи, помилуй мя грѣшную... (Пауза).

УСТЬКА.

Охъ, сударушка, не думала, не чаяла я, что свадебку твою такъ справлять будемъ!.. тайкомъ, Богъ знаетъ въ какой церкви, у какого попа. Я думала, что ты за знатнаго полковника выйдешь... вся Астрахань пировать-ликовать будетъ... А то вонъ какъ!.. Еслибъ матушка въ Царицынъ не поѣхала, не сбѣжать-бы тебѣ изъ родительскаго дома... Ей, ей, не сбѣжать!

ЕКАТЕРИНА.

Молчи дурка!.. (Пауза) Ой, батюшки мои, какъ боязно! Господи помилуй!..

УСТЬКА.

Какъ-же не боязно то!.. Да и я вся отъ страха холодѣю... Вдругъ нагонятъ!.. Вдругъ все узнаютъ!.. Ахъ, сударушка, вѣдь меня до смерти забьютъ... А чѣмъ я виновата?..

ЕКАТЕРИНА.

Нѣтъ, дурка, я не этого боюсь; я боюсь, какъ-бы тятю, какъ-бы батюшку Тимоѳея Ивановича не убили-бы...

УСТЬКА.

Господь съ тобой, кто его посмѣетъ тронуть!

ЕКАТЕРИНА.

Они... бунтовщики... они его могутъ убить!.. Викторъ, хоть и говоритъ, что они только его напугать хотятъ, а я не вѣрю...

УСТЬКА.

Да за что же они убить хотятъ!.. И кто посмѣетъ!.. Чтобы самого воеводу кто нибудь пальцемъ тронулъ,—да Господь съ тобою!

ЕКАТЕРИНА.

Нѣтъ дурка, ты ничего не знаешь!.. Тятя ихъ такъ много билъ, что они теперь какъ звѣри лютые... Убьютъ они тятю!.. И никого въ домѣ нѣтъ...

УСТЬКА.

Никогда не посмѣютъ!.. А вотъ, что насъ могутъ нагнать, такъ это вѣрно!.. виданное-ли дѣло, чтобы ночью...

ЕКАТЕРИНА. (перебивая).

Стой дурка! (Прислушивается). Кто то идетъ! (Слышны приближающіеся шаги) Викторъ!..

ЯВЛЕНІЕ 1-ое.

ФИШЕРЪ. (одѣтый въ русскую чугу и въ русской шапкѣ, съ посошкомъ въ рукѣ, входитъ съ лѣвой стороны; говоритъ нервно и взволнованно).

Ни одной повозки нельзя заполучить. Тотъ, что обѣщалъ, совсѣмъ пьяный и тоже везти не хочетъ... Надобно хоть пѣш-

комъ выбраться... Такъ обидно... Всѣ, всѣ, кажется, пьяные... Что ни домъ,—вездѣ пьяные... Все свадьбы играютъ... Ужь не знаю, какъ и быть... Того и гляди опоздаешь до полуночи... (Вздыхаетъ). Вотъ ужь въ самомъ дѣлѣ!.. и не знаешь, ей Богу, какъ лучше устроиться!.. Думалъ, сегодня поспособнѣе, потому что съ этимъ бунтомъ Тимоѳею Ивановичу не до насъ будетъ... нѣкогда будетъ хватиться... анъ вышло другое: пьяные всѣ и ни одной повозки, ни одной подводы нельзя заполучить... Вотъ ужь въ самомъ дѣлѣ!..

ЕКАТЕРИНА.

Что же теперь дѣлать?!

ФИШЕРЪ.

Надобно идти пѣшкомъ, во что бы то ни стало пѣшкомъ идти!..

ЕКАТЕРИНА.

Да вѣдь намъ не дойти!.. Узелъ, сундукъ вотъ еще надо!

ФИШЕРЪ.

Боже сохрани здѣсь оставаться... Нельзя теперь поручиться ни за жизнь, ни за что!.. Такъ, какъ мы одѣты, никто насъ не узнаетъ!.. а если здѣсь застанутъ,—избави Богъ! Ни за что ручаться нельзя!.. (Берется за узелъ). Идемте сейчасъ... успѣемъ, не мѣшкая, выйти за городъ, а тамъ видно будетъ... гдѣ нибудь люди добрые дадутъ переночевать! (Поднимаетъ узелъ). Ну, идемте!.. Не бойтесь! Ты, Катя, больше закрой лицо! Надвинь платокъ! Ну идемте!

УСТЬКА.

А сундукъ какъ-же?

ФИШЕРЪ.

Богъ съ нимъ, съ сундукомъ то! Идемте, а то опоздаемъ!

ЕКАТЕРИНА (взволнованно).

Послушай!.. послушай, милый!.. Такъ мнѣ тягостно на душѣ! Такъ тягостно!.. Сердце ну просто ноетъ и ноетъ... (Закрываетъ лицо рукой и, прильнувъ къ его груди, плачетъ). Тяжко мнѣ!.. такъ тяжко!..

ФИШЕРЪ. (опускаетъ узелъ на землю и ласкаетъ Екатерину).

Ну вотъ! О чемъ ты плачешь? О чемъ!.. Ну полно... перестань!.. Нечего бояться... Все, дастъ Богъ, обойдется...

ЕКАТЕРИНА (рыдая).

Нѣтъ... нѣтъ, не говори... Они убьютъ... убьютъ тятю...

ФИШЕРЪ.

Кто убьетъ?.. Кого?..

ЕКАТЕРИНА.

Они... они... тятю... убьютъ...

ФИШЕРЪ.

Кто они?.. Не плачь! Я сквозь слезы ничего понять не могу. Кто убьетъ тятю? Бунтовщики? Да?

ЕКАТЕРИНА.

Да... да... они убьютъ тятю...

ФИШЕРЪ.

Откуда ты знаешь?..

ЕКАТЕРИНА.

Да... да, они убьютъ его, непремѣнно убьютъ,—чуетъ мое сердце...

ФИШЕРЪ.

Ну вотъ въ самомъ дѣлѣ... Никто ничего навѣрное не знаетъ. Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ...

ЕКАТЕРИНА.

Милый, милый мой, ну скажи откровенно: ну вѣдь убьютъ они его?.. Убьютъ вѣдь!.. Ну, посмотри мнѣ въ глаза!.. Вѣдь правда?.. Они убьютъ тятю?..

ФИШЕРЪ.

Можетъ быть... и убьютъ... все можетъ быть!..

ЕКАТЕРИНА.

Ну, милый, дорогой мой, поди, поди, разскажи тятѣ, разскажи ему про всю опасность! Повѣдай ему про бунтъ!..

ФИШЕРЪ.

Какъ!!! Пойти... и все ему разсказать?!.

ЕКАТЕРИНА.

Да, да, ненаглядный ты мой! Разскажи ему, вѣдь онъ и не чуетъ даже. Пусть хоть спрячется!.. Пойди, пойди къ нему!..

ФИШЕРЪ.

Ахъ, Боже мой! Вотъ въ самомъ дѣлѣ! Выѣхали бы мы вчера, ничего бы этого не было!

ЕКАТЕРИНА.

Ну, пойди, милый! Я никогда ни о чемъ не просила тебя... но теперь, если хочешь, я на колѣнки встану... пойди, предупреди его... (Изъ дома слышны шаги).

ФИШЕРЪ.

Чш... (Шепотомъ). Спрячьтесь въ кусты!.. Скорѣй! (Екатерина и Дурка прячутся между кустами направо; Фишеръ беретъ узелъ, кладетъ его въ кусты и отходитъ въ тѣнь, направо).

ЯВЛЕНІЕ IV.

РЖЕВСКІЙ (въ халатѣ и шлепанцахъ, выходитъ изъ дома на крыльцо; въ рукахъ у него большой исписанный свертокъ. За нимъ выходитъ Киршбергъ. Ржевскій оглядывается по сторонамъ и кричитъ).

Фишеръ!.. Викторъ Фишеръ!.. (Пауза).

КИРШБЕРГЪ.

И куда онъ могъ пропадать!..

РЖЕВСКІЙ (кричитъ).

Фишеръ!

КИРШБЕРГЪ (кричитъ).

Herr Fisher!.. И куда онъ пропадаль!..

РЖЕВСКІЙ (послѣ паузы).

Послушай, Киршбергъ! Ну вотъ какъ хочешь, а я до сихъ поръ вотъ, ну не могу просто повѣрить, чтобъ этотъ самый пакостный доносъ, доносъ самому государю, (показываетъ на свертокъ), былъ написанъ Фишеромъ!

КИРШБЕРГЪ.

Конечно это трудно повѣрить, но, государь мой, честь моя въ этомъ ручается!

РЖЕВСКІЙ.

Вѣдь подписи здѣсь нѣтъ. Ну какъ право Фишеръ, котораго я пріютилъ у себя, котораго я сажаю за одинъ столъ со мной, даю такъ много жалованья, который такъ облагодѣтельствованъ,—чтобъ онъ написалъ эту подлую писулю! Вѣдь чего тутъ не написано! И что я народъ ограбляю, и звѣрства

учиняю, и ни вѣсть какія порядки завожу! А?! Что я посулъ за посуломъ хапаю, беззаконничаю! Боже ты мой правый! И это написалъ человѣкъ, который кромѣ добра отъ меня ничего не видалъ, который кромѣ ласковаго слова ничего не слыхалъ! Охъ Ты Боже, Боже правый!.. Ну просто не вѣрится и не вѣрится!

КИРШБЕРГЪ.

Да! Такого подляго дѣля я... я... ich habe aber noch nie in meinem Leben gesehen! Трудно подумать... Но я знаю его почеркъ и я... самъ на столѣ у него увидѣль и взяль!.. (Сходятъ со ступенекъ въ садъ).

РЖЕВСКІЙ (глубокомысленно).

Вотъ онъ сонъ, помнишь? Ястребы, ястребы-заботы!

КИРШБЕРГЪ.

Да. Такъ вѣрный сонъ бываетъ.

РЖЕВСКІЙ. (останавливается и кричитъ).

Фишеръ!

КИРШБЕРГЪ (кричитъ вслѣдъ за Ржевскимъ).

Фишеръ!

РЖЕВСКІЙ.

Фи-ишеръ!!!

КИРШБЕРГЪ.

О! если онъ узнаетъ, какимъ взглядомъ онъ будетъ смотрѣть! Какимъ взглядомъ!

РЖЕВСКІЙ.

Написать доносъ! Написать на своего благодѣтеля доносъ государю!

КИРШБЕРГЪ.

Я бы на его мѣстѣ хотѣль сквозь земля скорѣй провалиться!! О, такого безчестнаго, такого безчестнаго дѣль! Кто могъ подумать!.. Кто могъ...

ЯВЛЕНІЕ V.

ФИШЕРЪ. (внѣ себя отъ злобы, гордо подходя къ Киршбергу, кричитъ).

Замолчи, песъ поганый! Ты, дармоѣдъ безчестный, подлый подлипала, ты смѣешь трогать мою честь?!! Ты смѣешь толковать о чести?... Я писалъ доносъ отъ имени всего народа страждущаго, отъ имени всѣхъ изнемогшихъ подъ игомъ безбожника!..

КИРШБЕРГЪ.

Какъ ты смѣешь такъ говорить!..

ФИШЕРЪ. (ударяя Киршберга съ силой по щекѣ).

Вотъ тебѣ въ отвѣтъ! Я изувѣчу тебя, если твой поганый языкъ еще слово мнѣ скажетъ!

КИРШБЕРГЪ. (кричитъ).

О! люди!.. скорѣй люди сюда!.. люди! люди! (Убѣгаетъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

ФИШЕРЪ (съ горячей поспѣшностью).

Ты, Ржевскій, узнай, что я написалъ на тебя доносъ! Еслибъ ты былъ мнѣ самимъ отцомъ роднымъ, я и тогда написалъ бы!!.. Довольно слезъ народа, довольно воплей! Или ты думаешь, что нѣтъ возмездія, нѣтъ кары на тебя, безбожника!.. И ты могъ говорить о себѣ, какъ о мудромъ правителѣ, какъ о правдолюбивомъ судьѣ?! Что ты сдѣлалъ для народа, которымъ тебѣ дано управлять?!! Далъ ли ты ему правый судъ,

миръ, тишину, благоденствіе?!! Въ чемъ несъ ты исправно свою царскую службу? Что ты сдѣлалъ съ народомъ?!! Чему училъ ты подначальныхъ тебѣ?!! Это-ли царская служба—сѣять злобу и ненависть къ правительству!.. А! Ржевскій! Побойся Бога!.. Ты зналъ свою неправоту, ты трусилъ за дѣла свои! Ты думаешь, невѣдомо всѣмъ астраханцамъ, какъ ты ловко перехватывалъ челобитныя и забивалъ челобитчиковъ?!. Но твой часъ насталъ! Пусть мой доносъ, какъ и другихъ доносы, не попадетъ въ царскія руки! Сегодня, въ полночь, сейчасъ, придутъ за тобой посланные народа и ты отвѣтишь, Ржевскій, отвѣтишь за все зло, за всѣ насильства, что ты сдѣлалъ!.. Ты, въ своемъ сладкомъ невѣдѣніи, и не мнишь, что весь народъ астраханскій поднялся, какъ одинъ, чтобы судить своего воеводу!.. Ты не вѣришь, но скоро повѣришь и задрожишь какъ осиновый листъ!.. Бунтъ, бунтъ, Ржевскій, въ Астрахани, бунтъ поголовный, бунтъ противъ насильства, произвола, сумасбродства, бунтъ, господинъ воевода всевѣдующій, бунтъ въ Астрахани, о которомъ ты, астраханскій воевода, и не вѣдаешь. Ты дремалъ въ своемъ невѣдѣніи, терзалъ, обиралъ народъ, издѣвался надъ нимъ и ждалъ награды!!! Награда близка, Ржевскій! Сегодня, сейчасъ, ты увидишь награду!..

РЖЕВСКІЙ. (во время его рѣчи стоявшій пораженный и испуганный, говоритъ сдавленнымъ, нерѣшительнымъ голосомъ).

Ты... ты пьянъ!.. или ты съ ума сошелъ?! Что ты бре*шешь*?! хаешь?!

ФИШЕРЪ.

Ты увидишь своими глазами! Вся твоя челедь, всѣ твои холопы, всѣ въ заговорѣ. Крикни, и ты никого не докричишься!

РЖЕВСКІЙ.

Ты врешь!!! Ты врешь, змѣя подколодная! Я крикну людей и они покажутъ тебѣ! Покажутъ, покажутъ... (Кричитъ) Ванинъ!

Ба-анинъ!.. Матвѣй!.. Слышишь, Матвѣй!! Матвѣ-ѣй!.. (Идетъ къ дверямъ дома) Матвѣ-ѣй! Оглохли что-ли!.. Матвѣй!..

ФИШЕРЪ.

Ори! Осипнешь, звавши!!!

РЖЕВСКІЙ.

Ты врешь, ты врешь!.. меня не застращаешь!.. Матвѣ-ѣй!.. Матвѣ-ѣй!.. (Вдалекѣ слышны рѣзкіе удары въ набатъ, продолжающіеся до конца дѣйствія).

ФИШЕРЪ. (подойдя послѣ паузы вплотную къ Ржевскому).

Ты слышишь?.. Ты слышишь?!. Начинается! Бѣги и прячься!!!

РЖЕВСКІЙ. (надорваннымъ голосомъ нерѣшительно кричитъ).

Матвѣй!.. Матвѣй! (Уходитъ скорыми шагами въ двери). Матвѣй!.. Матвѣй!..

ЯВЛЕНІЕ VII.

ФИШЕРЪ. (выходящимъ изъ кустовъ Екатеринѣ и Устькѣ).

Ну, бѣжимте, бѣжимте скорѣй!

ЕКАТЕРИНА. (блѣдная, дрожащимъ голосомъ).

Охъ, миленькій, успѣемъ ли?

ФИШЕРЪ.

Бѣжимте! Только бы отсюда выбраться! (Дуркѣ, поднимающей изъ кустовъ узелъ). Оставь, дурка, оставь! Это только помѣха!

ЕКАТЕРИНА.

Ой, какъ боязно!.. Ой, милый, не дойти мнѣ!

ФИШЕРЪ.

Господи Ты Боже мой, да двигайтесь вы съ мѣста!

ЕКАТЕРИНА. (задыхающимся голосомъ).

Дышать тяжко... ой... Господи... Господи... головушка моя... Боже мой...

ФИШЕРЪ.

Что съ тобой?!. (Поддерживаетъ ее). Катя!.. Катя!.. (Екатерина падаетъ на землю). Боже ты мой! Господи!.. Ахъ!.. въ самомъ дѣлѣ!..

УСТЬКА.

Испужалась она больно.

ФИШЕРЪ. (наклоняется надъ Екатериной).

Катя! Катя!!! Потри ей руки, дурка!.. (Беретъ Екатерину за голову). Господи! Господи!.. Катя!.. Потри же ей руки!.. (Устька третъ руку Екатерины). Боже мой!.. Воды нѣтъ ли?.. Ахъ Господи!.. Вотъ въ самомъ дѣлѣ!.. Катя!.. Катюша!.. Очнись, очнись, дорогая!.. Очнись!.. Катя!.. Господи!.. Катя!!!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

(Съ правой стороны съ шумомъ входитъ, со Степаномъ впереди, небольшой отрядъ стрѣльцовъ, съ обнаженными бердышами въ рукахъ; у нѣкоторыхъ фонари).

ФИШЕРЪ. (замѣтивъ приближеніе отряда).

Боже мой!.. (Бѣжитъ на встрѣчу стрѣльцамъ). Братцы!!!

СТЕПАНЪ. (поднимая надъ Фишеромъ бердышъ).

Стой! Кто ты? (Стрѣльцы окружаютъ Фишера. Устька скрывается въ кусты).

ФИШЕРЪ.

Братцы!.. я... братцы... вы не трогайте меня!.. Я за васъ... Ей-Богу за васъ. Я нечаянно здѣсь...

СТЕПАНЪ.

Кто ты?.. Зачѣмъ ты здѣсь?!

СТРѢЛЬЦЫ.

Бей его!.. Бей нехристя!.. Чего тутъ разговаривать! Бей!..

СТЕПАНЪ. (перекрикивая другихъ)

Гдѣ Ржевскій? Гдѣ поганецъ проклятый!?!

ФИШЕРЪ.

Братцы! (Падаетъ на колѣни). Братцы!

СТРѢЛЬЦЫ.

Гдѣ Ржевскій? Отвѣчай, гдѣ воевода!!!

ФИШЕРЪ.

Братцы!.. онъ, онъ, братцы... онъ... воевода... воевода Ржевскій уѣхалъ... уѣхалъ отсюда...

СТЕПАНЪ.

Врешь, собака!!! Говори, гдѣ Ржевскій!.. Убью!!!

ФИШЕРЪ. (кланяясь въ ноги Степану).

Братцы!.. братцы...

СТРѢЛЬЦЫ.

Бей его!!! Бей!!!

СТЕПАНЪ.

Говори, гдѣ Ржевскій! Ну?!. (Фишеръ старается что-то сказать и не можетъ). Ну!!! (Ударяетъ Фишера бердышемъ по головѣ; тотъ падаетъ

со стономъ). Собакѣ собачья смерть!!! Идемте въ домъ!.. Идемте! Онъ тамъ навѣрно!..

СТРѢЛЬЦЫ.

Идемъ! Идемъ! Смерть собакамъ! Смерть! (Вбѣгаютъ съ шумомъ въ дверь дома).

ЗАНАВѢСЪ.

(Быстрая смѣна декорація).

Картина 2-я.

Свадебный пиръ въ домѣ Якова Носова. Декорація комнаты 3-го дѣйствія, картины 2-й, со слѣдующими измѣненіями: направо и налѣво стоятъ около стѣнъ, два убранныхъ всякими яствами и питіями стола со скамейками, покрытыми разноцвѣтными матеріями, и табуретами вокругъ. Образа повѣшаны въ обоихъ углахъ, и на правой и на лѣвой стѣнахъ, какъ разъ надъ головами молодоженовъ, сидящихъ за столами, посреди гостей, спинами къ стѣнѣ. Сцена освѣщается догорающими сальными свѣчами, въ подсвѣчникахъ, стоящихъ на столахъ и прикрѣпленныхъ къ стѣнамъ, и двумя большими паникадилами, спускающимися съ потолка надъ обоими столами. Як. Носовъ съ женой сидитъ рядомъ съ молодыми за столомъ направо; Арт. Анцыфоровъ, рядомъ съ дочерью Марьею—молодою, и Матрена Анцыфорова, рядомъ съ молодымъ, за столомъ налѣво. Илья Басиловъ—дружка съ Пр. Носовымъ—дружкой, въ шелковыхъ вышитыхъ убрусахъ черезъ плечо, стоятъ около молодыхъ и прислуживаютъ имъ съ веселыми ужимками. Молодые ело пьютъ и ѣдятъ, держатъ себя чинно и скромно, тогда какъ гости, сильно пьяные, шумятъ и держатъ себя непринужденно. Большинство гостей—женщины, замѣтно набѣленныя, нарумяненныя и насурьмленныя, въ старинныхъ празничныхъ русскихъ одеждахъ. При поднятіи занавѣса, во время пѣнія стоящихъ около дверей дѣвушекъ, слуги обносятъ пироги съ вареньемъ и затѣмъ непрестанно наливаютъ стопы и чарки гостей виномъ. Слышенъ набатъ, изрѣдка замолкающій.

ЯВЛЕНІЕ I.

ДѢВУШКИ. (поютъ проголосисто).

Какъ за тыномъ, за дубовымъ,
Я рѣчушку перепружу,
За высокимъ виноградомъ перейму,

Загоню я, загоню сизаго орла.
Сизой орелъ свѣтъ Ѳедорушка,
Свѣтъ Степановичъ,
Какъ и сизая орлинушка
Свѣтъ нашъ Марьюшка,
Молода хозяюшка!

(Молодые слѣва встаютъ, кланяются дѣвушкамъ и садятся).

А и сизой орелъ свѣтъ Петрушенька,
Свѣтъ Ивановичъ,
Какъ и сизая орлинушка
Свѣтъ нашъ Настюшка,
Молода хозяюшка.

(Молодые справа встаютъ и кланяются).

Имъ всѣ люди дивовалися:
То-то пары, то-то пары сочеталися!
Въ Божьей церкви совѣнчалися!
Золотымъ перстнемъ перемѣнялися!

(Молодые слѣва и справа встаютъ и кланяются дѣвушкамъ).

БАСИЛОВЪ. (дѣвушкамъ).

Славны медовыя рѣчи! Любо послушать сахарныя слова!.. А только мнѣ, ну вотъ ни вѣсть откуда это, горько-горькохонько!

ВСѢ (кричатъ).

Горько! Горько! (Молодые за обоими столами цѣлуются). Горько! Все еще горько. Горько! (Молодые снова цѣлуются). Горько! Горько! Горько! (Молодые въ 3-й разъ цѣлуются).

БАСИЛОВЪ. (Як. Носову и его женѣ, выйдя на середину комнаты).

Еста, сватушка коренной!
И свахонька коренная!
Благословляйте новобрачнаго князя,
Съ новобрачной княгиней,
Изъ мѣста встать,
Богу помолиться,

Добрымъ людямъ поклониться,
У отца и матери благословиться,
Изъ-за столовъ идти, изъ-за дубовыхъ,
Изъ-за скатертей, изъ-за браныхъ,
Изъ-за яствецовъ медвяныхъ,
По горенкѣ идти,
Черезъ порогъ перейти!

ЯК. НОСОВЪ. (встаетъ вмѣстѣ съ женой и кланяется).

Благослявляю!

ПР. НОСОВЪ. (выйдя на середину комнаты, Як. Носову и его женѣ)

И нашего новобрачнаго князя съ новобрачной княгиней благословите изъ-за мѣста встать, добрымъ людямъ поклонъ отдать!

ЯК. НОСОВЪ.

Благослявляю! (Обѣ пары молодыхъ выходятъ изъ-за столовъ на середину комнаты, за ними идутъ Арт. Анцыфоровъ съ женой, Як. Носовъ съ женой и посаженные отецъ и мать молодаго съ праваго стола).

БАСИЛОВЪ.

А теперь, сватушка коренной!
И свахонька коренная!
Благослявляйте своихъ дѣтей
На подклѣть идти!

ПР. НОСОВЪ. (подхватываетъ).

На подклѣть идти подъ шубой спать!

БАСИЛОВЪ.

Подъ куньей спать!
Кунью шубу въ ногахъ топтать!

ПР. НОСОВЪ.

Здоровенько спать,
Веселенько встать!

ЯК. НОСОВЪ СЪ ЖЕНОЙ И ПОСАЖЕННЫЕ ОТЕЦЪ СЪ МАТЕРЬЮ. (весело).

Благослáвляемъ, благослáвляемъ!

ПР. НОСОВЪ. (оборачиваясь къ гостямъ).

Еста, добрые люди,
Гости полюбовные!
Званые и не званые!
Усатые и бородатые!
Холостые, не женатые!

БАСИЛОВЪ. (подхватываетъ)

У воротъ приворотнички!
У дверей притворнички!
По полу ходючи,
По середѣ стоючи
Изъ кута по лавкѣ,
По кривой, по скамейкѣ!
Благослáвляйте!

ПР. НОСОВЪ.

Благослáвляйте!.

МУЖЧИНЫ. (со смѣхомъ).

Благослáвляемъ! Благослáвляемъ!

БАСИЛОВЪ. (подбоченясь и подмигивая глазомъ).

Молоды молодки,
Хорошія походки,
Съ поволоками глаза,

Съ помали голова,
Золоты кокошки,
Серебряны сережки,
Дочери отецки,
Жены молодецки!
Благославляйте!

ЖЕНЩИНЫ. (съ визгомъ и хохотомъ.)

Благославляемъ!

БАСИЛОВЪ.

Ну, благослови Богъ!

(Пр. Носовъ, Як. Носовъ, его жена, Арт. Анцыфоровъ, его жена, посаженые отецъ и мать всѣ повторяютъ съ выраженіемъ: «благослови Богъ!» Гости встаютъ на своихъ мѣстахъ).

ЯК. НОСОВЪ. (вынимаетъ изъ сапога плетку съ шелковыми лентами и говоритъ, ударяя ею молодую съ праваго стола.)

По этимъ ударамъ ты, дочь, знаешь своего отца; теперь эта власть переходитъ въ другія руки; вмѣсто меня, за ослушаніе, тебя будетъ бить твой мужъ! (Передаетъ плетку молодому).

МОЛОДОЙ СЪ ПРАВАГО СТОЛА. (затыкая плетку за кушакъ).

Принимаю сіе какъ подарокъ, но думаю, что нужды въ плеткѣ имѣть не буду.

АРТ. АНЦЫФОРОВЪ. (взявъ за руку Марью, свою дочь, растроганнымъ голосомъ говоритъ молодому съ лѣваго стола).

Сынъ нашъ! Божьимъ повелѣніемъ и благословленіемъ нашимъ повелѣлъ тебѣ Богъ сочетатися законнымъ бракомъ съ рабой Божіей Марьей, нашей дочерью послушной! Пріемли ее и держи, какъ повелѣлъ Богъ и какъ Онъ, чадолюбивый,

устроилъ въ законѣ нашей истинной вѣры и святые апостолы и отцы предаша. (Вынимаетъ изъ сапога шелковую плетку, ударяетъ ею 3 раза по спинѣ Марьи и передаетъ молодому, который кланяется, затыкаетъ плетку за кушакъ и беретъ за руку молодую).

БАСИЛОВЪ. (подводитъ къ новобрачнымъ за руку вѣжливца).

Ну, добрый вѣжливецъ, поди пожалуй, скажи, скажи новобрачнымъ свадебный оберегъ!

ВѢЖЛИВЕЦЪ. (откланивается и скоро говоритъ гнусавымъ голосомъ, обходя кругомъ 3 раза обѣ пары новобрачныхъ).

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Есть въ западной сторонѣ море Черное; въ томъ море есть островъ. На томъ же острову выросло дерево, на томъ же деревѣ корень и вѣтвіе, на томъ же деревѣ сидитъ желѣзенъ мужъ; осматриваетъ желѣзенъ мужъ всякаго вѣдуна, колдуна, кудесника, чтобы видѣти мнѣ, сторожу, колдуна и вѣдуна, мужика, и женку, и дѣвку. Окажи мнѣ на всѣхъ четырехъ сторонахъ, окажи мнѣ, сторожу, въ избѣ или на улицѣ, въ пиру или на свадьбѣ, или у заплота, или за плахами, или за рѣкою, вездѣ, кто гдѣ ни стоитъ, какъ бы сторожа не тронуть. Тотъ же желѣзенъ мужъ (поворачиваетъ, обойдя вокругъ молодыхъ 3 раза, въ двери и, дѣлая знакъ идти за нимъ, выходитъ съ новобрачными, Я. Носовымъ, его женой, Арт. Анцыфоровымъ съ женой, посажеными и дружками Василовымъ и Пр. Носовымъ) на колдуна и вѣдуна тянетъ лукъ, отворачиваетъ недобрыя словеса и рѣчи колдунове и...

ДѢВУШКИ. (медленно слѣдовавшіе за вышедшими, поютъ).

Имъ всѣ люди дивовалися,
То-то пары, то-то пары сочеталися!
(За дверями). Въ Божьей церкви совѣнчалися!
Въ Божьей церкви совѣнчалися!
Золотымъ перстнемъ перемѣнялися!
Золотымъ перстнемъ перемѣнялися!

(Гости усаживаются на свои мѣста).

ЯВЛЕНІЕ II.

ОДИНЪ ИЗЪ МУЖЧИНЪ. (сильно пьяный, кричитъ по уходѣ дѣвушекъ).

Горько! Горько! (Всѣ смѣются).

ОДНА ИЗЪ ЖЕНЩИНЪ.

Опоздалъ, миленькій, опоздалъ пьяненькій! ушли новобрачные!

ОДИНЪ ИЗЪ МУЖЧИНЪ. (встаетъ и обнимаетъ женщину).

Анъ и безъ новобрачныхъ можетъ сладко быть!.. (Цѣлуетъ ее) И мы цѣловаться сможемъ! (Всѣ хохочутъ; нѣкоторые мужчины обнимаютъ женщинъ и цѣлуютъ. Общій визгъ и гоготъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

2-Й ПЯТИДЕСЯТНИКЪ СТРѢЛЕЦКАГО ПОЛКА. (вбѣгаетъ съ обнаженнымъ бердышемъ, безъ шапки, съ запачканными въ крови руками и съ пятнами крови на платьѣ; волосы слипшіеся отъ поту, глаза дикіе, звѣрское выраженіе лица; кричитъ).

Радуйтесь, православные!!! Радуйтесь!!! Радуйтесь!!! Началась потѣха. Рѣжимъ, крошимъ поганцевъ! Давигней, самъ полковникъ Давигней убитъ!.. распороли брюхо басурманское! Глазуновъ убитъ! Мееръ, Евреиновъ!.. (Входитъ Як. Носовъ). Радуйся, Яковъ Михайловичъ! Давигней убитъ, Мееръ, Глазуновъ, Евреиновъ, Биндеръ!.. Началась потѣха!.. льемъ поганую кровь!.. Крошимъ! ха, ха, ха! Въ куски крошимъ. Давигней такъ трухнулъ, что какъ снопъ повалился на полъ!.. Мееръ спросонокъ караулъ заоралъ!.. Биндеру черепъ на куски расшибли!.. Такъ мозгами

и забрызнулись! ха, ха, ха, ха! (Столпившіеся вокругъ пятидесятника гости кричатъ «ура»).

ЯК. НОСОВЪ. (обнимая пятидесятника и смѣясь).

Ай да стрѣльцы! Ай да ловкачи! Этакъ скоро покончили!

2-й ПЯТИДЕСЯТНИКЪ.

Какой покончили! Еще работы есть! еще наши рубятъ. Только что въ охоту вошли, тупятъ бердыши! Главныхъ только почти всѣхъ покончили!.. Я вотъ забѣжалъ только извѣстить тебя да поздравить, Яковъ Михайловичъ, съ новобрачными. Дай Богъ имъ покой и радость, миръ и тишину!.. Благоволи чарочку поднести!.. все горло пересохло!

ЯК. НОСОВЪ. (прислужнику).

Скорѣй чарку зеленаго!

2-й ПЯТИДЕСЯТНИКЪ. (смотря на свои руки).

Ишь забрызгался какъ!..

ЯК. НОСОВЪ.

И платье перепачкано!

2-й ПЯТИДЕСЯТНИКЪ.

Плевать! ха, ха, ха!

ЯК. НОСОВЪ.

Ну, а что, какъ, веселы другіе стрѣльцы-ребятушки?

2-й ПЯТИДЕСЯТНИКЪ. (встряхивая головой).

Охъ, разъярились!.. Т. е. вотъ какъ разъярились!.. Удержу нѣтъ!.. (Взявъ чарку, поданную прислужникомъ и отпивъ). Ну, а что Гжевскій? связали уже?

ЯК. НОСОВЪ.

Еще нѣтъ вѣсти!.. Поди уже связанъ!

2-й ПЯТИДЕСЯТНИКЪ.

То-то навѣрно харю скорчилъ! Ха, ха, ха, ха! (Допиваетъ чарку). Ну, благодарствуй!.. Иду! иду расправу чинить!

ЯК. НОСОВЪ.

Съ Богомъ!

2-й ПЯТИДЕСЯТНИКЪ.

Прости, Яковъ Михайловичъ! Прощайте,добрые люди! (Убѣгаетъ).

ВСѢ.

Смерть! смерть нѣмцамъ! смерть собакамъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

СЛУГА. (подходя къ Як. Носову).

Тюремные сидѣльцы и изъ ямъ выпущенные бьютъ челомъ пустить ихъ благодарность принести.

ЯК. НОСОВЪ.

Тюремные сидѣльцы?

СЛУГА.

Да.

ЯК. НОСОВЪ.

Зови! (Слуга уходитъ; гости разступаются и смолкаютъ. Входятъ люди, едва прикрытые грязными лохмотьями, съ болѣзненными лицами, останавливаются на порогѣ и падаютъ ницъ передъ Як. Носовымъ. Пауза).

ЯК. НОСОВЪ.

Вы... заблудившіяся овцы или безвинно наказанные! вы... воровскіе люди или добрые люди... Будьте отнынѣ истинными сынами церкви Христовой! Помните, помните, заповѣди Божіи! Человѣкъ не увидитъ, человѣкъ не услышитъ, а Богъ!.. Богъ все видитъ и все слышитъ! Будьте вмѣстѣ съ нами ревнителями церкви и поборниками православной вѣры! (Пауза). Встаньте! Поцѣлуемся теперь по братски! (Тюремные сидѣльцы поднимаются и цѣлуются съ Як. Носовымъ; нѣкоторые изъ нихъ глухо рыдаютъ).

ЯК. НОСОВЪ. (перецѣловавшись съ ними).

Ну, ступайте! Да хранитъ васъ Богъ и его святые ангелы! Поговѣйте, покайтеся, кому есть въ чемъ каяться, причаститесь и тогда приходите постоять вмѣстѣ съ нами за великое святое дѣло! Прощайте! (Тюремные сидѣльцы кланяются въ ноги Як. Носову и всѣмъ присутствующимъ и уходятъ. Як. Носовъ вытираетъ рукой навернувшіяся слезы).

ЯВЛЕНІЕ V.

ВАСИЛОВЪ. (входя съ Пр. Носовымъ, Арт. Анцыфоровымъ, его женой и посажеными отцомъ и матерью). Уложили новобрачныхъ почивать!..

ПР. НОСОВЪ.

Поди, чай, ужь нѣжатся голубки!

ВАСИЛОВЪ. (гостямъ).

Вамъ всѣмъ велѣли благодарность принести за честь. Просятъ веселиться, рѣзвиться, сладкой браги не жалѣть, пѣсни пѣть, наѣсться-напиться, въ плясъ пуститься! Будьте здоровы!

ЯВЛЕНІЕ VI.

СТЕПАНЪ. (блѣдный, съ каплями пота на лбу, со злымъ выраженіемъ лица, входитъ нетвердой походкой).

ЯК. НОСОВЪ. (подходя къ Степану).

Ну что? что?

СТЕПАНЪ.

Не нашли Ржевскаго.

ЯК. НОСОВЪ.

Какъ?!!

СТЕПАНЪ.

А такъ, не нашли. Сбѣжалъ онъ вѣрно...

ЯК. НОСОВЪ.

Какъ сбѣжалъ?!

СТЕПАНЪ.

А дьяволъ его вѣдаетъ!.. Сына его въ постели зарѣзали... дочь его,—въ саду она валялась,—затоптали... Истребили отродье поганца... (возвышая голосъ) а самого!.. самого изверга... кровопійцу!..

ЯК. НОСОВЪ.

Да гдѣ же онъ?! Куда жъ онъ могъ уйти!!!

СТЕПАНЪ.

А!!! (Садится на табуретъ).

ЯК. НОСОВЪ.

Что ты блѣдный такой?.. выпилъ лишняго?..

СТЕПАНЪ. (кивая головой).

Да... да... горитъ голова вся... на трехъ свадьбахъ подчивали!..

ЯК. НОСОВЪ.

Вы весь домъ осмотрѣли?

СТЕПАНЪ.

Да... весь домъ...

ЯК. НОСОВЪ.

И кругомъ все осмотрѣли?.. Можетъ быть онъ спрятался...

СТЕПАНЪ.

Не знаю...

ЯК. НОСОВЪ.

А другіе тоже пьяны были?

СТЕПАНЪ.

Навеселѣ...

АРТ. АНЦЫФОРОВЪ.

У пьянаго въ глазахъ двоится, а самъ ничего не видитъ!

ЯК. НОСОВЪ.

Спрятался онъ вѣрно... почуялъ вѣрно и спрятался...

ПР. НОСОВЪ.

Я пойду! Ей, ей, пойду!.. Обнюхаю всѣ углы, во всѣ погреба слазаю!... Некуда ему убѣжать! Какъ Богъ святъ,—некуда!

НѢКОТОРЫЕ ИЗЪ ГОСТЕЙ.

Я тоже пойду!.. Пойдемъ, братцы!.. Идемте, идемте!..

ПР. НОСОВЪ.

Скорѣй идемъ!

НѢКОТОРЫЕ ИЗЪ ГОСТЕЙ

Идемъ! идемъ! (Уходятъ вмѣстѣ съ Пр. Носовымъ).

СТЕПАНЪ. (возбужденно).

Ну, а что если не найдутъ Ржевскаго!!! Если не найдутъ, не воздадутъ ему за все, за все беззаконье, паршивцу поганому!!! Если не найдутъ!!! А!!! (Плачетъ со злости).

ЯК. НОСОВЪ.

Ну полно, полно, Стеня!.. Найдемъ его! Найдемъ!.. Воздастся ему!..

СТЕПАНЪ. (переставъ плакать, съ трудомъ встаетъ съ табурета и шатается).

Я пойду!. За... за нимъ пойду!.. Отыщу!.. (Валится на полъ). По... по... подымите. Я идти... идти хочу... По... подымите... Идти хочу...

ЯК. НОСОВЪ. (взявъ его за руку).

Отрезвись, душенька, отрезвись сначала!

СТЕПАНЪ. (съ безсмысленнымъ выраженіемъ лица).

Не!.. не!.. идти... хочу идти... по... подымите!.. (Гости смѣются).

ЗАНАВѢСЪ.

Картина 3-я.

Декорація 2-го дѣйствія. Раннее утро. Недавно вставшее солнце освѣщаетъ верхушки виднѣющихся вдали церквей, минарета и домовъ. На заднемъ планѣ, около стѣны, стоитъ телѣга безъ лошади, до верху наложенная болванами изъ-подъ париковъ; вокругъ нея кучка народа, обкладывающаго телѣгу соломой, которую приносятъ охапками стрѣльцы и солдаты.

ЯВЛЕНІЕ I.

1-й изъ народа. (нѐсущимъ солому)

Еще, еще, братцы! Побольше!

2-й изъ народа.

Да, да, вали побольше!

1-й изъ народа.

Сжигать, такъ до тла!

1-й стрѣлецъ. (бросая солому подъ телѣгу).

Вотъ сколько соломы! Сухонькая!..

3-й изъ народа.

Клади, братцы, поплотнѣе!

2-й изъ народа.

Поплотнѣе, поплотнѣе, братцы! (Бросающему солому солдату). Вотъ-вотъ! Подъ телѣгу подминай побольше!

2-й стрѣлецъ. (входя съ охапкой соломы).

Надо, православные, и между самими болванами, кумирскими богами, положить. Лучше сгорятъ!

НѢСКОЛЬКО ЧЕЛОВѢКЪ. (хватая изъ рукъ стрѣльца солому и укладывая ее между болванами).

Вѣрно, вѣрно! Прокладывай! Прокладывай между болванами потолще!.. Пусть горитъ мерзость до тла!.. Чтобъ одинъ пепелъ остался!!! Прокладывай потолще!

3-й и 4-й СТРѢЛЬЦЫ. (выбѣгая изъ воротъ и держа въ рукахъ одинъ три, а другой два болвана, покрытыхъ парками).

Вотъ братцы! Вотъ еще оказались!

2-й СТРѢЛЕЦЪ.

Вали въ кучу! Бросай въ телѣгу!

ВСѢ.

Вали, вали! Бросай! (Стрѣльцы швыряютъ болваны на телѣгу).

1-й СОЛДАТЪ. (входя съ другимъ солдатомъ изъ воротъ и неся охапки соломы).

Что, голубчики, пожалуй, хватитъ?

1-й СТРѢЛЕЦЪ.

Хватитъ пожалуй.

НѢСКОЛЬКО ЧЕЛОВѢКЪ.

Нѣтъ! Нѣтъ! Еще братцы! Еще надобно. (1-й стрѣлецъ и солдаты идутъ въ ворота и черезъ нѣсколько времени приносятъ большія охапки соломы).

2-й ИЗЪ НАРОДА.

Хорошо бы, братцы, смолы раздобыть! Со смолой, чай, лучше! Такъ разгорится, что только...

1-й изъ народа. (перебивая).

Гдѣ тутъ еще смолы!.. И такъ ладно!..

3-й изъ народа.

И такъ разгорится!

2-й стрѣлецъ.

А что, братцы, у кого огниво есть?

3-й изъ народа.

У меня огниво есть!

4-й изъ народа.

У меня тоже огниво!.. А только, братцы, когда народъ весь соберется, тогда и сжигать!

2-й стрелѣцъ.

Да, да, вѣстимо, при всемъ народѣ!

3-й изъ народа.

Пусть всѣ видятъ, какъ нѣмецкіе идолы пылаютъ!.. Много мученія изъ-за нихъ приняли, пусть теперь всѣ радуются!

всѣ.

Вѣрно, вѣрно!

2-й стрѣлецъ.

А гдѣ же весь народъ сейчасъ?

4-й изъ народа.

Поди, все у дома Ржевскаго стоятъ! Все вѣдь ищутъ его, душегуба!

1-й изъ народа.

Неужто не найдутъ!

2-й стрѣлецъ.

Найдутъ! Куда ему скрыться!

1-й изъ народа.

А вдругъ удралъ!

2-й стрѣлецъ.

Ну, вотъ еще! Куда ему удрать-то!..

3-й изъ народа.

Надо съ разныхъ сторонъ поджигать, братцы! Нѣтъ ли еще огнива?

1-й изъ народа.

Добудемъ!

3-й изъ народа.

Пусть сразу вспыхнетъ! (За сценой слышны крики «ура»; нѣсколько дѣтей и взрослыхъ пробѣгаютъ мимо воротъ).

2-й солдатъ. (вбѣгая и кидая на землю солому).

Нашли, нашли воеводу! Нашли Ржевскаго!

всѣ.

Ура!

2-й солдатъ.

Идемте! Идемте скорѣй!

всѣ.

Идемте! Идемте! ура! (Выбѣгаютъ въ ворота. Сцена нѣсколько времени пуста).

ЯВЛЕНІЕ II.

ЯК. НОСОВЪ. (празднично одѣтый, съ гордымъ и суровымъ видомъ, входитъ съ пятью стрѣльцами, изъ которыхъ четверо несутъ мертвыя тѣла Екатерины Ржевской и Всеволода Ржевскаго, а пятый свернутую холстину).

Положите здѣсь!.. (Показываетъ на мѣсто около входа въ церковь. Стрѣльцы кладутъ на землю Екатерину и Всеволода Ржевскихъ рядомъ). Прикройте! (Стрѣльцы развертываютъ холстину и покрываютъ тѣла). Ты, Иванъ, (обращается къ одному изъ стрѣльцовъ) ступай, предупреди отца Константина и отца дьякона, что сейчасъ литургія и молебенъ будутъ! Пѣвчимъ уже сказано. Да скажи звонарю, чтобъ, какъ махнутъ рукой, зазвонилъ бы!.. Ступай! (Стрѣлецъ кланяется и уходитъ за церковь налѣво). А вы, четверо, вотъ что: двое оставайтесь около тѣлъ, а двое встаньте у телѣги, и, какъ народъ соберется и съ Ржевскимъ покончимъ, поджигайте! (Стрѣльцы кланяются и становятся, гдѣ имъ приказано. Носовъ всходитъ на паперть, вынимаетъ изъ-за пояса ключъ и открываетъ двери церкви).

ЯВЛЕНІЕ III.

(Нѣсколько мальчишекъ вбѣгаетъ, крича: «ведутъ, ведутъ», за ними бѣгутъ другіе съ громкими криками «ура»).

ОДИНЪ ИЗЪ МАЛЬЧИШЕКЪ.

Ребята! идемъ на крышу! на крышу! Оттуда виднѣй будетъ! (Мальчишки съ криками «на крышу, на крышу» убѣгаютъ за церковь. Стекается взволнованный народъ и старается занять мѣсто около паперти).

ЕРМОЛАЙ (крайне возбужденный, входя съ Артеміемъ и Матреной Анцыфоровыми).

А?! Слыхано ли?! Слыхано ли, чтобъ такой трусъ былъ! за поварнею, въ курятникѣ спрятался. Въ курятникѣ! ха, ха, ха!

АРТ. АНЦЫФОРОВЪ (смѣясь).

Вотъ такъ воевода!

ЕРМОЛАЙ (подходя къ Носову).

Слышалъ, Яковъ Михайловичъ? Каково! въ курятникѣ спрятался, въ курятникѣ!

ЯК. НОСОВЪ (улыбаясь).

Гдѣ жъ ему было спрятаться!.. Вѣдь еще и не одинъ-то! Нѣмца своего съ собой посадилъ! Сказываютъ,—какъ убили его нѣмца, такъ взвылъ отъ страха!.. Молитвы сталъ читать! въ ноги кланяться!..

МАТРЕНА АНЦЫФОРОВА.

Другихъ мучить не боялся, а за свою шкуру дрожитъ, тварь поганая!

ЕРМОЛАЙ.

Ой, молодцы Прохоръ Носовъ и Давыдовъ! Вѣдь гдѣ, подумаешь, нашли! Кому въ башку пришло бы, что въ курятникъ заберется самъ воевода!

МАЛЬЧИШКИ (взлѣзши на крышу церкви, кричатъ).

Ведутъ! Ведутъ! (Хохочутъ, хлопаютъ въ ладоши, свистятъ и визжатъ)

ЯВЛЕНІЕ IV.

(Изъ воротъ, при крикѣ и хохотѣ слѣдующей сзади толпы народа, окруженный стрѣльцами, махающими въ воздухѣ обнаженными бердышами, съ ликующими Пр. Носовымъ и Давыдовымъ по бокамъ, выходитъ, сѣменя ногами, Ржевскій. Онъ полуодѣтъ, безъ парика, со сжатыми на груди руками; на мертвенно блѣдномъ лицѣ выраженіе ужаса и отчаянія, неподвижные глаза тупо смотрятъ въ одну точку. На паперти, по серединѣ, стоитъ Як. Носовъ со скрещенными на груди руками, справа отъ него становится Арт. Анцы-

форовъ, оставившій свою жену въ толпѣ, слѣва Ермолай, подбоченившійся и подавшійся корпусомъ впередъ, со злой усмѣшкой на губахъ; около Ермолая становятся стрѣлецкіе пятидесятники и сержанты солдатскаго полка. Ржевскаго подводятъ къ паперти; толпа народа наполняетъ всю площадь).

ПР. НОСОВЪ (кланяется съ Давыдовымъ Як. Носову и говоритъ громкимъ голосомъ).

Вотъ, Яковъ Михайловичъ! Изымали мы господина воеводу, изымали храбраго храбреца астраханскаго. Чудно́ игралъ онъ въ прятки всю ночь, ну а все-жъ въ самомъ курятникѣ такъ его и накрыли! (Толпа гогочетъ).

ДАВЫДОВЪ.

Вотъ онъ, лиходѣй! Суди его, Яковъ Михайловичъ! Судите, люди православные! Суди Богъ! (Стрѣльцы опускаютъ бердыши внизъ и, тѣсня народъ, отходятъ немного назадъ, т. е. вправо отъ зрителя, образуя полукругъ; Пр. Носовъ и Давыдовъ также отходятъ въ сторону; Ржевскій остается одинъ посреди полукруга. Народъ смолкаетъ. Пауза).

ЯК. НОСОВЪ (мощнымъ голосомъ).

Ты, Ржевскій!.. Ты, воевода Астраханскій!.. Насталъ твой часъ дать отвѣтъ предъ всѣмъ православнымъ народомъ за всѣ, за всѣ твои дѣянія!!! Ты бралъ незаконныя подати, накладывалъ на всѣхъ непосильныя тягости, ты бралъ посулы за сущую правду, чинилъ поборы со вдовъ бездомныхъ и стариковъ немощныхъ! Ты, ругаючись христіанству, потакалъ басурманамъ нѣмцамъ и дозволялъ имъ бить и мучить всячески православныхъ и заставлять ихъ кланяться нѣмецкимъ идоламъ! Ты челобитчиковъ на нѣмцевъ батожьемъ билъ до смерти! Ты повелѣлъ безвременно всѣмъ шить нѣмецкія платья, и ты не сжалился, когда изъ-за твоихъ указовъ дома продавали и образа закладывали! Да гдѣ отъ тебя, Ржевскій, было ждать жалости, когда ты самъ насильствомъ рвалъ съ мясомъ бороды и своимъ людямъ велѣлъ не по подобію рѣзать платья! Ни дѣвичій стыдъ, ни святость богомольныхъ старцевъ не пощадилъ ты!!! А сколько, сколько лю-

дей изъ-за тебя безвременно погибло на Мочаковскомъ озерѣ!.. Сколько честныхъ мужей ты на смерть забилъ! ни за что сгноилъ въ тюрьмѣ и въ ямѣ! Сколько сиротъ, сколько вдовъ изъ за тебя!!! Отдай намъ, Ржевскій, отвѣтъ за всѣ твои дѣянія! Какъ оправдаешься ты?..

1-й пятидесятникъ стрѣлецкаго полка.

А что ты, Ржевскій, скажешь про стрѣльцовъ, у которыхъ ты ружья обобралъ и хлѣбнаго жалованья лишилъ?

2-й пятидесятникъ стрѣлецкаго полка.

За что ты на смерть забилъ Кузьму Костева и Ѳилатова?! Въ чемъ они такомъ провинились?!!

Арт. Анцыфоровъ.

А помнишь, Ржевскій, какъ ты хлѣбные запасы изъ стругов велѣлъ выгрузить безъ всякаго указа и возить на житный дворъ, а за провозъ бралъ деньги съ подрядчиковъ и билъ цѣловальниковъ, чтобъ моклый и гнилой запасъ принимали!..

Як. Носовъ.

Что отвѣтишь ты, что скажешь, какъ оправдаешься ты, Ржевскій?! (Ржевскій шевелитъ губами, силясь что-то сказать, опускается на колѣни и кланяется до земли).

Ермолай. (подойдя къ Ржевскому).

А!.. голубчикъ ты мой! Почтеннѣйшій воевода, что? Что?!. Молишь о пощадѣ? о милости просишь? Помнишь, какъ я стоялъ недавно предъ тобою, просилъ тебя, плакалъ, умолялъ не бить меня безвинно?! А ты меня за 3 обруча кнутомъ билъ! За 3 обруча кнутомъ билъ!!! Ползалъ я передъ тобою, стерва, на карачкахъ ползалъ; мое дѣло было правое, а ты, нехристь, меня кнутомъ билъ!!! На смерть велѣлъ забить! Въ чемъ же моя вина такая была, господинъ воевода всесправедливѣйшій? За что ты хотѣлъ убить меня? За 3 обруча кнутьемъ забить?

(Перемѣняя тонъ). Что, стерва?!! Дрожишь теперь, собачій сынъ?!! Дрожишь, погань?!! Сколькихъ ты, душегубъ проклятый, сколькихъ ты, живодеръ, замучилъ, ограбилъ, опозорилъ!!! Что! ты думалъ, что такъ тебѣ все съ рукъ сойдетъ? Думалъ, что коль воевода, такъ все можно! и грабить и убивать, и за 3 обруча кнутьемъ бить и все можно!!! Думалъ, что волку не отливаются овечкины слезки! Думалъ, что господину воеводѣ все Богъ позволилъ!!! Ошибся ты, стервецъ, ошибся!!! Дрожи! Корчь жалкую рожу! Твоя рожа только остервенить можетъ, а не разжалобить!!! Хоть кровавыми слезами расплачься тутъ, отъ погани поганыя слезы не разжалобятъ!.. Беззаконничать не боялся, а теперь дрожишь, шельма, трусъ поганый! въ курятникъ запрятался!..

ЯК. НОСОВЪ.

Знай, Ржевскій! Господь далъ терпѣніе человѣку, но терпѣніе человѣческое! Понялъ ты?—человѣческое!.. Все до поры-до времени! Накипитъ на сердцѣ человѣка и тогда онъ мститъ и зло мститъ обидчику!!! Смотри! (Обращается къ стоящимъ около труповъ Екатерины и Всеволода Ржевскихъ). Сдерните холстину! (Стоящіе около труповъ исполняютъ приказаніе). Смотри, Ржевскій, до чего ты довелъ народъ! Смотри на своихъ дѣтей взлелѣянныхъ!

РЖЕВСКІЙ. (увидѣвъ трупы, долго всматривается въ нихъ, встаетъ и дѣлаетъ нѣсколько мелкихъ шаговъ по направленію къ нимъ; все лицо его измѣняется, онъ какъ бы приходитъ въ себя. Дикій вопль отчаянія вырывается у него изъ груди и онъ съ громкими рыданіями падаетъ на трупы).

Дѣти!.. Дѣти мои милыя!.. Ненаглядныя!.. Милыя!.. Что они съ вами сдѣлали!!! (Поворачиваясь къ Як. Носову и другимъ) Изверги!.. Изверги!.. За что! за что вы ихъ убили?!! (Рыдаетъ, цѣлуя руки у труповъ). Маленькихъ, безпомощныхъ дѣтокъ убили!.. Убили!.. Рука поднялась ихъ убить!.. (Приподнимаетъ у труповъ головы,

всматривается въ нихъ, качая головой, и покрываетъ ихъ поцѣлуями). Что?! Что они сдѣлали! За что, за что ихъ убили!!! (Рыдаетъ).

ЕРМОЛАЙ.

Плачь, плачь!.. Поплакали мы, поплачешь и ты!..

РЖЕВСКІЙ. (встаетъ во весь ростъ и, гнѣвно смотря на всѣхъ, кричитъ, потрясая кулаками въ воздухѣ).

Бунтовщики!!! Беззаконники!!! Холопскія души!!! Смотрите, нечестивцы!.. помяните мое слово: вы за это отвѣтите!!! Передъ самимъ царемъ отвѣтите!!! Будете корчиться на дыбѣ, будете волкомъ выть, когда вамъ жилы вытянутъ, когда вамъ колесомъ всѣ кости раздробятъ и шкуру съ васъ живыхъ сдерутъ!!! Ликуйте, собачье отродье!.. Празднуйте начало вашихъ несчастій!!! Подумали ли вы, что за беззаконье вы затѣваете! Подумали ли вы, противъ кого вы возстаете!!! Бунтовщики проклятые, вамъ за все воздастся!.. Берегитесь, холопскія души! Берегитесь, подлыя твари!!! Берегитесь! Бере...

ЕРМОЛАЙ. (перебиваетъ Ржевскаго зычнымъ голосомъ).

Рубите его!!! Рубите!!! (Въ народѣ громкіе крики: «руби, руби его, руби нехристя»).

ЯК. НОСОВЪ (указывая стрѣльцамъ на Ржевскаго).

Рубите его! (Стрѣльцы бросаются на Ржевскаго съ бердышами и, при общемъ крикѣ «смерть, смерть нехристю», убиваютъ Ржевскаго). Псовъ! Псовъ сюда голодныхъ! Пусть растерзаютъ поганое тѣло! (Въ народѣ слышны крики: «псовъ, псовъ сюда»). Теперь, православные, мы покончили со всѣми нечестивцами-нехристями! (Въ народѣ крики «ура!»). Теперь остались отъ всего только вонъ идолы нѣмецкіе, болваны, кумирскіе боги! Сжигайте ихъ! Сжигайте скорѣе!!! (Народъ оборачивается и направляется къ телѣгѣ съ криками

«сжигай, сжигай, братцы!» Юродивый, пробравшійся къ трупу Ржевскаго, наклоняется надъ нимъ и заливается визгливымъ хохотомъ; Як. Носовъ махаетъ рукой мальчишкамъ на крышѣ). Пусть трезвонятъ! Звонарь! Благовѣстъ! (Мальчишки кричатъ, поднявъ голову кверху: «звонарь! трезвонь! трезвонь!». Раздается благовѣстъ). Идемте, православные, въ церковь! Идемте! (Входитъ въ двери церкви, за нимъ Арт. Анцыфоровъ, пятидесятники и другіе).

МЕДКОВЪ. (протискавшись на паперть, кричитъ громовымъ басомъ).

Тимоѳейкѣ Ржевскому, нехристю и мучителю православныхъ—анаѳема! (Народъ подхватываетъ и кричитъ: «анаѳема!» Надъ телѣгой съ болванами взвиваются клубы дыма).

ЗАНАВѢСЪ.

15 августа 1900 г.
Пушкино.

ФУНДАМЕНТЪ СЧАСТЬЯ.

ФУНДАМЕНТЪ СЧАСТЬЯ.

Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ *).

ГЛАВНЫЯ ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Чернушкинъ, гробовщикъ.
Анастасія, его дочь.
Помадовъ, фельдшеръ.
Сидоровъ, главный мастеръ Чернушкина.
Авдѣй } факельщики.
Михаилъ }
Марѳа, прислуга Чернушкина.
Черная дама.

Дѣйствіе происходитъ въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ Россіи въ 90-хъ годахъ XIX столѣтія.

---

*) Къ представленію дозволена 14 января 1904 г. (съ купюрами и замѣнами). Представлена въ первый разъ на сценѣ Новаго Театра въ С.-Петербургѣ 30 января 1905 г. съ Л. Б. Яворской въ роли Анастасіи. Въ настоящемъ изданіи пьеса сохранена въ ея первоначальномъ видѣ.

ДѢЙСТВІЕ I.

Небольшая комната съ однимъ окномъ направо, маленькой дверью налѣво и большою, широкою, настежъ отворенною дверью посрединѣ, изъ которой видна другая комната, еще меньшая, магазинъ гробовщика съ двумя окнами и стеклянной дверью, выходящими на улицу; въ окнахъ магазина стоятъ маленькіе гробы и висятъ вѣнки съ лентами, около лѣваго окна — конторка съ торговыми книгами, около праваго—два стула. У стѣнъ передней комнаты, почти сплошь увѣшанныхъ вѣнками, нѣсколько гробовъ разной величины и отдѣлки; у средней стѣны, направо отъ дверей, стоитъ шкафъ, налѣво круглый столъ съ мягкимъ кресломъ и стульями вокругъ, на столѣ гитара, двѣ бутылки пива со стаканами и лампа съ бѣлымъ колпакомъ; у окна направо — маленькій столъ, за которымъ, при поднятіи занавѣса, сидитъ въ сѣренькомъ платьѣ Анастасія, вьющая вѣнокъ изъ крашеныхъ иммортелей; — это миловидная брюнетка лѣтъ 20-ти; передъ нею на столикѣ кучка иммортелей, мотокъ проволоки, ножницы и маленькій букетъ живыхъ цвѣтовъ въ стаканѣ. Чернушкинъ, мужчина лѣтъ 50-ти, небольшого роста, толстый, плѣшивый, сѣдой,—стоитъ за конторкой и что-то записываетъ; онъ одѣтъ неряшливо; суетливый въ движеніяхъ, нервно теребящій свою жиденькую бороду, онъ, несмотря на все свое желаніе казаться добродушнымъ, производитъ отталкивающее впечатлѣніе. Передъ нимъ стоитъ одѣтый по лѣтнему, со шляпой въ рукахъ, молодой человѣкъ и уныло наблюдаетъ проходящихъ и проѣзжающихъ по улицѣ. Въ сосѣднихъ комнатахъ изрѣдка слышатся удары молотка по дереву, тихіе напѣвы грубыхъ голосовъ и ругань со смѣхомъ;—тамъ сколачиваютъ гробы. Гдѣ-то далеко раздается заунывный колокольный звонъ. Лѣтній день клонится къ сумеркамъ.

ЧЕРНУШКИНЪ. (прикладывая прессъ-бюваръ къ исписанному имъ листку бумаги).

Да-съ, молодой человѣкъ, можно прямо сказать, что всѣ мы ходимъ подъ Богомъ... Пути Всевышняго совершенно, такъ сказать, неисповѣдимы... (Вручая листокъ молодому человѣку). Вотъ-съ, не угодно ли, и дешево будетъ и, такъ сказать, прилично бу-

детъ; 50 рублей за все, а если будетъ на то ваша воля и останетесь довольны траурной прислугой... (откашливаясь) кучеръ на козлахъ и факельщикъ въ парадномъ одѣяніи,—то рублика два, три за усердіе имъ... ужь это отъ васъ, такъ сказать, вполнѣ зависитъ. Гробикъ вашей малюткѣ... благоволите взглянуть мгновеніе!.. (входитъ въ переднюю комнату, сопровождаемый молодымъ человѣкомъ) изъ чистаго атласа и серебра-съ. Не угодно ли!.. (Показываетъ маленькій дѣтскій гробъ). Работа... отдѣлка... фасонъ... величина... Если бъ не было у насъ такого готоваго, хотите вѣрьте, хотите нѣтъ,—меньше чѣмъ за 60 рублей было бъ немыслимо предложить на заказъ что-либо мало-мальски порядочное...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ СѢРОМЪ.

Нѣтъ... я ничего... я ничего противъ цѣны не говорю... я и не знаю вообще... сколько могутъ похороны стоить... Мнѣ... мнѣ... не случалось раньше... (На глазахъ его слезы).

ЧЕРНУШКИНЪ.

Да-съ, эта холера... ну просто кто бы, такъ сказать, могъ подумать... Вѣдь цѣлыми семействами мрутъ! Холера это вѣдь... т. е. истинно такое наказаніе за грѣхи людей, что ужь просто трудно что-нибудь и сказать право.

МОЛ. ЧЕЛ. ВЪ СѢРОМЪ. (вытирая глаза и сдерживая себя).

Нѣтъ... моя дочка не отъ холеры умерла... Нянька такая попалась... Недосмотрѣла какъ слѣдуетъ, а ребенокъ ужь былъ простуженъ... Вѣдь она... она здоровенькая раньше была... очень здоровенькая... крѣпкая такая и понимала ужь все, что ей говорили... сама ужъ начинала говорить. (Тихо плачетъ).

ЧЕРНУШКИНЪ. (послѣ паузы).

Это вашъ единственный ребенокъ?

МОЛ. ЧЕЛ. ВЪ СѢРОМЪ.

Да... (Вытираетъ глаза и сморкается).

ЧЕРНУШКИНЪ.

Господи, Господи... Вѣдь вотъ ужь истинно, что... А я думалъ, что холера... Такъ благоволите половину сейчасъ внести, если не затруднитъ. Милости просимъ въ магазинъ!.. (Идутъ въ магазинъ къ конторкѣ. Молодой человѣкъ вынимаетъ деньги, отсчитываетъ и вручаетъ нѣсколько кредитныхъ билетовъ Чернушкину). Простите, здѣсь... надобно, виноватъ, 25 рубликовъ... если не затруднитъ... (Просчитавъ деньги). Ахъ нѣтъ, ради Бога простите! Вѣрно, совершенно вѣрно... Спасибо. (Прячетъ деньги въ ящикъ). Спасибо. Ужь повѣрьте, останетесь довольны. Мы входимъ въ положеніе. Вѣдь мы тоже люди... Послѣдняя дань, которую человѣкъ отдаетъ своему ближнему... О, мы понимаемъ, какой это важный моментъ... Мы хорошо понимаемъ. Не прикажете ли вѣнокъ... вѣночекъ? Милости просимъ сюда!.. (Входитъ въ переднюю комнату) Недорогіе и изящные. Извольте взглянуть на этой стѣнѣ! Вотъ этотъ 10 рублей, этотъ я вамъ отдамъ за семь. Не угодно ли! Можно ленточку съ подходящими словами. (Снимаетъ одинъ изъ вѣнковъ). Не угодно ли! Покойница дѣвочка?.. Вотъ здѣсь голубенькіе цвѣточки... Не угодно ли! можно бѣлую ленту. «Незабвенной дочери», «горячо любимой дочкѣ», или прямо «дочери отъ отца»—это очень сильно, «отъ папы дорогой малюткѣ»,— это будетъ трогательно, или можно просто такъ «безвременно скончавшейся, незабвенной, горячо любимой дочери», — какъ хотите; серебряныя буквы; или нѣтъ, на бѣломъ пойдутъ лучше золотыя... красивое тисненіе, изящная муаровая лента, можно простой, но красивый бантъ, а то просто такъ: какъ бы небрежно перехвачено и два конца просто падаютъ внизъ,—какъ хотите... Будетъ стоить недорого; можно сдѣлать на три, четыре, пять рублей; все зависитъ отъ ширины ленты и отъ качества. Вы муаровую хотите?

МОЛ. ЧЕЛ. ВЪ СѢРОМЪ. (тяжело дыша).

Я не знаю, что лучше...

ЧЕРНУШКИНЪ.

На 5 рублей будетъ и красиво и... матеріалъ хорошій. Благоволите 2 рубля задатку! (Мол. чел. въ сѣромъ вынимаетъ бумажникъ. Чернушкинъ идетъ въ магазинъ къ конторкѣ и пишетъ росписку). Похороны послѣ завтра?..

МОЛ. ЧЕЛ. ВЪ СѢРОМЪ. (слѣдуя за Чернушкинымъ).

Да.

ЧЕРНУШКИНЪ.

Все будетъ готово. (Приложивъ прессъ-бюваръ къ роспискѣ, отдаетъ ее молодому человѣку, принимаетъ деньги и даетъ сдачи). Извольте получить!.. Теперь вамъ надо трауръ на рукахъ. Пожалуйте сюда. (Идетъ въ переднюю комнату къ шкафу и вынимаетъ картонку съ траурными повязками). Вотъ, не угодно ли! Очень хорошій матеріалъ. Простота и элегантность. Больше всего спрашиваютъ вотъ этотъ сортъ. Не угодно ли! Одинъ рубль 25 коп. Прикажете надѣть на руку? (Молодой человѣкъ протягиваетъ руку). Здѣсь и булавочка черная... не бойтесь, не уколю... виноватъ... мерси... ну вотъ... потомъ это можно пришить... Очень благодаренъ. Одинъ рубль 25 коп. (Идетъ къ конторкѣ. Молодой человѣкъ отдаетъ деньги). Спасибо. (Просматриваетъ торговую книгу). Господинъ Ваниловъ, такъ?

МОЛ. ЧЕЛ. ВЪ СѢРОМЪ.

Да.

ЧЕРНУШКИНЪ.

Спасибо... Теперь все. Послѣ завтра похороны?

МОЛ. ЧЕЛ. ВЪ СѢРОМЪ.

Да.

ЧЕРНУШКИНЪ.

Все будетъ готово. Будьте совершенно покойны!... (Пауза). Все будетъ готово...

МОЛ. ЧЕЛ. ВЪ СѢРОМЪ.

Прощайте. (Уходитъ).

ЧЕРНУШКИНЪ. (ему вслѣдъ).

Очень благодарны. (Вытираетъ лобъ платкомъ). Ухъ!.. Вотъ жарища!.. (Просматриваетъ книги и дѣлаетъ отмѣтки. Изъ лѣвыхъ дверей входитъ Марѳа, коренастая, простоволосая дѣвка, въ грязномъ платьѣ, босикомъ, забираетъ одну бутылку изъ подъ пива и уноситъ. Анастасія жадно нюхаетъ букетикъ живыхъ цвѣтовъ, достаетъ изъ ящика стола маленькую музыкальную шкатулку, вертитъ ручку и улыбаясь слушаетъ тихую веселенькую польку. Пауза). Гдѣ сегодняшняя газета? (Входитъ въ переднюю комнату) Гдѣ, Настя, сегодняшняя газета?

АНАСТАСІЯ. (принимаясь за вѣнокъ иммортелей).

Здѣсь.

ЧЕРНУШКИНЪ. (подходя къ ней).

Гдѣ?

АНАСТАСІЯ.

Да вотъ же, на столѣ!

ЧЕРНУШКИНЪ (вытаскивая изъ подъ мотка проволоки газету).

Что сегодня новаго?

АНАСТАСІЯ.

Не читала.

ЧЕРНУШКИНЪ (просматривая газету).

Гм... э-э-э!.. Однако!.. Это называется прямо косить съ плеча!.. 37 заболѣваній въ день!.. (Свиститъ). Смертность—19. Ого! 19 человѣкъ въ день!.. Мое почтеніе... Вотъ что значитъ холера!.. Это можно сказать прямо, что... Гм... гм... «санитар-

ная комиссія, по освидѣтельствованіи... въ засѣданіи 29-го постановила...» (Читаетъ про себя).

МАРѲА (показываясь на порогѣ двери).

Ужинать скоро будете?

ЧЕРНУШКИНЪ.

Чего тебѣ?

МАРѲА.

Ужинать скоро будете?

ЧЕРНУШКИНЪ.

Съ ума спятила? Эдакую рань объ ужинѣ вздумала!

МАРѲА.

Я къ тому это стало быть... Вы меня пустите сегодня вечеромъ дядю, значитъ, навѣстить.

ЧЕРНУШКИНЪ.

Какого дядю?

МАРѲА.

А что на Никольскомъ проулкѣ живетъ. Заболѣлъ ночью... прислалъ, чтобъ навѣстили.

ЧЕРНУШКИНЪ.

Чѣмъ боленъ?

МАРѲА.

Не знаю, сказывали, помереть можетъ!

ЧЕРНУШКИНЪ.

Холера?!

МАРѲА.

Не знаю, а только теперича пустите меня повидаться!

ЧЕРНУШКИНЪ.

Да ты съ ума спятила! Вотъ дура! И такъ я тебя спасъ третева дни, — огурецъ изъ рукъ вырвалъ; знаешь ты, что было-бъ, если-бъ ты огурецъ сожрала! Ты знаешь, что такое холера!.. Вотъ дура! Что ты заразиться хочешь и насъ всѣхъ заразить? Т. е. вотъ народъ! Это просто изумительно! Да дядя твой еще выздоровѣть можетъ! А вѣдь если ты заразишься, такъ вѣдь это знаешь, что съ тобой будетъ! Поняла, глупая женщина? Ты знаешь, что такое холера? Народу мретъ въ нашемъ городѣ по 19-ти человѣкъ въ день отъ одной холеры! Поняла ты... деревня?!. А?!. Что ты докторъ, чтобы навѣщать больныхъ, а? Докторъ, я тебя спрашиваю! Что ты думаешь, отъ твоего прихода у дяди болѣзнь какъ рукой сниметъ! Деревня ты, деревня...

МАРѲА.

У меня къ ужину все приготовлено... съ картофелемъ ужь справилась, мясо отварила, а ежели сосисокъ желаете, такъ я сбѣгаю...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Не объ ужинѣ тебѣ говорятъ, глупая женщина, а о томъ, что ты всѣхъ насъ заразить можешь! Ты знаешь, сколько народу мретъ! (Въ магазинъ входятъ два мужика съ печальными лицами). Что, братцы?

1-й МУЖИКЪ.

Дозвольте гробъ заказать!

ЧЕРНУШКИНЪ.

Сейчасъ. Повремените малость! (Тихимъ голосомъ). Нѣтъ, а вотъ что я хотѣлъ сказать! Съ твоими глупостями, Марѳа, сй Богу все перезабыть можно; третева дни огурецъ, сегодня прямо на смерть идти хочешь...

ЧЕРНУШКИНЪ (слащаво).

Ужь и разстроилась...

АНАСТАСІЯ (переставъ играть, грубо).

Уйди! (Принимается за вѣнки).

ЧЕРНУШКИНЪ (качаетъ головой и отходитъ къ важному господину. Марѳа подходитъ къ Анастасіи).

Устройство траурныхъ поѣздовъ у насъ не хуже, чѣмъ въ столицѣ. Сами, можетъ быть, изволили видѣть: недавно барона Хейлендорфа вотъ хоронили, тоже доктора Катунова, дочь почтмейстера, можетъ быть помните, 4 дня тому назадъ, дѣтей Урановичей, купца Мерюшкина...

1-й МУЖИКЪ.

Батюшка, не обезсудь...

2-й МУЖИКЪ (перебивая).

Мы бы заказали да и пошли.

1-й МУЖИКЪ.

Некогда намъ...

2-й МУЖИКЪ.

Намъ некогда, вѣрно...

ЧЕРНУШКИНЪ (махая рукой и улыбаясь слащаво).

Сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ...

МАРѲА (Анастасіи, тихо).

Ей Богу, уйду, коль не отпуститъ... Что мнѣ, ей Богу...

ВАЖНЫЙ ГОСПОДИНЪ.

Вотъ, любезный, слушайте... (Вздыхаетъ). Первый классъ, конечно... и... есть ли у васъ отдѣльная колесница для вѣнковъ?..

ЧЕРНУШКИНЪ.

Это, простите, называется у насъ «возокъ», «возокъ для вѣнковъ». Слушаю-съ. Простите, покойникъ или покойница?

ВАЖНЫЙ ГОСПОДИНЪ (какъ бы удивленный тѣмъ, что не знаютъ, кто у него умеръ).

Покойница.

ЧЕРНУШКИНЪ (становясь за конторку и записывая).

Слушаю-съ... Дѣвушка, женщина?

ВАЖНЫЙ ГОСПОДИНЪ (такъ же).

Дѣвушка. (Чернушкинъ записываетъ).

МАРѲА (Анастасіи).

Погадайте, барышня, помретъ дядя мой аль нѣтъ. (Анастасія вынимаетъ карты).

ЧЕРНУШКИНЪ (трогательно).

Это ваша дочь?

ВАЖНЫЙ ГОСПОДИНЪ (морщится).

Гувернантка дочери.

ЧЕРНУШКИНЪ.

Дѣвушка?

ВАЖНЫЙ ГОСПОДИНЪ.

Да, я сказалъ.

ЧЕРНУШКИНЪ.

Съ флеръ д-оранжемъ прикажете?

ВАЖНЫЙ ГОСПОДИНЪ

Что?

ЧЕРНУШКИНЪ.

Гробъ флеръ д-оранжемъ убрать?

ВАЖНЫЙ ГОСПОДИНЪ (мнется).

Ну можно и безъ флеръ д-оранжа...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Ростъ какой?

ВАЖНЫЙ ГОСПОДИНЪ.

Ростъ?

ЧЕРНУШКИНЪ.

Ростъ покойницы?

ВАЖНЫЙ ГОСПОДИНЪ (вздыхаетъ).

Мнѣ по плечо.

ЧЕРНУШКИНЪ (серьезный, подходитъ къ нему и мѣряется).

АНАСТАСІЯ (раскинувъ карты и смѣшавъ ихъ).

Не буду гадать о твоемъ дядѣ... зачѣмъ тебѣ заранѣе знать?..

2-й МУЖИКЪ (подойдя къ Чернушкину).

Явите милость, батюшка...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Сейчасъ, сейчасъ... (Записывая за конторкой). Надо два съ четвертью аршина... Такъ...

АНАСТАСІЯ (гадаетъ).

О-го, какія карты!.. (Тихо смѣется). Ваничка, Ваничка, милочка Ваничка... Придетъ... думаетъ обо мнѣ... сердечная тоска... какой-то трефовый король...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Вѣнки не закажете-ли! Отличные вѣнки, если угодно.

ВАЖНЫЙ ГОСПОДИНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ... я заказалъ уже изъ живыхъ цвѣтовъ... гирлянды... вѣнки... (Вздыхаетъ).

ЧЕРНУШКИНЪ.

Креповую повязку не прикажете ли на рукавъ?

ВАЖНЫЙ ГОСПОДИНЪ.

Нѣтъ...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Одѣяніе прислуги бѣлое?

ВАЖНЫЙ ГОСПОДИНЪ.

Чтобы было только прилично...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Похороны...

ВАЖНЫЙ ГОСПОДИНЪ.

Черезъ два дня.

ЧЕРНУШКИНЪ.

Слушаю-съ. Потомъ изволите заплатить или задатокъ можетъ быть...

ВАЖНЫЙ ГОСПОДИНЪ.

Потомъ.

ЧЕРНУШКИНЪ.

Слушаю-съ.

ВАЖНЫЙ ГОСПОДИНЪ.

Черезъ два дня, къ 10-ти утра...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Слушаю-съ. (Важный господинъ тихими шагами уходитъ).

АНАСТАСІЯ.

Мой Ваничка придетъ скоро, скоро... здоровъ-ли онъ?.. занятъ вѣрно по горло...

МАРѲА. (идетъ въ магазинъ).

Баринъ, я пойду къ дядѣ.

ЧЕРНУШКИНЪ.

Подожди! Сейчасъ, сейчасъ... (Къ мужикамъ). Покойникъ аль покойница?

1-ый МУЖИКЪ.

Покойникъ... отецъ, значитъ, старикъ померъ...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Росту съ тебя будетъ?

1-ый МУЖИКЪ.

Такъ точно.

ЧЕРНУШКИНЪ. (записываетъ).

Вамъ подешевле?..

1-ый МУЖИКЪ.

Такъ точно.

2-ой МУЖИКЪ.

Только все же чтобы все это, значитъ, хорошо бы было. Тоже—человѣкъ былъ!.. (Чернушкинъ записываетъ и говоритъ съ мужиками).

МАРѲА. (у стола, Анастасіи).

Ей Богу, уйду. Вотъ какъ Богъ святъ. Человѣкъ помираетъ, а они не пущаютъ.

ЧЕРНУШКИНЪ.

Вѣнки хотите?

1-ый МУЖИКЪ.

Чего?

ЧЕРНУШКИНЪ.

Вѣнокъ на гробъ нуженъ?

АНАСТАСІЯ. (бросивъ гадать, Марѳѣ).

Коли хочешь уйти, такъ уходи, за чѣмъ дѣло стало!

2-ой МУЖИКЪ.

Да пожалуй, что...

1-ый МУЖИКЪ.

Нѣтъ, намъ, значитъ это, не надо пожалуй...

2-ой МУЖИКЪ.

Гробъ вотъ чтобъ былъ хорошій. Тоже—человѣкъ былъ!

МАРѲА.

И вправду, коль не отпуститъ, уйду.

СИДОРОВЪ (рыжій, съ плѣшкой, бородатый, въ парусиновомъ пиджакѣ, потный. Говоритъ низкимъ басомъ, часто отплевывается. Выходитъ изъ лѣвыхъ дверей со складнымъ аршиномъ въ грязныхъ рукахъ и останавливается).

Занятъ? (Киваетъ головой въ сторону магазина).

АНАСТАСІЯ.

Занятъ. (Сидоровъ наливаетъ себѣ пива и пьетъ).

ЧЕРНУШКИНЪ.

Все будетъ, братцы, какъ быть должно православнымъ... тоже вѣдь люди,—понимаемъ печаль, понимаемъ горе...

АНАСТАСІЯ. (зажимаемъ себѣ уши).

Этотъ звонъ, звонъ... звонъ... Господи, долго ли еще?...

ЧЕРНУШКИНЪ.

За 15 рубликовъ гробъ на славу будетъ, опять же и дроги и кучеръ будутъ важные... Душу покойника ублажимъ какъ быть должно; у насъ кой какъ не дѣлается...

АНАСТАСІЯ (отнявъ руки отъ ушей и мѣрно качая голову).

Донъ... донъ...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Пять рубликовъ сейчасъ оставите, а другіе пять потомъ отдадите, какъ справимъ. (1-ый мужикъ вынимаетъ деньги и кладетъ на конторку). Одѣть покойника есть во что? (Анастасія вертитъ ручку музыкальной шкатулочки и подпѣваетъ).

2-ой МУЖИКЪ.

Какъ-же, какъ-же, батюшка, въ самое лучшее нарядили; тоже—человѣкъ былъ! (Сидоровъ уходитъ).

ЧЕРНУШКИНЪ.

А то можно сюртукъ хорошій выдать,—4 рубля заплатите, и въ сюртукѣ похороните.

1-ый МУЖИКЪ.

Нѣтъ, отецъ нѣмецкаго покроя не носилъ.

ЧЕРНУШКИНЪ.

Отъ холеры умеръ?

1-ый МУЖИКЪ.

Такъ точно, отъ холеры. Третева дни заболѣлъ, а утречкомъ сегодня Богу душу отдалъ...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Всѣ помремъ, братцы, вотъ ужь истинно: всѣ когда нибудь помремъ.

2-ой МУЖИКЪ.

Еще крѣпкій старикъ былъ.

ЧЕРНУШКИНЪ. (томно вздыхаетъ).

Всѣ помремъ.

1-ый мужикъ.

Это правильно. Прощайте! Послѣ завтра похороны, не забудете?

ЧЕРНУШКИНЪ.

Записано. Прощайте!

1-ый и 2-ой мужики (кланяются).

Прощайте! (Уходятъ).

МАРѲА (идетъ въ магазинъ).

Баринъ...

ЧЕРНУШКИНЪ (идетъ ей навстрѣчу).

Ну, чего тебѣ?.. чего тебѣ?

МАРѲА.

Коли ежели вы не отпустите...

ЧЕРНУШКИНЪ. (подходитъ къ круглому столу и пьетъ пиво).

Фу, какъ надоѣла! Развѣ не видишь,—я какъ въ котлѣ киплю! Побойся Бога!.. Пристала, какъ я не знаю что! Ну чего тебѣ?..

МАРѲА.

Отпустите дядю навѣстить!

ЧЕРНУШКИНЪ.

Вѣдь я тебѣ объяснилъ, глупая женщина, объяснилъ я тебѣ...

СИДОРОВЪ (входя).

Покровы привезли, 12 штукъ...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Настя, поди, прими и спрячь! (Сидорову). Это восьмирублевые?

СИДОРОВЪ.

Восьмирублевые. (Настя уходитъ въ лѣвую дверь).

ЧЕРНУШКИНЪ.

А когда же это другіе пришлютъ?

СИДОРОВЪ.

Не знаю. (Уходитъ за Анастасіей).

МАРѲА.

Такъ я, баринъ, пойду; у меня къ ужину все готово.

ЧЕРНУШКИНЪ (пьетъ пиво).

Ты сколько у меня жалованья получаешь?

МАРѲА.

Десять, а что?

ЧЕРНУШКИНЪ.

То-то!

МАРѲА.

Ну такъ что?

ЧЕРНУШКИНЪ.

Какъ что?!. Умѣй цѣнить! Гдѣ тебѣ больше трешницы въ мѣсяцъ положутъ!

МАРѲА.

Такъ вѣдь вы гробовщикъ!

ЧЕРНУШКИНЪ.

А ты дура! Поняла? (Цѣлуетъ ее въ щеку). Ты гдѣ такого ласковаго барина найдешь? Вѣдь ты, шельма, иногда не супъ подаешь, а помои; другой бы тебѣ на голову все вылилъ. (Цѣлуетъ снова). Гдѣ ты такого ласковаго барина видѣла? А?

МАРѲА. (отстраняя его).

Жутость меня беретъ отъ вашей ласки!. (Вытираетъ рукой щеку). Ишь слюнявый какой! Жутко мнѣ отъ вашей ласки, вотъ какъ передъ Богомъ. Понимаю я, что жена ваша и двухъ лѣтъ съ вами не выжила; не диво, что и скончалась. Жутость съ вами беретъ. Ей-ей!..

ЧЕРНУШКИНЪ.

Ты дура и неблагодарная скотина!

МАРѲА.

Отпустите што-ль дядю навѣстить?..

ЧЕРНУШКИНЪ.

Ступай, ступай, заражайся! Будешь издыхать, вспомянешь меня, вспомянешь, милая...

МАРѲА.

Ладно. (Уходитъ въ лѣвую дверь. Чернушкинъ съ сердцемъ хватаетъ газету и читаетъ).

ПОМАДОВЪ. (худой, блѣдный блондинъ съ пробивающимися усиками, невзрачный на видъ, нервный въ движеніяхъ, выходитъ изъ дверей магазина и подходитъ къ Чернушкину).

Здравствуйте, Федоръ Ивановичъ!

ЧЕРНУШКИНЪ. (небрежно).

А! здравствуйте! (Здороваются. Помадовъ имѣетъ въ рукахъ свою бѣлую фуражку. Пауза).

ПОМАДОВЪ.

Какъ поживаете?

ЧЕРНУШКИНЪ.

Вашими молитвами.

ПОМАДОВЪ.

Настасья Федоровна дома?

ЧЕРНУШКИНЪ.

Дома... Что новаго въ больницѣ?

ПОМАДОВЪ.

Ой! я ровно три ночи не спалъ... Такой ужасъ... такой ужасъ... Все переполнено... да, все переполнено... работы столько, что просто я не знаю... начальство не знаетъ, гдѣ размѣстить вновь поступающихъ, такъ какъ все переполнено, все рѣшительно переполнено...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Ну, а вы переодѣлись и вымыли руки карболкой?

ПОМАДОВЪ.

Сами, чай, слышите, какъ пахну...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Ну положимъ, это не доказательство; (пренебрежительно) вы тамъ въ больницѣ и такъ, не только вы, фельдшера, а и доктора и сестры милосердія, всѣ воняете карболкой.

ПОМАДОВЪ.

Ничего не подѣлаешь: служба такая!.. А собственно... Настасья Федоровна гдѣ?

ЧЕРНУШКИНЪ.

Соскучились?

ПОМАДОВЪ.

Нѣтъ... я собственно... такъ, вообще...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Она сейчасъ придетъ. Ну что, прочли?..

ПОМАДОВЪ.

Что?

ЧЕРНУШКИНЪ.

Книжку, что я вамъ далъ на прочтенье! «Основные вопросы философіи»?

ПОМАДОВЪ.

Нѣтъ, когда же, я вѣдь такъ былъ занятъ, такъ занятъ...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Ахъ да, вы были заняты... (Читаетъ газету).

ПОМАДОВЪ.

Вотъ что, Федоръ Ивановичъ, я сейчасъ долженъ навѣстить одного частнаго больнаго,—успокойтесь, не холернаго,—и черезъ 10 минутъ вернусь; такъ что если Настасья Федоровна спроситъ, приходилъ я или нѣтъ, такъ вы пожалуйста...

АНАСТАСІЯ. (возвращается съ листкомъ бумаги въ рукахъ; улыбается, увидѣвъ Помадова).

Здравствуйте! Что это вы такъ долго глазъ не казали? а?

ПОМАДОВЪ.

Здравствуйте... я былъ страшно занятъ... я, вы знаете, я три ночи не спалъ...

АНАСТАСІЯ. (Чернушкину).

Два покрова бахромятся на уголкахъ, а одинъ съ царапинами... Вотъ!.. (Отдаетъ ему листокъ бумаги).

ЧЕРНУШКИНЪ.

Отлично, что разглядѣла, надо сбавить цѣну. Вотъ мошенники! (Уходитъ налѣво).

АНАСТАСІЯ (обнимая Помадова и цѣлуя).

Кроликъ, отчего ты не приходилъ такъ долго?..

ПОМАДОВЪ.

Ахъ, я три ночи не спалъ... цѣлыхъ три ночи не спалъ, глазъ не сомкнулъ... У насъ такъ много работы... больныхъ столько, что просто ужасъ... и столько умираетъ человѣкъ... эта холера просто нѣчто невѣроятное... одинъ за другимъ умираютъ... такіе раздирающія душу картины... этотъ тяжелый воздухъ, хрипы предсмертные, корчи... Ахъ!.. я три ночи не спалъ... я работалъ и плакалъ... да, работалъ и плакалъ...

АНАСТАСІЯ. (прижимаясь къ нему).

Кроликъ мой, маленькій кроличекъ...

ПОМАДОВЪ.

Что ты такъ блѣдна?

АНАСТАСІЯ.

Ахъ!..

ПОМАДОВЪ.

Что съ тобой?..

АНАСТАСІЯ.

Я сохну...

ПОМАДОВЪ.

У тебя малокровіе...

АНАСТАСІЯ.

Я тоскую...

ПОМАДОВЪ.

Нервы...

АНАСТАСІЯ.

Я таю...

ПОМАДОВЪ.

Ты больна!

АНАСТАСІЯ.

Ахъ!

ПОМАДОВЪ.

Что съ тобой?!.

АНАСТАСІЯ. (крикливо).

Мнѣ душно... Душно. Я задыхаюсь... Я сгораю на медленномъ огнѣ... (Тихо). Я тоже не сплю ночью... я только дремлю подъ утро, и тогда ты мнѣ мерещишься мертвымъ; и я вскакиваю съ постели и хочу всѣмъ отомстить, всѣхъ изрѣзать, искромсать, изрубить, растоптать собственными ногами... Кроликъ! какъ я тебя люблю! Кроликъ мой, кроликъ!.. Ты знаешь, что я тебѣ скажу... (Входитъ съ улицы нищая калѣка, кланяется и неразборчиво кляньчитъ). Вонъ отсюда! (Нищая повертывается уходить).

ПОМАДОВЪ.

Что ты ее гонишь?

АНАСТАСІЯ.

Она проситъ... просятъ только собаки... это меня злитъ... Вонъ отсюда!.. (Наливаетъ себѣ пива. Нищая уходитъ. Помадову). Хочешь пива?

ПОМАДОВЪ.

Нѣтъ. (Анастасія пьетъ пиво. Пауза). Послушай, я сейчасъ долженъ къ одному частному больному... мнѣ непремѣнно надо навѣстить... Я черезъ 10 минутъ приду. У васъ скоро магазинъ закроется?

АНАСТАСІЯ.

Еще рано... Приходи скорѣй! Если-бъ ты зналъ, какъ я скучаю; надо столько работать... я теперь ничего не читаю и... мой аппетитъ на книги дошелъ до своего апогея!..

ПОМАДОВЪ.

Ого, какъ вы шикарно изволите выражаться! (Смѣется).

АНАСТАСІЯ.

Хотя нѣтъ, я вру... я не хочу читать...

ПОМАДОВЪ.

Я сегодня опять буду съ нимъ говорить...

АНАСТАСІЯ.

Съ отцомъ?

ПОМАДОВЪ.

Я прямо ему скажу, что препятствовать нашему браку просто не выдерживаетъ никакой критики хотя бы уже потому, что...

АНАСТАСІЯ.

Ахъ, да вѣдь онъ тебѣ то-же самое отвѣтитъ!

ПОМАДОВЪ.

Все равно... во-первыхъ я ему объясню, что...

АНАСТАСІЯ.

Ей Богу, если-бъ у насъ было хоть сто рублей, мы бы могли обойтись безъ него совершенно.

ПОМАДОВЪ.

Чортъ знаетъ... совершенно не у кого занять...

АНАСТАСІЯ.

Я готова украсть изъ кассы...

ПОМАДОВЪ.

Ахъ, какія у тебя мысли!

АНАСТАСІЯ.

Ты знаешь, я увѣрена, что моя мать вышла за него замужъ просто изъ оригинальности... мужъ гробовщикъ —это такъ занятно... Однако она не выжила съ нимъ и двухъ лѣтъ... Вѣдь она была дворянскаго происхожденія,—не какая-нибудь...

ПОМАДОВЪ.

Передъ Богомъ всѣ дворяне.

АНАСТАСІЯ.

Я не къ тому говорю... Ты знаешь, что она разъ сдѣлала?! Это было лѣтомъ; она жила, когда была еще молоденькой барышней, на дачѣ около большого темнаго лѣса; и вотъ разъ ночью, совершенно одна, она отправилась... (Слышно сильное хлопанье дверью,—Анастасія и Помадовъ вздрагиваютъ). Черти!.. (Входитъ Сидоровъ, молча здоровается за руку съ Помадовымъ, пьетъ пиво и уходитъ).

ПОМАДОВЪ.

Ну, однако, я иду... ты мнѣ послѣ разскажешь.

АНАСТАСІЯ.

Уже уходишь!

ПОМАДОВЪ.

Да, надо. Какая сегодня жарища... Фу!.. Я три ночи не спалъ. Опять къ больному!.. Все вижу однихъ только больныхъ да больныхъ...

АНАСТАСІЯ.

Я слышу только про смерть и про смерть...

ПОМАДОВЪ.

Господи, какъ хочется счастья! (Цѣлуетъ ее). Ну, я скоро вернусь.

АНАСТАСІЯ.

Кроликъ, какъ я люблю тебя! (Жмется къ нему и цѣлуетъ его). Скорѣй возвращайся!

ПОМАДОВЪ.

Черезъ десять минутъ. (Уходитъ).

АНАСТАСІЯ (смотритъ ему вслѣдъ, подходитъ къ круглому столу, проводитъ пальцемъ по струнамъ гитары, допиваетъ остатки пива и садится за работу. Въ сосѣднихъ комнатахъ попритихли. Она бросаетъ работу, закрываетъ глаза и тоскливо опускаетъ голову на грудь; вдругъ стискиваетъ зубы, ударяетъ кулакомъ по столу и со злостью принимается за работу).

СТАРЫЙ ЧИНОВНИКЪ (входитъ въ магазинъ тихими шагами, ведя за руку маленькаго мальчика, который, уставши отъ рыданій, плачетъ теперь порывисто всхлипывая. Чиновникъ какъ будто пьянъ).

АНАСТАСІЯ (подойдя къ среднимъ дверямъ, чиновнику).

Вамъ заказать нужно?.. Сейчасъ я позову хозяина. (Уходитъ налѣво. Чиновникъ нѣжно гладитъ плачущаго мальчика по головѣ, не находя словъ его утѣшить. Пауза).

ГИМНАЗИСТЪ И ГИМНАЗИСТКА (входятъ въ магазинъ и останавливаются въ ожиданіи; у нихъ измученныя лица; горе наложило свою мрачную печать на ихъ взоры и сдѣлало складки около губъ; можетъ быть всего три, четыре дня тому назадъ они еще смѣялись, полные жизнерадостности, — теперь же... Маленькій мальчикъ, столь жалобно изливающій свое горе, привлекаетъ ихъ вниманіе).

ЧЕРНУШКИНЪ (съ листкомъ бумаги въ рукахъ, входитъ и, кланяясь посѣтителямъ, подходитъ къ конторкѣ, кладетъ листокъ въ ящикъ и что-то записываетъ).

Простите господа... одну минуточку... сейчасъ... къ вашимъ услугамъ.

АНАСТАСІЯ (входитъ со стаканомъ воды и молча предлагаетъ его маленькому мальчику).

СТАРЫЙ ЧИНОВНИКЪ (взявъ стаканъ воды и подчуя мальчика).

Спасибо барышня, добрая барышня!.. Выпей Васютка, выпей!.. отхлебни чуточку!.. (Мальчикъ пьетъ). Горе такое... мамашу хоронимъ, а тутъ еще жара проклятая, прости Господи!.. Выпей еще, выпей Васинька! (Опрокидываетъ остатки воды на голову мальчика и возвращаетъ стаканъ Анастасіи; она ставитъ его на круглый столъ и садится за работу).

ЧЕРНУШКИНЪ (гимназисту).

Виноватъ, вы первые пришли или...

СТАРЫЙ ЧИНОВНИКЪ.

Нѣтъ, ужъ благоволите насъ отпустить, мы къ тому же первыми и пришли...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Покойникъ или покойница?

СТАРЫЙ ЧИНОВНИКЪ.

Покойница... мамашу вотъ хоронимъ... холера унесла... безвременно, если можно такъ выразиться, просто безвременно. Конечно, противъ судьбы не пойдешь, ну, а что истинно жаль, такъ это вѣрно...

ФАКЕЛЬЩИКЪ АВДѢЙ (молодой, съ плутоватымъ, плохо выбритымъ лицомъ, въ своей форменной одеждѣ, держа подъ мышкой треуголку, входитъ изъ лѣвыхъ дверей и, заглядывая украдкой въ магазинъ, подходитъ къ Анастасіи и шутливо-жеманно подаетъ руку).

Бонжуръ!

АНАСТАСІЯ (здороваясь).

Окончили дѣла?

АВДѢЙ.

Такъ точно-съ. (Факельщикъ Михаилъ, старый, съ испитымъ лицомъ, входитъ слѣдомъ за Авдѣемъ, кланяется небрежно Анастасіи и разгуливаетъ по магазину).

ЧЕРНУШКИНЪ (продолжая разговаривать съ чиновникомъ).

Похороны послѣ завтра?

ЧИНОВНИКЪ.

Совершенно вѣрно. Васютка! Полно тебѣ! Горлышко надорвешь все!

АВДѢЙ.

А какъ ваши дѣла?

АНАСТАСІЯ.

Мерси. Какъ видите, веселюсь.

АВДѢЙ.

Же ву земъ.

АНАСТАСІЯ.

Скажите пожалуйста, развѣ вамъ это чувство доступно?

АВДѢЙ.

Любовь!.. О!.. Бѣдный факельщикъ много чего схоронилъ въ своей жизни, но сердце, свое сердце онъ не схоронилъ! (Становится въ геройскую позу, прижимаетъ одну руку къ сердцу, а другую простираетъ впередъ. Всѣ трое въ передней комнатѣ хохочутъ). Да-съ, чортъ возьми! не выпить ли мнѣ пива по этому случаю, саперли труляля!..

МИХАИЛЪ (прочтя).

Пустая.

АВДѢЙ.

Жаль. (Смотритъ на круглый столъ). Ей-Богу, если-бы не печальныя совпаденія мрачныхъ обстоятельствъ моей жизни, я могъ бы быть студентомъ или офицеромъ, а то актеромъ,— честное слово! Во мнѣ есть что-то величественное!

АНАСТАСІЯ.

Послушайте, Авдѣй, вы сто разъ мнѣ это говорили...

АВДѢЙ.

Когда я долженъ былъ покинуть гимназію...

МИХАИЛЪ.

То есть когда тебя выгнали въ шею изъ третьяго класса...

АВДѢЙ.

А въ морду хочешь?!

АНАСТАСІЯ.

Тише! (Чиновникъ уходитъ вмѣстѣ съ плачущимъ мальчикомъ).

АВДѢЙ.

Чортъ возьми, я хочу пива!

АНАСТАСІЯ.

Ладно, принесу, дайте только вотъ завяжу сейчасъ... (Торопливо продолжаетъ работу).

АВДѢЙ.

Ей-Богу, я могъ бы быть студентомъ.

АНАСТАСІЯ.

Слышали. (Чернушкинъ въ это время бесѣдуетъ съ гимназистомъ и гимназисткой). Закройте лучше двери въ магазинъ и спойте что нибудь!

АВДѢЙ.

Во мнѣ есть жажда учиться.

МИХАИЛЪ.

Врешь! у тебя жажда пива!

АВДѢЙ.

Мужикъ!

АНАСТАСІЯ.

Вы, какъ выпьете черезъ край, такъ сейчасъ учиться хотите. Спойте лучше что нибудь!

АВДѢЙ (зѣвая).

Я хочу пива.

АНАСТАСІЯ (затыкая себѣ уши).

Этотъ звонъ!.. Фу!.. (Отнимаетъ руки отъ ушей). Скажите, скоро перестанутъ звонить?

АВДѢЙ.

Какъ звонарь сойдетъ съ колокольни, такъ и перестанутъ. Ей-Богу! (Всѣ трое хохочутъ. Чернушкинъ входитъ въ переднюю комнату, вынимаетъ изъ шкафа траурную повязку на рукавъ и, возвратясь въ магазинъ, надѣваетъ ее на гимназиста).

АНАСТАСІЯ.

Если вы споете, то я вамъ принесу пива. (Встаетъ изъ-за стола).

АВДѢЙ.

Я бы и отъ водочки не отказался-бъ, саперли труляля!..

АНАСТАСІЯ.

Ишь ты!

АВДѢЙ.

А къ пиву дайте колбасы и два крутыхъ яйца съ хлѣбомъ!

АНАСТАСІЯ. (презрительно).

Да что вы въ кабакъ пришли?

МИХАИЛЪ. (мрачно).

Хуже чѣмъ въ кабакъ,—къ гробовщику!

АНАСТАСІЯ. (уходя въ лѣвую дверь).

И то правда! Въ кабакѣ лучше! (Скрывается).

АВДѢЙ. (взявъ газету).

Ну слушай, Михайла, я тебѣ читать стану!

МИХАИЛЪ. (нагнувшись надъ красивымъ гробомъ, лежащимъ у шкафа).

Лягай меня лягухи, какой красивый гробъ смастерили! Просто такъ бы и улегся! не побрезгалъ бы!

АВДѢЙ. (вынимаетъ изъ кармана пэнсиэ съ треснувшими стеклами и читаетъ).

«О холерной бактеріи. Въ 1883 году профессоръ Кохъ нѣмецкій... ученый бактеріологъ, сдѣлавшійся въ скоромъ времени европейской знаменитостью, открылъ бактерію, вызывающую холерное заболѣваніе. Бактерія эта представляется намъ подъ

микроскопомъ въ видѣ запятой, тонкій конецъ которой оканчивается еще болѣе тонкимъ придаткомъ—жгутикомъ. Эти, такъ называемыя, холерныя запятыя живутъ и размножаются лучше всего... при температурѣ въ 37 градусовъ по Цельзію; холодъ онѣ переносятъ хорошо, но что касается тепла, то... (Во время его чтенія гимназистъ съ гимназисткой расплачиваются и уходятъ. Чернушкинъ остается стоять за конторкой; онъ что-то записываетъ и обдумываетъ).

АНАСТАСІЯ. (входитъ съ бутылкой пива, ставитъ ее на круглый столъ и бросаетъ рядомъ съ ней пробочникъ: перебивая зачитавшагося Авдѣя).

Эй! Грамотѣй! Откупоривай!

АВДѢЙ. (бросивъ газету).

О аристократическая любезность, о ангельское сердце, о человѣколюбивая душа!.

АНАСТАСІЯ. (садясь за работу).

Откупоривай, откупоривай!..

АВДѢЙ. (откупоривая бутылку и наливая себѣ пива).

Ей-ей, я могъ бы быть студентомъ! Окончилъ бы гимназію окончилъ бы университетъ и сталъ былъ профессоромъ. Цѣлая масса народа, стремящагося услышать научныя рѣчи, сидитъ и ждетъ моего появленія. Я являюсь... въ изящномъ фракѣ, на носу золотое пэнснэ, важно кланяюсь и усаживаюсь въ кресло. Милостивые государи! Приступая къ изложенію того, о чемъ вы пришли сегодня слушать, я хотѣлъ бы вамъ, милостивые государи, сказать... сказать...

МИХАИЛЪ.

Что сказать?..

АВДѢЙ.

А все, что хотѣлъ бы, то и сказалъ; тебя дурака спрашивать не сталъ бы. (Пьетъ пиво). Ей-Богу изъ меня могъ выйти толкъ! (Садится за круглый столъ).

МИХАИЛЪ. (допиваетъ бутылку пива).

Когда это Настасія Федоровна гробъ вотъ этотъ красивый состряпали? (Показываетъ).

АНАСТАСІЯ.

Это новая модель... Изъ Питера присланъ. Послушайте, Авдѣй, спойте что-нибудь!

АВДѢЙ. (какъ бы отвѣчая на свои вопросы).

Ну что-жъ, надо вѣдь и факельщикомъ кому-нибудь быть; правильно, господа, или нѣтъ?!

МИХАИЛЪ. (Анастасіи).

Дорого заплатили?

АНАСТАСІЯ.

Вамъ не купить. Ну что-жъ, Авдѣй! (Авдѣй беретъ гитару и настраиваетъ).

СИДОРОВЪ. (входитъ, видитъ, что пиво выпили и сердито отплевывается. Авдѣй, Михаилъ и Анастасія прыскаютъ со смѣху. Сидоровъ уходитъ).

МИХАИЛЪ. (подойдя близко къ Анастасіи, тихо).

Что, покончили со страховкой?

АНАСТАСІЯ.

Сегодня покончили.

МИХАИЛЪ.

И магазинъ и товаръ застраховали?

АНАСТАСІЯ.

Все. Ну пойте, Авдѣй!

МИХАИЛЪ.

Такъ что теперича, коли сгоритъ, сколько стало быть получите?

АНАСТАСІЯ.

Двадцать тысячъ; да тебѣ что?—не ты получать будешь!

МИХАИЛЪ.

Это правильно, а только за что же тутъ двадцать тысячъ давать!

АВДѢЙ.

Я сегодня не въ голосѣ. (Откашливается и поетъ, аккомпанируя себѣ на гитарѣ):

Разъ красотка молодая,
Вечеркомъ одна гуляя,
Къ быстрой рѣчкѣ подошла
И на травку прилегла.
Вѣтерочекъ чуть-чуть дышетъ,
Вѣтерочекъ не колышетъ,
Въ чистомъ полѣ ни цвѣтка,
Въ темномъ лѣсѣ ни листка,
Тра-ля-ля, тра-ля-ля...
Наша дѣвица сначала
Съ вѣтеркомъ одна вздыхала,
А потомъ, а потомъ...
Очутилась съ нимъ вдвоемъ.
Вѣтерочекъ и т. д.

ЧЕРНУШКИНЪ. (входя и перебивая пѣніе).

Вы бы, господа, чортъ возьми, выбрали другое мѣсто, чтобъ горланить... Просто заниматься не даете.

МИХАИЛЪ.

Честь имѣю поздравить со страховкой. (Кланяется). Съ благополучнымъ, такъ сказать, окончаніемъ дѣла. Теперь, значитъ, давай Богъ пожара, чтобы, значитъ это, до тла сгорѣло...

АВДѢЙ.

Спрыснемъ!

ЧЕРНУШКИНЪ.

Ну, ну!.. нализались!

МИХАИЛЪ.

А мы, хозяинъ, пришли вамъ сказать вотъ что...

АВДѢЙ. (подходитъ, пощипывая струны гитары).

Если вы, хозяинъ, не прибавите намъ по четвертаку въ день за работу...

МИХАИЛЪ.

Вы знаете, у насъ ей-Богу всю спину ломитъ...

АВДѢЙ.

Видано ли дѣло,—по восьми покойниковъ въ день спроваживать...

МИХАИЛЪ.

Всѣ сапоги отъ ходьбы разорвамши...

АВДѢЙ.

Ни минуты нравственнаго успокоенія не имѣешь. День да ночь—сутки прочь.

ЧЕРНУШКИНЪ.

При чемъ это: день да ночь—сутки прочь?

МИХАИЛЪ.

А при томъ, что если вы не прибавите по четвертаку въ день за работу...

АВДѢЙ. (съ трескомъ кладетъ гитару на столъ).

Мы больше вамъ не слуги.

ЧЕРНУШКИНЪ.

Что?!

Вмѣстѣ.

АВДѢЙ.

Мы вамъ больше не слуги.

МИХАИЛЪ.

Мы больше вамъ не слуги.

ЧЕРНУШКИНЪ (укоризненно, Михаилу).

Старина, какъ тебѣ не совѣстно! Ужъ, кажется, я плачу вамъ такъ, какъ никто не платилъ бы...

АВДѢЙ.

Теперь исключительныя обстоятельства.

ЧЕРНУШКИНЪ. (продолжая).

Выставляю вамъ пиво, отношусь какъ другъ...

АВДѢЙ.

Теперь холера,—мертвецовъ не оберешься...

МИХАИЛЪ.

Дорого намъ ваше пиво стоитъ; и охота разговаривать вамъ изъ-за четвертака...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Старина...

МИХАИЛЪ.

У насъ всѣ сапоги оборвамши...

АВДѢЙ.

Мы тоже люди!..

ЧЕРНУШКИНЪ.

Если этотъ болванъ хорохорится, такъ вѣдь это мальчишка, ему самъ Богъ велѣлъ, а тебѣ, старина... (Анастасія фыркаетъ со смѣху, глядя на Авдѣя).

АВДѢЙ. (нагло).

Кто это болванъ, кто это мальчишка?

ЧЕРНУШКИНЪ. (продолжаетъ).

Подумай, если я всей своей траурной прислугѣ надбавлю по четвертаку...

АВДѢЙ.

Я спрашиваю, кто это болванъ, кто это мальчишка?!

ЧЕРНУШКИНЪ.

Ну, ну, не ори! Помни, съ кѣмъ ты говоришь!

АВДѢЙ.

Я бы могъ быть студентомъ; да съ, я бы могъ быть студентомъ!

ЧЕРНУШКИНЪ.

Потише, потише!

АВДѢЙ.

Вы бы лучше смотрѣли, какъ у васъ гробы дѣлаютъ на скорую руку! Вотъ что!

МИХАИЛЪ.

И правда, хозяинъ, быть бѣдѣ! На живую нитку стряпаютъ у васъ. Ей, ей!

АВДѢЙ.

А какое вы имѣете право меня болваномъ называть? Я васъ убить могу! Мнѣ это ничего не стоитъ!

СИДОРОВЪ. (въ дверяхъ, Чернушкину).

Пожалуйте, васъ требуется!

ЧЕРНУШКИНЪ.

Сейчасъ.

СИДОРОВЪ.

Оклейщикъ въ верхнемъ проголовкѣ и въ платикѣ такую махнулъ смазку, что понятно насквозь!..

ЧЕРНУШКИНЪ. (кричитъ).

Сейчасъ. (Сидоровъ уходитъ). Ни минуты покоя! (Авдѣю). Если ты, мальчишка, будешь мнѣ грубить...

АВДѢЙ.

Какое вы имѣете право меня болваномъ называть? (Входитъ

Мареа, обутая и въ праздничномъ платкѣ на головѣ). Я могъ бы быть студентомъ. Вы не имѣете права такъ обращаться!

ЧЕРНУШКИНЪ. (Мареѣ).

Тебѣ что?!

АВДѢЙ. (совсѣмъ опьянѣвшій и разстроганный).

Я не воленъ былъ въ печальныхъ обстоятельствахъ моей жизни... Меня родители бросили на произволъ судьбы... Я бы могъ теперь студентомъ быть. (Плачетъ). Вы не смѣете меня обижать...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Я тебя изъ грязи поднялъ, бродяга!

АВДѢЙ.

Чтобы сдѣлать изъ меня факельщика! Богъ васъ накажетъ! (Уходитъ съ плачемъ).

МИХАИЛЪ.

Теперь на факельщика спросъ. Теперь факельщикъ въ цѣнѣ. Надбавьте четвертакъ Христа ради, что вамъ стоитъ!

ЧЕРНУШКИНЪ (Мареѣ).

Тебѣ что?

МАРѲА.

Я ухожу къ дядѣ...

ЧЕРНУШКИНЪ.

А кто приготовитъ ужинъ, подастъ на столъ, сдѣлаетъ постели, засвѣтитъ лампадку, нальетъ въ умывальникъ воды?..

АНАСТАСІЯ. (громко).

Я.

МАРѲА.

Дядинька умираетъ.

ЧЕРНУШКИНЪ.

Ну такъ и убирайся вонъ, чортъ тебя дери! (Передразниваетъ). «Умираетъ»... У васъ сейчасъ «умираетъ». Лишь бы отъ работы отлынуть. «Умираетъ»... Ну и убирайся къ чорту, на всѣ четыре стороны! (Тяжело дышетъ). Неблагодарная скотина... (Входитъ телеграфный разсыльный и подаетъ Чернушкину телеграмму. Чернушкинъ расписывается и развертываетъ телеграмму... Разсыльный уходитъ). Отъ кого это? (Читаетъ и тяжело вздыхаетъ).

АНАСТАСІЯ.

Что?

ЧЕРНУШКИНЪ. (закрывая глаза рукою).

Варя скончалась.

АНАСТАСІЯ.

Тетя Варя?!

ЧЕРНУШКИНЪ. (передавая телеграмму Анастасіи).

Да... бѣдная Варя... Господи Ты мой милостивый... Такая еще молодая... Бѣдная сестра!.. Кто бы могъ подумать!..

АНАСТАСІЯ. (прочтя телеграмму).

Что-жъ, пожалѣлъ послалъ денегъ на лѣченіе, ну вотъ... вотъ... теперь очень хорошо...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Какъ у тебя языкъ поворачивается! Я любилъ свою сестру всѣмъ сердцемъ!

АНАСТАСІЯ.

Ты это доказалъ.

ЧЕРНУШКИНЪ.

Во всемъ Господня воля... Да!.. Кому надо умереть, тотъ непременно умретъ. Впрочемъ мы должны были ожидать ея смерти: она была всегда такого слабаго здоровья. Надо послать денегъ на похороны. Я хочу, чтобъ съ честью, такъ сказать, ее... Да вотъ что!—я пошлю этотъ гробъ. (Подходитъ къ красивому гробу, лежащему у шкафа). Хотя нѣтъ, собственно говоря, это не подойдетъ... она жила всегда въ бѣдности и вдругъ такой роскошный гробъ... Это, можетъ быть, вызоветъ толки, пересуды... Къ тому же гробъ можетъ задержаться въ дорогѣ; нѣтъ, это невозможно...

АНАСТАСІЯ.

Жалко?!

ЧЕРНУШКИНЪ.

Какъ у тебя языкъ поворачивается!

АНАСТАСІЯ.

Нечего, нечего глаза на меня пялить! Просили тебя, умоляли, писали слезныя письма: «вышли на лѣченье, вышли хоть чуточку денегъ...» Вотъ теперь хорошо... Пожалѣлъ родной сестрѣ выслать на лѣченіе... ну вотъ теперь...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Какъ тебѣ не стыдно такъ говорить! И развѣ тутъ нужна была маленькая сумма! Ей надо было, по моему, за-границу ѣхать, на югъ, въ какую нибудь дорогую лѣчебницу. Развѣ я могъ столько денегъ послать? А посылать гроши... (Подойдя близко къ Анастасіи; вкрадчиво). Милая моя, все совершается такъ, какъ Богъ хочетъ. Пойми меня, я не говорю про данный случай, пойми меня, что если я и скуплюсь иногда, то вѣдь я для тебя, моя дѣтка, берегу, для тебя одной.

АНАСТАСІЯ.

Ладно, ладно...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Вѣдь ты знаешь, что послѣ моей смерти все тебѣ достанется.

АНАСТАСІЯ.

Ладно, ладно! Вотъ повѣшусь, такъ будетъ тогда хорошо...

ЧЕРНУШКИНЪ (перебивая сердито).

Одной дурой меньше. (Михаилъ махаетъ рукой и уходитъ въ лѣвую дверь. Анастасія углубляется въ работу).

ЧЕРНУШКИНЪ (Мареѣ).

Ну чего стоишь?

МАРѲА.

Ежели вы прогоняете меня, такъ пожалуйте разсчетъ!

ЧЕРНУШКИНЪ.

Что?.. Разсчетъ?.. Въ шею тебя, — вотъ какой разсчетъ!.. Ни копѣйки не получишь! Иди въ судъ, жалуйся! Разсчетъ?! Это тебѣ еще денегъ давать за то, что ты разбила крышку отъ чайника, потеряла мельхіоровую вилку, растрескала тазъ для умыванія, въ самоваръ безъ воды уголья бросила, чуть не распаяла...

МАРѲА (перебивая).

По вашей винѣ уголья бросила...

ЧЕРНУШКИНЪ (кричитъ).

Молчать!.. Что?! Разсчетъ!.. наглая ты тварь!.. Ты мнѣ разъ воровъ чуть не впустила, сколько разъ провизію всю изгадила,—тоже въ кухарки лѣзетъ!.. А кто мнѣ заплатитъ за двѣ тарелки, что теперь только выбросить остается! Ты мнѣ испакостила сырой тряпкой полированный столикъ...

МАРѲА.

Неправда, я столикъ вовсе...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Тебѣ разсчетъ?.. наглая ты тварь!.. Иди въ судъ, жалуйся!

МАРѲА.

Стыдно зажиливать чужія деньги! Я ихъ пóтомъ заработала...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Что?

МАРѲА.

Сами заманили къ себѣ на мѣсто, обѣщали ни вѣсть какія сласти... Куда я наймусь теперь! Отъ гробовщика нешто возьметъ кто прислугу!.. За десять рублей я была вамъ и горничной, и кухаркой, и судомойкой, и прачкой, и...

ЧЕРНУШКИНЪ (кричитъ).

Вонъ!

МАРѲА (желчно, со слезами).

Подавитесь моими деньгами! (Уходитъ въ дверь налѣво).

ЧЕРНУШКИНЪ.

Негодяйка!.. (Тяжело дышетъ). Вѣдь эдакій народъ! Неугодно-ли! Я ей слово,—она мнѣ десять!.. Разсчета проситъ... (Къ магазину подъѣзжаетъ извозчикъ, изъ него вылѣзаютъ два офицера въ кителяхъ и входятъ въ магазинъ).

ЧЕРНУШКИНЪ (поправивъ волосы и костюмъ, мелкими шажками подходитъ къ нимъ).

Честь имѣю кланяться! (Кланяется). По прискорбному случаю изволили пожаловать... Прошу присѣсть! (Пододвигаетъ имъ стулья). Неугодно-ли!

1-ый офицеръ (садясь).

Спасибо.

2-ой офицеръ.

Черезъ два дня похороны нашего товарища... приготовьте пожалуйста все какъ можно лучше и торжественнѣе...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Помилуйте, не въ первые приходится угождать господамъ военнымъ. Отъ холеры, простите, изволилъ скончаться вашъ товарищъ?

2-ой офицеръ.

Да, а что?

ЧЕРНУШКИНЪ.

Хлоровую известь и просмоленый гробъ слѣдуетъ въ такомъ случаѣ...

1-ый офицеръ.

Но чтобъ гробъ былъ бы красивый...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Не извольте безпокоиться.

1-ый офицеръ.

Полкъ взялъ на себя его похороны. (Сѣровато-голубоватыя сумерки надвигаются все больше и больше).

ЧЕРНУШКИНЪ.

Еще молодой человѣкъ, такъ сказать?

2-ой офицеръ.

Да, совсѣмъ молодой.

1-ый офицеръ.

У васъ здѣсь можно курить?

ЧЕРНУШКИНЪ.

Милости просимъ. (Зажигаетъ спичку и даетъ закурить). Сдѣлайте одолженіе!..

2-ой офицеръ.

Не забудьте, что черезъ два дня...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Что вы, не безпокойтесь! (Слащаво улыбается). Мы, такъ сказать, не имѣемъ права забывать. (Ставъ за конторку и записывая). Черезъ два дня... т. е. сегодня у насъ тридцатое... такъ. (Вздыхая). Вѣдь вотъ, въ самомъ дѣлѣ, холера! Молодой человѣкъ, такъ сказать, защитникъ отечества, казалось бы на бранномъ полѣ, если ужъ Господня воля, голову, такъ сказать, сложить надлежало бы или приличествовало-бъ, что-ли. И неугодно-ли: холера! Вотъ ужъ дѣйствительно не знаетъ человѣкъ, гдѣ, когда и при какихъ обстоятельствахъ смерть его застанетъ. Эхъ-хе-хе!.. Роста былъ высокаго покойникъ? (Помадовъ входитъ черезъ магазинъ и подходитъ къ Анастасіи).

2-ой офицеръ.

Да, очень высокаго.

ЧЕРНУШКИНЪ (записывая).

Такъ-съ. Православный или лютеранинъ...

2-ой офицеръ.

Православный. (Прохаживается).

ЧЕРНУШКИНЪ.

По первому классу разумѣется, похороны?..

2-ой офицеръ.

Т. е. какъ?

Чернушкинъ (подавъ ему тетрадку съ конторки).

Неугодно-ли! Здѣсь цѣны и всѣ данныя! (Оба офицера просматриваютъ тетрадку).

Помадовъ.

То есть, я такъ себя странно чувствую... Три ночи не спалъ... (Кладетъ шапку на подоконникъ).

Анастасія.

Усталъ?

Помадовъ.

Нѣтъ, напротивъ, скорѣй какая то возбужденность...

Анастасія.

У тебя черное пятнышко.

Помадовъ.

Гдѣ? (Трогаетъ лицо рукой).

Анастасія.

Около глаза. (Помадовъ вынимаетъ маленькую щеточку съ зеркальцемъ, смотрится и стираетъ рукой пятнышко).

Чернушкинъ.

У насъ не хуже отпускаютъ похоронныя процессіи, чѣмъ въ Питерѣ или Москвѣ; я конечно говорю про похороны по первому классу. (Входитъ слѣпой нищій съ мальчикомъ; Чернушкинъ махаетъ на нихъ рукой). Съ Богомъ, съ Богомъ, не прогнѣвайтесь! (Нищіе уходятъ).

ПОМАДОВЪ.

Я сегодня буду съ нимъ опять говорить... (Колокольный звонъ прекращается).

АНАСТАСІЯ.

О нашей свадьбѣ?

ПОМАДОВЪ.

Да. Онъ долженъ согласиться. (Прячетъ щеточку въ карманъ).

1-ый ОФИЦЕРЪ. (выкуривъ нервными затяжками папиросу, не знаетъ, куда бросить окурокъ).

ЧЕРНУШКИНЪ (предупредительно).

Бросьте на полъ, бросьте на полъ! (1-ый офицеръ, бросивъ окурокъ, тушитъ его ногой).

2-ой ОФИЦЕРЪ.

Похороны по первому классу. Но ужъ пожалуйста, чтобы все было какъ можно лучше, торжественнѣе...

ЧЕРНУШКИНЪ (подбираетъ окурокъ и, открывъ дверь магазина, швыряетъ его на улицу).

Помилуйте, не безпокойтесь! Не первый разъ, такъ сказать, приходится угождать господамъ военнымъ. Съ музыкой, осмѣлюсь спросить, состоятся похороны?

2-ой ОФИЦЕРЪ.

Разумѣется.

ЧЕРНУШКИНЪ. (подлизываясь).

Признаться, есть нѣчто безконечно торжественное, такъ сказать, мрачное, величественное и безотрадно—грустное въ

похоронномъ маршѣ. Вотъ ужъ дѣйствительно жизнь человѣческая... Эхъ-хе-хе... Благоволите записать ваши фамиліи... (Подаетъ перо). Вотъ здѣсь! (2-ой офицеръ записываетъ).

ПОМАДОВЪ. (все время выразительно — нѣжно смотрящій на Анастасію).

Скоро магазинъ закроютъ?

АНАСТАСІЯ. (порывисто работая).

Не знаю... Ухъ! Мнѣ хочется плакать и я, кажется, готова исцарапать физіономію первому встрѣчному.

ПОМАДОВЪ.

Что?

АНАСТАСІЯ.

Мнѣ тошно... Я зла, зла... Да, я зла... Я завидую всѣмъ, ровно всѣмъ...

ЧЕРНУШКИНЪ. (уходящимъ офицерамъ).

Честь имѣю кланяться. (Офицеры уходятъ).

АНАСТАСІЯ.

Пива что-ли выпить!..

ПОМАДОВЪ.

Сегодня же буду съ нимъ говорить.

ЧЕРНУШКИНЪ. (подходя къ нимъ).

Слышали? Завтра похороны съ музыкой. Мимо насъ навѣрно понесутъ. Все таки, такъ сказать, нѣкоторое развлеченіе!..

АНАСТАСІЯ. (про себя).

Обрадовался.

ЧЕРНУШКИНЪ.

Послушай, Настя, такъ ты, этого, завтра утречкомъ встанешь рано и... я вотъ тебѣ оставлю съ вечера деньги, или нѣтъ, лучше завтра же тебѣ и вручу... (Помадову). 2 копѣйки, милостивый государь, стоятъ полтора десятка отличнѣйшихъ яблокъ (показываетъ пальцами) вотъ какой величины! Сливы совершенно нипочемъ, ренглоты 7 копѣекъ 25 штукъ, т. е. просто даромъ. (Анастасіи) Ты заберешь Антошку—обойщика, возьмешь карзину изъ подъ бѣлья и будешь торговаться во всю. Я рѣшилъ, что и варенье и маринадъ слѣдуетъ сдѣлать въ равномъ количествѣ. Только слѣдуетъ обдумать насчетъ того, гдѣ мы все это до поры до времени продержимъ, то есть пока не сдадимъ въ самые лучшіе магазины. Ну да мѣсто найдется. Я увѣренъ,—предпріятіе будетъ выгодно до чрезвычайности. Надо будетъ обдумать только насчетъ мѣста. Когда приготовится первая, такъ сказать, партія консервовъ, то слѣдуетъ сейчасъ же начать вторую, потомъ третью и т. д.,—тамъ видно будетъ. Чортъ знаетъ, эта дурища Мареа ушла какъ разъ тогда, когда ее надобно. Я думаю впрочемъ, что она сегодня же благополучно привалитъ. То есть вотъ народъ!.. Да, чтобы не забыть... (Бросается къ конторкѣ и что то записываетъ).

АНАСТАСІЯ.

Нечего и думать, чтобъ онъ согласился на бракъ, даже глупо думать. (Кричитъ по направленію сосѣднихъ комнатъ, гдѣ удары молотковъ стали громче раздаваться). Да тише вы тамъ, черти окаянные!

ПОМАДОВЪ. (послѣ паузы).

Надо терпѣливо ждать. Терпѣніе и трудъ...

АНАСТАСІЯ. (перебивая).

Все здоровье подорвутъ.

ПОМАДОВЪ. (смѣется).

Вотъ ужъ ей-Богу ты... Въ самомъ дѣлѣ, какъ ты мрачно на все смотришь...

АНАСТАСІЯ.

Ахъ, тошно!..

ПОМАДОВЪ.

Ужасно мрачно...

АНАСТАСІЯ. (секретно).

Кроликъ, мой отецъ... (Чернушкинъ уходитъ въ дверь налѣво).

ПОМАДОВЪ. (по уходѣ Чернушкина).

Что твой отецъ?

АНАСТАСІЯ.

Ахъ!.. То есть удивительная способность всѣмъ отравлять жизнь! Сегодня обругалъ Авдѣя,—знаешь, этотъ факельщикъ, что на гитарѣ играетъ и все хочетъ учиться! Ну что ей-Богу, и такъ обиженный судьбой! такъ нѣтъ же, «знай нашихъ», довелъ его до слезъ. (Подходитъ къ круглому столу).

ПОМАДОВЪ.

Онъ всегда пьянъ, положимъ, этотъ Авдѣй...

АНАСТАСІЯ.

Это все равно. Марѳу тоже разобидѣлъ чортъ знаетъ какъ; у ней дядя при смерти, а онъ не пускаетъ. Интересно, какъ онъ въ концѣ концовъ съ мастеровыми сдѣлаетъ; работы стало почти вдвое больше прежняго; они всѣ хотятъ прибавки жалованья, а онъ ихъ пивомъ подчуетъ да отмалчивается...

ПОМАДОВЪ.

Позволь, но вѣдь если...

АНАСТАСІЯ.

Ну не спорь!.. И такъ тошно... (Пощипываетъ струны гитары). Я-бъ хотѣла быть цыганкой... Ужасно занятно! Кочевала бы по степямъ, пѣла бъ у костра... меня въ таборѣ навѣрно всѣ бы любили. (Помадовъ смотритъ на нее съ улыбкой). Нѣтъ, серьезно,

мнѣ-бъ хотѣлось быть цыганкой! И ты былъ бы тоже цыганомъ... Да, да, мы бы бродили по опушкамъ лѣса, рвали бы ягоды, ловили бы птичекъ, ночью спали бы вмѣстѣ въ кибиткѣ,—ой какъ уютно!.. Хотя нѣтъ... у тебя бѣлокурые волосы, ты бы не могъ быть цыганомъ, надъ тобой бы весь таборъ смѣялся, а я не хочу, чтобы кто нибудь надъ тобой смѣялся... (Порывисто обнимаетъ его за шею и цѣлуетъ). Кроликъ, я люблю тебя! Нѣтъ серьезно, ты бы хотѣлъ быть цыганомъ?

ПОМАДОВЪ.

Зачѣмъ?

АНАСТАСІЯ.

Какъ зачѣмъ, глупый!.. Мнѣ кажется, это было бъ веселѣй, чѣмъ киснуть фельдшеромъ въ больницѣ.

ПОМАДОВЪ.

Здѣсь я приношу пользу человѣчеству, а тамъ, въ цыганахъ, что-жъ я только пѣсни распѣвать буду и больше ничего!

АНАСТАСІЯ. (дѣланно смѣется).

Польза человѣчеству!.. Ахъ, право, въ жизни ни къ чему не стоитъ относиться серьезно. Вотъ видишь, сколько новыхъ гробовъ!.. и каждый день все новые!.. Сегодня въ нихъ Иванова, Петрова уложатъ, завтра Сидорова, Карпова, а послѣ завтра въ нихъ, кто знаетъ, можетъ быть и мы съ тобой, протянувши ножки, будемъ чинно и мирно лежать въ чистыхъ рубашкахъ!.. (Вздыхаетъ).

ПОМАДОВЪ.

Конечно, если такъ разсуждать, то...

АНАСТАСІЯ.

Ну право, въ жизни ни къ чему не стоитъ относиться серьезно. Съ перваго же дня нашего рожденія мы «осужденные на смерть». И что самое ужасное,—мы не знаемъ и не можемъ узнать, когда приговоръ судьбы исполнится надъ

нами; мы только чувствуемъ, что съ каждой минутой, съ каждой секундой мы подвигаемся все ближе и ближе къ концу... и къ какому концу? будетъ ли это начало чего-то новаго, или полная безсознательность?.. Я прочла очень много умныхъ книжекъ и ни на одной страницѣ не нашла вѣрнаго отвѣта... Догадываться, теряться въ догадкахъ и ждать, ждать, ждать чего то совсѣмъ непонятнаго... Боже мой, ну стоитъ-ли послѣ этого къ чему нибудь серьезно относиться? Смотри! (Вынимаетъ у Помадова изъ жилетнаго кармана часы). Считай!.. Разъ... два... три... четыре... пять... шесть... Охъ подумай, эти шесть секундъ прошли безвозвратно, если суждено умереть тебѣ въ пятьдесятъ лѣтъ, то ужъ на цѣлыхъ шесть секундъ тебѣ осталось меньше жить; а можетъ быть ты умрешь завтра... завтра вечеромъ или... (Смотритъ на часы). Разъ... два... три... четыре... пять... шесть... семь...

ПОМАДОВЪ. (прячетъ часы въ карманъ).

Такъ можно съ ума сойти!.. этакъ всѣ нервы можно себѣ измочалить!.. Такъ нельзя разсуждать, какъ ты разсуждаешь. Жизнь намъ дана вовсе не затѣмъ, чтобы мы безсмысленно считали минуты въ ожиданіи смерти. Это глупо. Это ужасно глупо...

АНАСТАСІЯ. (спокойно).

Жизнь—это путешествіе робкими шагами въ страну молчанья и забвенія.

ПОМАДОВЪ.

Скажите пожалуйста, какъ важно! Гдѣ это вы изволили вычитать?

АНАСТАСІЯ.

Нигдѣ.

ПОМАДОВЪ.

Во первыхъ я долженъ тебѣ сказать, что ты читаешь такія книги, для которыхъ ты еще слишкомъ молода...

АНАСТАСІЯ.

Ну, а чтобы судить объ этомъ, ты самъ еще слишкомъ молодъ.

ПОМАДОВЪ.

Во первыхъ, если я говорю тебѣ, что ты...

АНАСТАСІЯ. (перебивая).

Не спорь!

ПОМАДОВЪ.

Что?

АНАСТАСІЯ.

Не спорь!

ПОМАДОВЪ.

Почему?

АНАСТАСІЯ.

Ну да ладно! (Поетъ, аккомпанируя себѣ на гитарѣ).

Я въ степяхъ Молдавіи родилась
И люблю я таборъ свой родной,
Тамъ въ кибиткѣ жила и рѣзвилась,
Раздавался звонко голосъ мой...

(Вдругъ обрываетъ пѣсню на полусловѣ).

ПОМАДОВЪ. (которому пѣсня понравилась).

Ну что-же?

АНАСТАСІЯ.

Ты знаешь, сегодня мы получили телеграмму, что тетя Варя скончалась... папина сестра...

ПОМАДОВЪ.

Ай, ай, а ты распѣваешь; какъ не стыдно!

АНАСТАСІЯ. (нахмуривъ брови; послѣ короткой паузы).

А я распѣваю и мнѣ не стыдно...

ПОМАДОВЪ.

Ты угорѣла!

АНАСТАСІЯ.

Я увѣрена, что въ жизни тети Вари наступленіе смерти было самымъ веселымъ событіемъ... Ты ее не знаешь,—ее въ жизни такъ много всѣ обижали, такъ обижали... Теперь ее никто не можетъ больше обидѣть... никто... (Бодрясь). Ахъ да что! мы всѣ, всѣ «осужденные на смерть». Минутой дольше ждать, часомъ, годомъ, десятью годами, не все-ль равно! приговоръ неминуемо исполнится...

ПОМАДОВЪ. (съ улыбкой ироніи).

Что мы всѣ умремъ, это старо, какъ свѣтъ.

АНАСТАСІЯ.

Старо и вѣчно ново.

ПОМАДОВЪ.

Пусть такъ, но все время томиться въ раздумьѣ надъ этимъ вопросомъ, по моему...

АНАСТАСІЯ. (весело).

Я и не томлюсь! (Поетъ съ ухарствомъ, громко аккомпанируя на гитарѣ).

Ахъ чудо, чудо, чудо,
Чудо, чудеса,
Для меня раздолье,
Степи и лѣса.
Ахъ чудо, чудо, чудо и т. д.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

(Тамъ-же, минутъ черезъ десять; Анастасія и Помадовъ на тѣхъ-же мѣстахъ).

АНАСТАСІЯ.

Ахъ, какъ хорошо быть цыганкой! Подумай, какъ хорошо бы было, еслибъ мы были цыганами! спали бы вмѣстѣ въ одной палаткѣ, укрывшись пестрыми платками, на свѣжемъ воздухѣ, въ какой-нибудь дикой степи или гдѣ нибудь на опушкѣ лѣса; мы просыпались бы съ восходомъ солнца, вмѣстѣ съ первымъ чириканьемъ птичекъ и босикомъ по росистой травѣ, безъ всякихъ церемоній, прямо бѣжали бы купаться въ студеной рѣчкѣ... Ахъ!.. вотъ жизнь, вотъ жизнь!.. (Въ сосѣднихъ комнатахъ на время притихаетъ).

ПОМАДОВЪ.

Какъ ты занятно разсказываешь...

АНАСТАСІЯ. (послѣ паузы, вставъ съ мѣста и медленно прохаживаясь).

Какъ тоскливо кругомъ!.. Боже мой, съ приходомъ смерти неужели на душѣ можетъ сдѣлаться еще тоскливѣй!.. (Слышенъ легкій трескъ разсохшагося пола). Опять полы трещатъ... еще покойникъ будетъ... вчера такой сильный трескъ былъ,—вотъ тетя Варя умерла... это вѣрная примѣта, когда полы трескаются... непремѣнно кто нибудь изъ близкихъ умретъ... (Помолчавъ) Господи, какъ тоскливо кругомъ!..

ПОМАДОВЪ.

Я сегодня же буду съ нимъ говорить... Онъ долженъ согласиться...

АНАСТАСІЯ.

Никогда. (Пауза) Ты знаешь, я думаю скоро сниматься у фотографа.

ПОМАДОВЪ. (встрепенувшись).

Ага, это хорошо. Въ какомъ видѣ?

АНАСТАСІЯ.

Въ обыкновенномъ видѣ.

ПОМАДОВЪ.

Мнѣ кажется, къ тебѣ пойдетъ, если ты распустишь волосы...

АНАСТАСІЯ.

Вотъ глупости! я снимусь въ самомъ обыкновенномъ видѣ... совершенно просто. Мнѣ хочется, чтобъ у тебя осталось воспоминаніе обо мнѣ такой, какой ты всегда меня видишь... (Остановившись передъ нимъ со спокойнымъ видомъ). Вѣдь я скоро умру...

ПОМАДОВЪ.

Что?

АНАСТАСІЯ.

Я чувствую совершенно серьезно, что я скоро умру.

ПОМАДОВЪ. (съ растерянныимъ видомъ).

Что?.. какъ ты можешь... какъ ты можешь говорить такъ... какъ ты... ты... (Плачетъ, жалобно всхлипывая).

АНАСТАСІЯ (смущенная).

Ну вотъ!.. Мужчина и вдругъ плачетъ...

ПОМАДОВЪ (сквозь слезы).

Вотъ до чего ты меня доводишь...

АНАСТАСІЯ.

Перестань!.. Цѣлый день и такъ вижу однѣ слезы да слезы.

ПОМАДОВЪ (вытирая глаза).

Я цѣлыхъ три ночи не спалъ...

АНАСТАСІЯ.

Кто же тебѣ велѣлъ...

ПОМАДОВЪ (слезливо сморкаясь).

У тебя нѣтъ ни капли жалости... Какъ тебѣ не стыдно меня мучить... Я самъ себѣ такъ жалокъ... такъ жалокъ... (Всхлипываетъ). У тебя нѣтъ сердца...

АНАСТАСІЯ (прижимаясь къ нему).

Кроликъ, ну какъ ты можешь говорить такъ?

ПОМАДОВЪ (плача).

Ты злая... злая...

АНАСТАСІЯ (отъ всего сердца).

Кроликъ, я люблю тебя! Люблю, люблю, люблю!.. Вытри свои глазки... не плачь... Я не могу тебя видѣть несчастнымъ! (Цѣлуетъ его). Богъ дастъ все устроится какъ слѣдуетъ... мы съ тобой поженимся, будемъ жить припѣваючи, будемъ съ улыбкой вспоминать, какъ дрожали за свое счастье, какъ боялись, какъ ждали съ нетерпѣніемъ...

ПОМАДОВЪ (успокаиваясь).

Сегодня же буду говорить съ нимъ... Непремѣнно... Онъ долженъ убѣдиться наконецъ. Вѣдь иначе, ей-Богу, это ни на что не похоже... (Слышны шаги Чернушкина и Сидорова).

ЧЕРНУШКИНЪ (за сценой).

Тридцать пять аршинъ, а не тридцать. Вы, Сидоровъ, моложе меня, вамъ грѣхъ забывать. (Входитъ въ лѣвую дверь; за нимъ Сидоровъ). Меня обкрадываютъ и я начинаю убѣждаться въ этомъ все больше и больше. Настя, при послѣдней получкѣ

парчевой ленты, сколько оставалось прежней? Тридцать пять аршинъ или нѣтъ?

АНАСТАСІЯ (садясь за рабочій столикъ).

Не помню. (Прибираетъ недоконченный вѣнокъ и всѣ принадлежности работы въ шкафъ, оставивъ на столѣ цвѣты въ стаканѣ и гитару).

ЧЕРНУШКИНЪ (проходя въ магазинъ).

Ну вотъ-съ въ книгахъ мы увидимъ...

СИДОРОВЪ (слѣдуя за нимъ).

И увидите, что тридцать, а не тридцать пять.

ЧЕРНУШКИНЪ (роясь въ торговыхъ книгахъ).

Никогда... То есть что меня обжуливаютъ какъ хотятъ, я просто могу дать голову на отсѣченіе.

СИДОРОВЪ.

Дешево жизнь свою цѣните.

ЧЕРНУШКИНЪ (разсерженный).

Клянчить о прибавкѣ жалованья это всѣ сумѣютъ, гробы на скорую руку сшивать такъ, что доски того гляди расползутся,— это тоже всѣ сумѣютъ; а вотъ хозяйское добро приберечь, о хозяйскомъ добрѣ заботу имѣть, а-а—это другое дѣло, ужъ этого хоть тресни, а отъ нихъ не дождешься! (Отыскавъ въ книгахъ нужное, читаетъ, отчеканивая каждое слово). Желтой парчевой ленты тридцать, то есть... ну да, тридцать... тридцать аршинъ. Ахъ да! вѣрно! я остаточекъ тотъ, да, да, да, тотъ остаточекъ въ въ пять аршинъ съ вершкомъ, помните тотъ, что въ дѣло сейчасъ же и пошелъ... ну вотъ, я съ нимъ почему-то считалъ... Вѣрно, вѣрно, тридцать аршинъ... тридцать аршинъ...

СИДОРОВЪ.

Вотъ вы всегда такъ...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Нѣтъ, любезный другъ, при такой спѣшкѣ въ работѣ, какъ теперь, надо, что называется, смотрѣть въ оба, смотрѣть, какъ говорится, наблюдательнымъ окомъ...

СИДОРОВЪ (вынувъ изъ бокового кармана пиджака записку).

Вотъ... этого... я давешній счетецъ провѣрилъ въ аккуратѣ. (Передаетъ Чернушкину записку).

ЧЕРНУШКИНЪ.

Ага! (Просматриваетъ ее вмѣстѣ съ Сидоровымъ).

АНАСТАСІЯ (Помадову, стоящему около нея, шепотомъ).

Что ты скажешь о его здоровьѣ? (Киваетъ въ сторону Чернушкина).

ПОМАДОВЪ.

Кого? Отца?

АНАСТАСІЯ.

Ну да...

ПОМАДОВЪ.

Я же тебѣ говорилъ, что у него навѣрно ожирѣніе сердца, ну а съ этой бѣдой можно очень долго протянуть, надо быть только осторожнымъ... а онъ вотъ выпить иногда любитъ слишкомъ много...

АНАСТАСІЯ.

Еслибъ была на то моя воля, я бы, ни минуты не думая, передала нашъ магазинъ съ мастерской первому желающему, забрала бы денежки и уѣхала куда нибудь въ деревню, на свѣжій воздухъ, на чистый воздухъ. (Нюхаетъ цвѣты въ стаканѣ).

Ты знаешь, у Сидорова порядочно накоплено деньженокъ, онъ много заплатилъ бы за передачу. Я съ нимъ однажды разговорилась...

ПОМАДОВЪ.

Сидоровъ?

АНАСТАСІЯ. (Сидорову, который проходитъ изъ магазина въ лѣвую дверь).

Послушайте, господинъ Сидоровъ! (Сидоровъ подходитъ къ ней). Послушайте, вы хотѣли бы быть хозяиномъ... хозяиномъ-гробовщикомъ, имѣть свой собственный магазинъ, мастерскую?..

СИДОРОВЪ.

Хотѣлъ бы, а что?

АНАСТАСІЯ.

Нѣтъ такъ... ничего... Скоро у васъ сегодня работа окончится? Въ мастерской сегодня стучатъ какъ въ кузницѣ...

СИДОРОВЪ.

Скоро. (Отплевывается и уходитъ).

АНАСТАСІЯ. (послѣ паузы).

Темнѣетъ...

ПОМАДОВЪ.

Помочь тебѣ зажечь лампы?

АНАСТАСІЯ.

Спасибо, еще пожалуй рано... Я предпочитаю сумерки... У другихъ свѣтъ вноситъ веселье, а у насъ... Мнѣ противно смотрѣть на гробы, они мнѣ достаточно намозолили глаза... Ты знаешь, первая игрушка, которую мнѣ подарили, былъ маленькій картонный гробикъ, въ которомъ лежала куколка съ закрытыми глазами... Ахъ! меня хотѣли пріучить съ ранняго

дѣтства безразлично относиться къ смерти... Я привыкла, да!.. Я привыкла къ мысли о смерти... Смерть, скорый конецъ жизни,— я ни на минуту не могу забыться... Смерть, смерть, скоро смерть... скоро... скоро... Ахъ! какъ я хочу жить, жить по настоящему, взять отъ жизни всѣ блага, какія только въ ней есть, чтобы съ приходомъ смерти успѣть пресытиться... Смерть передъ моими глазами всегда, и я хочу торопиться, я тороплюсь, тороплюсь... (Чернушкинъ быстрыми шагами проходитъ черезъ переднюю комнату въ дверь налѣво).

ПОМАДОВЪ. (бѣжитъ за Чернушкинымъ).

Федоръ Ивановичъ!

ЧЕРНУШКИНЪ. (за сценой).

Сейчасъ, повремените!.. (Помадовъ подходитъ къ Анастасіи и цѣлуетъ ее нѣсколько разъ).

КУПЕЦЪ. (пожилой, толстый, краснощекій, входитъ въ магазинъ и останавливается у двери).

АНАСТАСІЯ. (подбѣгаетъ къ двери налѣво и кричитъ).

Въ магазинъ! (Обращаясь къ купцу). Сейчасъ! (Садится за столикъ и нюхаетъ цвѣты).

ПОМАДОВЪ. (тихо).

Господи, какъ хочется счастья!..

АНАСТАСІЯ.

Послѣ завтра будетъ ровно два мѣсяца, какъ мы съ тобой знакомы... Нѣтъ худа безъ добра,—не будь съ отцомъ сердечнаго припадка, или удара, какъ это называется, не живи ты по сосѣдству и не надоумь меня дворникъ послать за тобой, мы бы и по-сейчасъ не знали другъ друга... Скажи пожалуйста, что, если этотъ припадокъ повторится?

ПОМАДОВЪ.

Да...

АНАСТАСІЯ.

Ну что это... это... онъ можетъ умереть?..

ПОМАДОВЪ.

Видишь, этого нельзя сказать напередъ; бываютъ случаи, что...

ЧЕРНУШКИНЪ. (входитъ и раскланивается передъ купцомъ).

Чѣмъ могу служить?

КУПЕЦЪ. (говоритъ протяжно).

Да вотъ случай скверный привелъ меня... Господу Богу ужъ такъ видно угодно было... Да-съ. Племянникъ мой отличился.

ЧЕРНУШКИНЪ.

То есть какъ?

КУПЕЦЪ.

Умеръ.

ЧЕРНУШКИНЪ.

Да ужъ это точно, что отличился...

КУПЕЦЪ.

Приказалъ долго жить... Ничего не подѣлаешь... Всѣ мы умремъ.

ЧЕРНУШКИНЪ.

Совершенно вѣрно изволили замѣтить. Какъ тамъ ни разсуждай, а умереть всѣмъ суждено...

КУПЕЦЪ.

Гробъ-то ужъ вамъ заказанъ, его мамаша ужъ заказала вамъ, а я вотъ насчетъ вѣнка...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Не угодно ли! Милости просимъ... (Жестомъ приглашая его войти въ переднюю комнату). Вотъ есть на выборъ, а можно и приготовить... (Входятъ въ переднюю комнату). Не угодно ли!.. Простота и изящность... соотвѣтствіе душевному, такъ сказать, настроенію приносящаго даръ... Не угодно ли! Если не подходятъ эти, то можно на заказъ, можно очень хорошіе на заказъ.

КУПЕЦЪ. (показывая пальцемъ).

Вотъ этотъ большой вѣнокъ!

ЧЕРНУШКИНЪ.

Слушаю-съ. Тридцать рублей.

КУПЕЦЪ.

Все равно. Не торговаться пришелъ.

ЧЕРНУШКИНЪ.

Какую ленту прикажете? Можно черную съ золотыми буквами или, если хотите, съ серебряными. Виноватъ, сколько лѣтъ вашему сыну?

КУПЕЦЪ.

Тяпунъ вамъ на языкъ! Мой сынъ и не думалъ умирать!

ЧЕРНУШКИНЪ.

Виноватъ, простите ради Бога, оговорился...—вашему племяннику?..

КУПЕЦЪ.

На 15-мъ годочкѣ померъ.

ЧЕРНУШКИНЪ. (грустно кивая головой).

Такой молодой!.. Мнѣ кажется, слѣдуетъ бѣлую, чисто бѣлую, бѣлоснѣжную ленту, можно, если хотите, муаровую, и затѣмъ

золотыми буквами начертать: «безвременно скончавшемуся» или «незабвенному племяннику», или можно такъ «горячо любимому племяннику», а то просто «отъ убитаго горемъ дяди», или «безвременно скончавшемуся отъ искренно любящаго дяди», это очень сильно и, такъ сказать, трогательно...

КУПЕЦЪ.

Ну ужъ ежели печатать, такъ ужъ пусть полностью будетъ пропечатано; напишите такъ: (Чернушкинъ достаетъ записную книжку и, отойдя къ окну направо, пишетъ подъ диктовку) «дорогому, это значитъ, незабвенному и безвременно скончавшемуся племяннику Петру Ивановичу Иванову отъ нечаявшаго въ немъ души и убитаго горемъ дяди Ивана Ивановича Рыжикова».

ЧЕРНУШКИНЪ. (записавъ).

Очень хорошо, это очень сильно, выразительно и трогательно. Лента стоитъ восемь рублей, надпись четыре рубля.

КУПЕЦЪ.

Все равно. Сказалъ, что не торговаться пришелъ...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Слушаю-съ. Похороны послѣ завтра?

КУПЕЦЪ.

Послѣ завтра въ десять часовъ.

ЧЕРНУШКИНЪ.

Отлично.

КУПЕЦЪ.

Ну отличнаго тутъ мало...

ЧЕРНУШКИНЪ. (хихикая).

Простите, я не въ томъ смыслѣ... Виноватъ, благоволите задаточекъ оставить... половину если не затруднитъ... (Приглашаетъ его жестомъ въ магазинъ къ конторкѣ).

КУПЕЦЪ. (подходя къ конторкѣ и вынимая деньги).

Вотъ ужъ кого не думалъ хоронить, то есть и не мерещилось даже...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Всѣ мы подъ Господомъ Богомъ ходимъ...

КУПЕЦЪ.

Думалъ, что онъ меня хоронить будетъ, а вотъ какъ выходитъ.

ЧЕРНУШКИНЪ.

Пути Всевышняго, такъ сказать, неисповѣдимы...

КУПЕЦЪ. (передаетъ деньги).

Вѣдь такой молодой... 14 лѣтъ...

ЧЕРНУШКИНЪ. (пересчитывая деньги).

Неисповѣдимы, неисповѣдимы пути Всевыш... (Оборвавъ себя, говоритъ вкрадчивымъ тономъ). Виноватъ, благоволите еще пять рубликовъ, у насъ ужъ принято, такъ сказать, половину въ задатокъ...

КУПЕЦЪ.

Да что я сбѣгу отъ васъ?

ЧЕРНУШКИНЪ. (сладко улыбаясь).

Ужъ у насъ такъ принято, благоволите пожалуйста!..

КУПЕЦЪ. (передаетъ пятирублевку).

Нешто намъ повѣрить нельзя!

ЧЕРНУШКИНЪ. (взявъ деньги).

Благодарствуйте! Все будетъ готово какъ слѣдуетъ...

КУПЕЦЪ.

Мы и не такимъ кредитомъ пользуемся...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Помилуйте... Это просто такой ужъ порядокъ...

КУПЕЦЪ.

Порядокъ порядкомъ, кредитъ кредитомъ... Прощайте! (Подаетъ Чернушкину руку и степенно уходитъ).

АНАСТАСІЯ. (раскладывая карты на столикѣ, обращается въ полъ-голоса къ Помадову).

Погадаю, что то будетъ... Охъ, страшно!

ЧЕРНУШКИНЪ. (подойдя къ Анастасіи и Помадову).

Какъ вамъ понравился этотъ купецъ, а? Гонору какого нагналъ! Вѣдь на самомъ дѣлѣ это такой жмотъ, какого не приведи Господи встрѣтить! (Передразнивая купца) «не торговаться пришелъ».. ха, ха, ха.. Подумаешь,—сама щедрость ходячая. Эдакій дуракъ! Ну видѣли-ль вы что нибудь глупѣе этого: племянникъ его съ матерью чуть не съ хлѣба на квасъ перебивались, объ этомъ весь городъ знаетъ... Помогъ онъ имъ тогда?! Вѣдь этотъ скотъ десять племянниковъ можетъ содержать съ матерями! Кукишъ видѣли они отъ дядюшки! а теперь... тридцать рублей на вѣнокъ!.. «не торговаться пришелъ»!. (Смѣется). Ну на что теперь, я васъ спрашиваю, нуженъ его племяннику тридцатирублевый вѣнокъ, а?!. Ей, ей,

еслибъ такіе, какъ этотъ Рыжиковъ, писали бъ на лентахъ вѣнка вмѣсто «незабвенному, тамъ, дорогому и пр. такому-то», еслибъ они просто писали: «вотъ какой я, Рыжиковъ, хорошій человѣкъ и посмотрите, какой я купилъ дорогой вѣнокъ», ну право, они бы меньше грѣшили. (Прохаживается по комнатѣ быстрыми шагами, очень довольный самимъ собой).

АНАСТАСІЯ. (не прерывая гаданья).

Хорошо умереть. Такъ живешь неизвѣстнымъ, а умрешь,— въ газетахъ могутъ пропечатать; живаго часто къ чорту посылаютъ, а мертвому царствіе небесное желаютъ; при жизни ходишь замарашкой, а умрешь, одѣнутъ въ чистое платье; при жизни шляешься на своихъ на двоихъ, а умрешь,—того гляди на четверкѣ вороныхъ покатятъ; живешь,—напропалую ругаютъ, умрешь,—хвалятъ да жалѣютъ, вѣнки возлагаютъ, славятъ надгробными рѣчами... Охъ, лестно умереть!

ЧЕРНУШКИНЪ. (подойдя вплотную къ Помадову).

Живешь,—не цѣнятъ, въ грошъ зачастую не ставятъ, а умрешь, смотри-т-ка, какъ дорогъ вдругъ сдѣлаешься!

АНАСТАСІЯ. (потрясая тузомъ пикъ, кричитъ въ волненіи).

Тузъ пикъ!..

ЧЕРНУШКИНЪ.

Что ты кричишь?

АНАСТАСІЯ.

Нѣтъ; ничего... Я гадаю... такъ себѣ гадаю...

ЧЕРНУШКИНЪ. (продолжая разсуждать съ Помадовымъ).

Да-съ, милостивый государь. А что такое, я васъ спрашиваю, мертвый человѣкъ? Какая цѣна трупу! Знаете ли вы,

милостивый государь, во сколько одинъ ученый оцѣнилъ человѣческій трупъ?

ПОМАДОВЪ. (слушающій его довольно разсѣянно).

То есть что, я не понимаю...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Знаете-ли вы, милостивый государь, что одинъ ученый высчиталъ, сколько стоитъ человѣческій трупъ, и какъ вы думаете, какая ему оказалась цѣна! (Пауза). Три рубля шестьдесятъ шесть копѣекъ.

ПОМАДОВЪ.

Какъ такъ?

ЧЕРНУШКИНЪ.

А такъ, что 3 рубля 66 копѣекъ и ни копѣйки больше.

ПОМАДОВЪ.

Я не понимаю.

ЧЕРНУШКИНЪ.

Жира въ человѣческомъ трупѣ, годнаго на свѣчи, наберется не больше какъ на полтинникъ, за кожу его въ перчаточной мастерской еле-еле дадутъ трешницу, соли въ человѣческомъ организмѣ всего на всего на двѣ копѣйки, фосфору на семь, желѣза на четыре копѣйки, да костяной муки для удобренія не больше какъ на пятакъ; считайте!.. 3—рубля 66 копѣекъ (Анастасія бросаетъ гадать и уходитъ въ лѣвую дверь). Вотъ, милостивый государь, сколько по настоящему стоитъ человѣческій трупъ. Живому человѣку, коли онъ хорошій работникъ, и цѣны нѣтъ, а мертвому красная цѣна 3 рубля шесть гривенъ. А живому человѣку подчасъ рублишко пожалѣютъ, а мертвому въ 30 рублей вѣнокъ заказываютъ. Вотъ она, какъ говорятъ литераторы, иронія, такъ сказать, судьбы... Да-съ, милостивый государь, ничего не подѣлаешь... (Прохаживается по комнатѣ).

ПОМАДОВЪ.

Я не понимаю, позвольте, развѣ можно цѣнить трупъ на наши деньги!

ЧЕРНУШКИНЪ.

А на какія же прикажете?

ПОМАДОВЪ.

Но позвольте... мнѣ кажется, что нельзя же все оцѣнивать на деньги.. Я не понимаю, въ такомъ случаѣ околѣвшая овца стоитъ дороже мертваго человѣка, потому что изъ шкуры овцы можно сдѣлать тулупъ, а изъ человѣческой кожи нѣтъ!

ЧЕРНУШКИНЪ.

Совершенно вѣрно.

ПОМАДОВЪ.

Во первыхъ позвольте... я... Мнѣ кажется, что нельзя во первыхъ смотрѣть на все съ такой исключительно—матеріальной точки зрѣнія...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Матеріальной точки зрѣнія?! А позвольте васъ спросить, милостивый государь, что такое матерія и что такое духъ! Позвольте узнать, какая разница! Вотъ вы не прочли книжки, которую я вамъ далъ, а она бы васъ кой чему научила. Знаете-ли, философія это великое дѣло. (Останавливается передъ Помадовымъ). Что такое, я васъ спрашиваю, матерія и что такое духъ?! (Пауза).

ПОМАДОВЪ. (и не старавшійся отвѣтить на вопросъ Чернушкина, потираетъ нервно руки и, заикаясь, вкрадчиво обращается къ нему).

Федоръ Ивановичъ, я хотѣлъ... я хотѣлъ бы поговорить съ вами объ одномъ очень важномъ для меня вопросѣ.

ЧЕРНУШКИНЪ. (продолжая ходить).

Что такое?

ПОМАДОВЪ.

Простите, я отвлекся отъ нашего разговора... Вотъ видетели... собственно говоря... Настасія Федоровна, ваша дочь...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Говорите проще! Вы хотите на ней жениться? (Помадовъ молчитъ, какъ бы утверждая). Милостивый государь, вы ужъ разъ мнѣ дали объ этомъ понять всякими экивоками и помните, что я вамъ на это сказалъ?.. Я не могу согласиться на вашу женитьбу, и не могу по самымъ простымъ основаніямъ: моя дочь—слишкомъ молода, вы—слишкомъ бѣдны; выдать же ей приданое, то есть вынуть деньги изъ моего маленькаго оборотнаго капитала,—вы сами, надѣюсь, не считаете меня за сумасшедшаго. Безусловно вы очень симпатичный молодой человѣкъ, вы развлекаете мою дочь, мнѣ самому съ вами пріятно подчасъ потолковать и я лично противъ васъ ничего не имѣю, тѣмъ болѣе, что вы... ну если не спаситель моей жизни, то во всякомъ случаѣ вы привели меня въ чувство и помогли поправиться послѣ моего сердечнаго припадка. Вы не захотѣли тогда взять деньги,—я вамъ предложилъ, сколько могъ,—это ваше дѣло, но во всякомъ случаѣ упрекнуть меня въ неблагодарности тоже нельзя. Я конечно не говорю про то, что вы чуть не черезъ день у меня обѣдаете и что почти каждый вечеръ остаетесь ужинать. Я радъ быть гостепріимнымъ хозяиномъ, тѣмъ болѣе, что моя дочь не такъ скучаетъ, когда у насъ гости. Но, молодой человѣкъ, изъ того, что вы у насъ часто бываете, вы напрасно хотите заключить, что вы, такъ сказать, уже имѣете право считаться женихомъ. Я, конечно, не гадаю о блестящей партіи для моей дочери, хотя кто знаетъ, въ нашъ вѣкъ оригинальничанья и, такъ сказать, экстравагантности, все можетъ случиться. (Посмѣиваясь). Моя дочь не дурна собой; она умна для своихъ лѣтъ безусловно, кто знаетъ, можетъ быть явится какой нибудь заколдованный принцъ, который сочтетъ за счастье жениться на дочери гробовщика.

Все можетъ быть. Но во всякомъ случаѣ ей нуженъ мужъ, который могъ бы ее содержать, не такъ-ли!.. Ну вотъ видите!.. Какъ ужъ не разъ я вамъ докладывалъ, я философъ и на вещи смотрю совершенно трезво. Вамъ нравится моя дочь,— прекрасно; но развѣ изъ этого слѣдуетъ, чтобы я жертвовалъ, такъ сказать, ея счастьемъ, игралъ, если можно такъ выразиться, ея судьбой! Ужъ я не говорю о томъ, что моя дочь мнѣ вѣрный помощникъ въ дѣлѣ, помощникъ, которому я дѣйствительно могу довѣриться, который меня не надуетъ. Вы думаете, Сидорову я вѣрю? Чорта съ два! каналья онъ и больше ничего. Вотъ теперь настало холерное время. Знаете-ли вы, сколько приходится гробовъ отпускать, сколько вѣнковъ продавать! Знаете-ли вы, что при всей этой заготовкѣ самъ чортъ себѣ ногу сломитъ. Я какъ въ котлѣ киплю! Чортъ возьми, не будь моей дочери, меня-бы ободрали какъ липку. Она дѣлаетъ вѣнки, она принимаетъ всѣ матеріалы, она ведетъ провѣрку счетовъ, она занимается всѣмъ моимъ хозяйствомъ! Боже мой, Боже мой! Ну какъ вы этого не хотите понять?

ПОМАДОВЪ. (громко).

Но я люблю ее!

ЧЕРНУШКИНЪ.

Ахъ полноте! Вы думаете, что я не знаю, что такое любовь?! Милостивый государь, я въ своей жизни любилъ по крайней мѣрѣ двѣсти разъ, судите послѣ этого, знаю я, что такое любовь, или нѣтъ!.. Я съ вами говорю, какъ съ человѣкомъ разумнымъ; вамъ нравится моя дочь,—прекрасно. Но развѣ на моей дочери свѣтъ клиномъ сошелся? Развѣ на бѣломъ свѣтѣ мало такихъ, эдакихъ, такъ сказать, всякихъ барышень! Моя дочь ничего особеннаго изъ себя не представляетъ.

ПОМАДОВЪ.

Вы только что сказали, что ваша дочь не дурна собой и очень умна для своихъ лѣтъ.

ЧЕРНУШКИНЪ. (смѣется).

Совершенно вѣрно, но какому же отцу не нравится свое дѣтище! Мы, родители, всегда пристрастны къ нашимъ дѣтямъ и вѣрить намъ, строго говоря, вовсе не слѣдуетъ, если хотятъ узнать всю правду о нашихъ дѣтяхъ.

ПОМАДОВЪ.

Но я не понимаю...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Очень жаль, если не понимаете, но я кажется постарался объяснить какъ можно толковѣй. (Смотритъ на часы). Однако пора и магазинъ закрывать... (Кричитъ). Настя, Настя!..

ПОМАДОВЪ.

Но я все таки... Я собственно говоря...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Милостивый государь, меня вѣдь вы не переубѣдите. Я васъ уважаю, вы очень милый молодой человѣкъ, но... ничего не подѣлаешь! Въ жизни приходится считаться со всякаго рода обстоятельствами... т. е. рѣшительно со всякаго рода обстоятствами... (Сидоровъ входитъ изъ лѣвыхъ дверей). Ну что, на сегодня покончили?..

СИДОРОВЪ.

Покончили. Все готово. Рабочіе хотятъ съ вами потолковать маленько...

ЧЕРНУШКИНЪ.

О чемъ?

СИДОРОВЪ.

А вотъ насчетъ того, что теперь холерное время, работы дескать больно много...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Скажите, что завтра, завтра поговоримъ. Сегодня не время. Завтра.

СИДОРОВЪ.

Хорошо; а только они съ завтрашняго дня на новыхъ условіяхъ хотятъ работать. Они хотятъ по двадцати пяти копѣекъ прибавки на день.

ЧЕРНУШКИНЪ.

А въ шею они не хотятъ?

СИДОРОВЪ.

Не знаю, объ этомъ они ничего не говорили, а только что насчетъ работы, это вы сами знаете, что не только что по горло, а прямо подавиться можно. Вишь какъ сегодня поздно окончили!

ЧЕРНУШКИНЪ.

Завтра, завтра поговоримъ объ этомъ! Завтра!

СИДОРОВЪ (поворачиваясь уходить).

Хорошо.

ЧЕРНУШКИНЪ.

Вы, голубчикъ, этого, скажите мальчикамъ, чтобъ магазинъ закрыли.

СИДОРОВЪ (въ дверяхъ).

Хорошо.

ЧЕРНУШКИНЪ.

А сами вы можетъ быть поужинаете у меня, чѣмъ Богъ послалъ?

СИДОРОВЪ.

Хорошо.

ЧЕРНУШКИНЪ.

Такъ распорядитесь, чтобъ магазинъ-то закрыли!

СИДОРОВЪ.

Хорошо. (Уходитъ. Чернушкинъ подходитъ къ конторкѣ, вынимаетъ изъ «выручки» деньги и прячетъ въ бумажникъ. Помадовъ смотритъ въ окно, понуря голову).

ЧЕРНАЯ ДАМА (входитъ въ магазинъ неслышными шагами. Это высокая, худощавая женщина, красивая сложеньемъ и изящная въ движеніяхъ. Лица ея не видно,— она въ глубокомъ траурѣ. Останавливается въ тоскливой позѣ среди магазина и нервно вздрагиваетъ).

ЧЕРНУШКИНЪ. (спрятавшій деньги).

Сударыня, чѣмъ могу служить?

ЧЕРНАЯ ДАМА. (заливается громкимъ плачемъ).

ЧЕРНУШКИНЪ.

Ради Бога успокойтесь!.. Чѣмъ могу служить?

ЧЕРНАЯ ДАМА. (достаетъ изъ кармана скомканый батистовый платокъ, весь мокрый отъ слезъ, и прикладываетъ его къ глазамъ, не показывая своего лица).

Ахъ! Ахъ!.. Вы мнѣ должны сослужить ужасную службу. Вы мнѣ должны... вы мнѣ должны продать гробъ, гробъ для моего защитника, для моего кумира... (Она плачетъ громче прежняго). Онъ умеръ!.. Умеръ!.. Умеръ такой молодой, такой жизнерадостный! Умеръ, когда его ждали всѣ блага жизни.

ЧЕРНУШКИНЪ.

Сударыня... не прикажете-ли воды... садитесь пожалуйста, успокойтесь. (Предлагаетъ ей стулъ, она садится). Воля Божья, такъ сказать, ей всѣ должны покориться. Пути Всевышняго, такъ сказать, неисповѣдимы.

ЧЕРНАЯ ДАМА. (немного успокоившись).

Я любила своего мужа такъ, какъ никого не любила... Тотъ, кто зналъ его хоть немного, понимаетъ мою горечь... Боже мой!.. (Анастасія показывается въ дверяхъ; Помадовъ оборачивается и качаетъ отрицательно головой).

ЧЕРНУШКИНЪ.

Что же... здѣсь холера причиной, или...

ЧЕРНАЯ ДАМА.

Холера. Да, этотъ ужасный бичъ человѣчества. Онъ заболѣлъ и черезъ сутки его не стало... Да... умеръ... умеръ... (Плачетъ).

ПОМАДОВЪ. (подошедшей къ нему Анастасіи).

Онъ не согласенъ.

АНАСТАСІЯ.

Я говорила.

ПОМАДОВЪ.

Я золъ какъ звѣрь. (Оба смотрятъ въ окно, понуря головы; потомъ вслушиваются въ разговоръ Чернушкина съ дамой).

ЧЕРНУШКИНЪ.

Ради Бога успокойтесь!.. Я вполнѣ понимаю все ваше несчастье... Но воля Божья, такъ сказать...

ЧЕРНАЯ ДАМА. (перебиваетъ его и говоритъ очень скоро).

Мнѣ нуженъ самый красивый, самый дорогой гробъ. Я повезу его туда, на нашу родину. Мы вѣдь здѣсь проѣздомъ. Я получила разрѣшеніе его перевезти. Завтра къ вечернему поѣзду все должно быть готово. Надо задѣлать гробъ въ цинковый ящикъ,—такъ мнѣ сказали у полицмейстера. Только чтобъ завтра все было готово, иначе его здѣсь похоронятъ; держать его больше нельзя. Ради Бога, покажите мнѣ самый красивый гробъ!

ЧЕРНУШКИНЪ.

Неугодно-ли! (Приглашаетъ жестомъ въ переднюю комнату; она слѣдуетъ за нимъ; онъ показываетъ ей красивый гробъ, стоящій около шкафа, снимаетъ съ него крышку, смахиваетъ рукой пыль съ обшивки и подвигаетъ его немного впередъ). Вотъ самое лучшее, что я вамъ могу предложить. Двѣсти пятьдесятъ рублей,—цѣна крайняя.

ЧЕРНАЯ ДАМА.

Лучше нѣтъ?

ЧЕРНУШКИНЪ. (улыбаясь).

Нѣтъ, да и найти нельзя-съ. Самый лучшій... (Кричитъ). Настя или кто тамъ, дайте лампу!

ЧЕРНАЯ ДАМА.

Нѣтъ, не безпокойтесь, не надо. Я вѣрю вамъ. Такъ вотъ что, вы пожалуйста... Да! Я остановилась въ гостинницѣ «Европа», тамъ спросите жену присяжнаго повѣреннаго, или нѣтъ, однимъ словомъ тамъ, гдѣ покойникъ, комната номеръ, номеръ... ахъ я ничего не помню... Да! комната № 20; пожалуйста! Вѣдь вы на мѣстѣ будете запаивать, у насъ... (запинается) у меня въ комнатѣ будете запаивать гробъ?..

ЧЕРНУШКИНЪ.

Да ужъ придется у васъ пожалуй... Запайка и обшивка цинкомъ будетъ стоить не меньше сорока рублей. У насъ страшно много работы, видите-ли, и кромѣ того...

ЧЕРНАЯ ДАМА. (перебивая).

Хорошо. Стало быть все вмѣстѣ будетъ стоить 290 рублей?

ЧЕРНУШКИНЪ.

Совершенно вѣрно; видите-ли это вовсе не дорого, если принять во вниманіе, что рабочихъ рукъ у насъ совершенный, такъ сказать, недостатокъ и кромѣ того...

ЧЕРНАЯ ДАМА. (перебивая).

Ну хорошо. Вотъ! (Вынимаетъ изъ портмонэ деньги). Я могу вамъ заплатить теперь сто рублей, а остальныя деньги я вышлю когда пріѣду домой, то есть... ну такъ, я разсчитываю черезъ недѣлю... Да, черезъ недѣлю я вамъ вышлю остальныя...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Нѣтъ, сударыня, у насъ принято при заказѣ платить половину всей суммы, а при доставкѣ на мѣсто другую половину...

ЧЕРНАЯ ДАМА.

Да, но я не могу, просто не могу сейчасъ достать столько денегъ. Я вамъ вышлю, ну я, если хотите, я поторопюсь съ высылкой остальныхъ денегъ; даю вамъ слово.

ЧЕРНУШКИНЪ.

Сударыня, я не смѣю вамъ не вѣрить, но порядокъ, такъ сказать... Если угодно, то можно вамъ предложить другой гробъ, попроще...

ЧЕРНАЯ ДАМА. (страстно).

Нѣтъ, я хочу самый дорогой, самый лучшій. Да, самый лучшій! Вѣдь я навсегда, навѣкъ положу туда мое сокровище, моего бога!!! Ахъ! развѣ вы меня не понимаете?!

ЧЕРНУШКИНЪ.

Я вполнѣ васъ понимаю, но, сударыня... Я не знаю, вы можетъ статься, достанете здѣсь у кого нибудь въ долгъ покамѣстъ...

ЧЕРНАЯ ДАМА.

Я никого здѣсь не знаю, я здѣсь проѣздомъ...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Здѣсь у насъ въ городѣ много богатаго купечества...

ЧЕРНАЯ ДАМА.

Ахъ, да куда же я пойду! Когда же я успѣю!.. Поймите, если завтра не будетъ все готово, я принуждена буду похоронить его здѣсь, въ совершенно чужой мѣстности... Ну я умоляю васъ, возьмите эти сто рублей, ну войдите въ мое положеніе!

ЧЕРНУШКИНЪ.

Сударыня, возьмите гробъ попроще и тогда этихъ ста рублей хватитъ вполнѣ! (У оконъ магазина съ улицы появляются съ лѣвой стороны два мальчика, мастеровыхъ, съ желѣзными оконными рѣшетками, съ засовомъ и замками; одинъ изъ мальчиковъ отворяетъ дверь магазина и останавливается съ вопросительнымъ видомъ).

ЧЕРНАЯ ДАМА. (нервно вздрагивая).

Ахъ, вѣдь я вамъ объяснила! Еслибъ были средства, я воздвигла бы мраморный мавзолей и туда, въ золотомъ саркофагѣ, я помѣстила бы свое сокровище.

ЧЕРНУШКИНЪ. (увидѣвъ мальчиковъ въ дверяхъ).

Повремените! сейчасъ! (Смотритъ на часы). Простите, сударыня, но, не смотря на полное сочувствіе вашему горю, я не въ силахъ измѣнить правила отпуска предметовъ погребенія. Потрудитесь рѣшиться и... вы меня извините, если я васъ то-

роплю, но время, такъ сказать, закрывать магазинъ... мы имѣемъ право, такъ сказать, только до опредѣленнаго часа. (Мальчикъ закрываетъ дверь, выходитъ на улицу и, зѣвая и потягиваясь, перекидывается замѣчаніями со своимъ тоже сонным товарищемъ).

ЧЕРНАЯ ДАМА.

Ну будьте добрымъ! Не прибавляйте мнѣ еще горечи!.. Я такъ устала плакать...

ЧЕРНУШКИНЪ. (которому разговоръ начинаетъ надоѣдать).

Я предлагаю вамъ, какъ и сказалъ, за 40 рублей цинковую обшивку и запайку, а гробъ, такъ какъ вы жертвуете всего на всего сто рублей, будетъ стало быть стоить 60 рублей и будетъ очень приличный! Вѣдь и этотъ, сударыня, гробъ, что вы видите, тоже не драгоцѣнный саркофагъ.

ЧЕРНАЯ ДАМА.

Ну я васъ умоляю!..

ЧЕРНУШКИНЪ.

Сударыня, не будемъ терять даромъ времени! (Черная дама тихо и жалобно плачетъ).

АНАСТАСІЯ. (въ полъ-голоса Помадову).

Цѣлый день слезы, слезы... Боже мой...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Настя! Дай стаканъ воды!

АНАСТАСІЯ.

Сейчасъ. (Уходитъ въ лѣвую дверь).

ЧЕРНАЯ ДАМА. (плача).

Ну... приготовьте тогда какой хотите... какой хотите... какой хотите гробъ!.. (Суетъ Чернушкину сторублевку; тотъ беретъ). Запи-

шите, что № 20... гостинница «Европа»... № 20... (Чернушкинъ подходитъ къ конторкѣ, зажигаетъ спичку и, держа ее лѣвой рукой, записываетъ правой).

ЧЕРНАЯ ДАМА. (подходитъ къ конторкѣ, отдергиваетъ на секунду свой траурный покровъ и взглядываетъ на Чернушкина глазами, полными слезъ; ихъ взгляды встрѣчаются).

Не хорошо... (Плачетъ съ судорожными всхлипами).

АНАСТАСІЯ. (приноситъ ей стаканъ воды).

Выпейте пожалуйста! вотъ вода...

ЧЕРНАЯ ДАМА. (отпиваетъ, не переставая рыдать).

Спасибо... (Она немного успокаивается. Анастасія уноситъ стаканъ воды).

ЧЕРНУШКИНЪ. (передаетъ Черной дамѣ квитанцію).

Все будетъ готово. Благодарствуйте.

ЧЕРНАЯ ДАМА. (беретъ квитанцію и прячетъ ее въ карманъ вмѣстѣ съ платкомъ).

Досвиданія. (Уходитъ).

ЧЕРНУШКИНЪ. (Натянуто улыбаясь, съ выраженіемъ).

Прощайте! (Анастасія возвращается). Удивительно странная барыня.

АНАСТАСІЯ.

Ничего страннаго я не нашла.

ЧЕРНУШКИНЪ. (отворяетъ дверь магазина и кричитъ).

Запирайте! (Мальчики запираютъ съ улицы дверь магазина засовомъ, прикрѣпляютъ рѣшетки къ окнамъ, вѣшаютъ замки и уходятъ налѣво). Настя, у меня въ комнатѣ заправлена лампа? (Запираетъ изнутри входную дверь магазина на ключъ и беретъ подъ мышку торговыя книги).

АНАСТАСІЯ.

Заправлена. (Подходитъ къ Помадову).

ЧЕРНУШКИНЪ. (входитъ въ переднюю комнату и наглухо затворяетъ среднюю дверь передней комнаты).

Къ ужину все готово?

АНАСТАСІЯ.

Да, готово.

ПОМАДОВЪ. (подходя къ Чернушкину).

Прощайте!

ЧЕРНУШКИНЪ.

А что же на ужинъ не останетесь?

ПОМАДОВЪ.

Нѣтъ, спасибо, я уйду.

ЧЕРНУШКИНЪ.

Что такъ?

АНАСТАСІЯ. (Помадову, выразительно).

Оставайтесь!

ЧЕРНУШКИНЪ.

Куда вамъ торопиться-то?

ПОМАДОВЪ. (нерѣшительно).

Да торопиться мнѣ некуда, а такъ... вообще, собственно говоря...

АНАСТАСІЯ.

Ну, оставайтесь!

ЧЕРНУШКИНЪ.

Фу! вотъ усталъ я сегодня, то есть какъ каторжный!.. Да! чтобъ не забыть! У насъ Сидоровъ будетъ еще ужинать; всѣмъ хватитъ?

АНАСТАСІЯ.

Я думаю, да...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Ну я пойду къ себѣ призаняться. Когда Сидоровъ придетъ, будемъ ужинать. Что же ты не зажжешь лампы?!

АНАСТАСІЯ.

Я люблю сумерки.

ПОМАДОВЪ. (энергично).

Вы напрасно отказали этой дамѣ.

ЧЕРНУШКИНЪ.

Той, что была сейчасъ?

ПОМАДОВЪ.

Да. Ей можно было довѣрить. По всему было видно, что она честная.

ЧЕРНУШКИНЪ.

Я нисколько и не сомнѣваюсь въ ея честности, хотя чортъ ихъ знаетъ, никогда по внѣшнему виду нельзя узнать. Порядокъ, милостивый государь, долженъ остаться порядкомъ, и хоть тяжело, а поневолѣ, такъ сказать, отказываешь.

ПОМАДОВЪ.

Нѣтъ, нельзя всегда быть черствымъ. Сердце остается все-таки сердцемъ. Неужели она васъ не тронула?

ЧЕРНУШКИНЪ.

Предположимъ, тронула; ну такъ что же? Ахъ, молодой человѣкъ, такъ говорить, какъ вы, можетъ именно только молодой человѣкъ. Вотъ вы поживете, такъ тогда и поймете всѣ, такъ сказать, условія повседневной жизни. Я, милостивый государь, философъ, философъ, такъ сказать, въ полномъ смыслѣ этого слова, т. е. во всѣ моменты своей жизни. Да-съ. Знаете ли вы, молодой человѣкъ, сокровенныя тайны человѣческихъ отношеній? Знаете ли вы, милостивый государь (съ особеннымъ выраженіемъ), что счастье одного построено на несчастьѣ другого?

АНАСТАСІЯ. (про себя).

Охъ, старыя сказки! Вотъ надоѣлъ!.. (Уходитъ въ лѣвую дверь).

ЧЕРНУШКИНЪ. (все болѣе и болѣе увлекаясь).

Не спорю, на первый взглядъ это можетъ показаться страннымъ, невѣроятнымъ, но истина, милостивый государь, остается истиной: счастье одного построено на несчастьѣ другого. Не говоря уже про войны, про борьбу людей явную или скрытую, гдѣ счастье побѣдителей основывается на несчастьѣ побѣжденныхъ, возьмите, милостивый государь, такія сдѣлки, напримѣръ, какъ купля-продажа, гдѣ выгода одного вытекаетъ изъ невыгоды другого! Вездѣ и всегда счастье одного основывается на несчастьѣ другого! Да за примѣромъ недалеко ходить. Вотъ вы служите въ больницѣ, а что такое, милостивый государь, ваши врачи, фельдшера и всѣ ваши больничные служителя, какъ не лица, питающіеся на счетъ больныхъ, то есть на счетъ несчастья вашихъ ближнихъ! Вашъ кусокъ хлѣба, ваше все пропитаніе вы извлекаете изъ того факта, что есть такіе несчастные люди, которые требуютъ вашей помощи; не будь этихъ больныхъ, вы не имѣли-бъ заработка, то есть ваше личное счастье построено на чужомъ несчастьѣ. И все такъ...

ПОМАДОВЪ. (перебивая съ жаромъ).

Вы меня простите, вы ошибаетесь, многіе врачи совершенно даромъ лѣчатъ больныхъ, которые очень бѣдные.

ЧЕРНУШКИНЪ.

Прекрасно, но въ такомъ случаѣ они пріобрѣтаютъ славу добрыхъ людей, то есть опять же основываютъ свое счастье на несчастьѣ другихъ. Вѣдь такому добродѣтельному врачу, такому безсребреннику разумѣется всякій охотнѣе довѣрится, и ужъ богатые сумѣютъ такому человѣку въ свою очередь доказать свою безсребренность.

ПОМАДОВЪ.

Во-первыхъ, многіе лѣчатъ даромъ такъ, что объ этомъ никто и не знаетъ. (Во время ихъ разговора Анастасія накрываетъ круглый столъ скатертью и ставитъ на него 4 неприхотливыхъ прибора, колбасу, горчицу, хлѣбъ, соль, бутылку водки и 2 бутылки пива, нѣсколько разъ уходя и возвращаясь съ тѣмъ, что нужно).

ЧЕРНУШКИНЪ. (съ усмѣшкой).

Если объ этомъ никто не знаетъ, то откуда же вы объ этомъ знаете?

ПОМАДОВЪ.

Какъ откуда!.. Во-первыхъ... во-первыхъ многіе больные все таки проговариваются и... вообще... однимъ словомъ...

ЧЕРНУШКИНЪ. (перебивая).

Это ваше «все таки»—оно великолѣпно. «Все таки проговариваются», ну вотъ видите!.. Эхъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ! Ваша милая юность и ваше милое заблужденіе—они очаровательны. Знаете, — вы мнѣ нравитесь: вы мнѣ напоминаете мое дѣтство, далекое-далекое дѣтство,—я тогда тоже разсуждалъ, какъ и вы...

ПОМАДОВЪ. (обидчиво).

Не знаю, но по-моему во всякомъ случаѣ лучше...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Что лучше?

ПОМАДОВЪ.

Лучше быть добрымъ, чѣмъ злымъ...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Вы меня считаете злымъ?

ПОМАДОВЪ.

Я не говорю про васъ, а вообще...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Ахъ да, вообще. Ну, а что вы понимаете подъ зломъ и что подъ добромъ?

ПОМАДОВЪ.

То есть какъ, я не понимаю...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Что вы называете зломъ?

ПОМАДОВЪ.

Зломъ?.. То есть... Я не понимаю, мнѣ кажется... я не понимаю, по-моему зло и есть зло.

ЧЕРНУШКИНЪ.

То есть, что же это такое?

ПОМАДОВЪ.

Какъ что! Вообще что-нибудь нехорошее, дурное... Я не понимаю, собственно, что вы спрашиваете?

ЧЕРНУШКИНЪ.

Ну вотъ я васъ и спрашиваю, что вы считаете нехорошимъ и дурнымъ.

АНАСТАСІЯ.

Вовсе не глупости. (Помадовъ садится около круглаго стола и задумывается). Ты усталъ, бѣдненькій?

ПОМАДОВЪ.

Да... немного... мнѣ очень тяжело... я золъ... очень золъ...

АНАСТАСІЯ.

Надо было предвидѣть, что онъ не согласится... Хотя въ сущности наплевать... Кто знаетъ, что будетъ дальше... Теперь холера, все больше и больше смертей... Можетъ быть я умру и можетъ быть очень скоро...

ПОМАДОВЪ. (взволнованно).

Очень глупо такъ говорить, очень глупо. Ты меня еще больше разстраиваешь. Это очень нехорошо съ твоей стороны. Во первыхъ у тебя, если ты ужъ такъ вѣришь примѣтамъ, у тебя вовсе не такія частые зубы, а умираютъ въ ранней молодости только тѣ, у кого очень частые зубы. Да и вообще ты говоришь глупости,—холера можетъ очень скоро совсѣмъ прекратиться.

АНАСТАСІЯ.

Не знаю, не знаю, но мнѣ хочется скорѣе взять отъ жизни все, что только можно. Неужели я родилась затѣмъ, чтобы только мучиться!.. И вотъ теперь эта холера; ахъ, не говори, все можетъ случиться. Ахъ, я не хочу, не хочу умереть, не извѣдавши всей сладости въ этой жизни. Я хочу быть счастливой во что бы то не стало, ну хоть одинъ день, хоть нѣсколько часовъ я хочу быть счастливой! И я имѣю право, да, я имѣю полное право... Нѣтъ, я вѣрю въ справедливость... я вѣрю, что исполнится мое желаніе и тогда... тогда... ахъ какъ хорошо тогда будетъ. Боже мой, я съ ума сойду отъ радости! (Порывисто цѣлуетъ Помадова). Кроликъ, какъ хорошо тогда будетъ! Кроликъ, мой бѣдненькій кроликъ! (Осыпаетъ его поцѣлуями).

ПОМАДОВЪ. (вдругъ отстраняя ее).

Стой!.. Ахъ, какъ мнѣ страшно...

АНАСТАСІЯ.

Что съ тобой?..

ПОМАДОВЪ.

Неужели это такая ужъ правда?.. Неужели иначе и быть не можетъ?.. (Тихо-тихо). Счастье одного построено на несчастьѣ другого... (Громко). Неужели это непремѣнно такъ! (Закрываетъ лицо руками).

АНАСТАСІЯ.

Кроликъ, что съ тобой?..

ПОМАДОВЪ. (помолчавъ, встаетъ).

Нѣтъ, ничего... (Смотритъ пристально на Анастасію. Пауза). А что, если... (Останавливается на секунду). Боже мой!.. (Задумывается). Какъ странно!.. какъ все это странно!.. ((Сильный трескъ разсохшагося пола. Помадовъ вздрагиваетъ).

АНАСТАСІЯ. (обнявъ за шею Помадова вскрикиваетъ).

Ахъ!!!

ПОМАДОВЪ. (нервничая).

Не говори, не говори объ этомъ... Если случится, ну тогда... Какъ страшно мнѣ! Я пойду домой... Я пойду домой!

АНАСТАСІЯ.

Ну полно, кроликъ! Чего тутъ бояться! Ну сядь! (Сажаетъ его на стулъ, садится къ нему на колѣни и обцѣловываетъ). Я люблю тебя, кроликъ, я люблю, я такъ сильно люблю, я вся какъ въ огнѣ, не знаю даже, что со мной... Ну успокойся, не надо пугаться, не надо, мой кроликъ, мой бѣдненькій кроликъ... (Помадовъ неслышно плачетъ. Анастасія становится около него на колѣни, покрываетъ его руки поцѣлуями и страстно шепчетъ). Я люблю тебя, люблю, люблю, люблю, люблю. Я не знаю, какъ сказать тебѣ,

я не знаю другихъ словъ, не знаю, что со мной. Я для тебя на все готова, на все, на все... (Поднимается и цѣлуетъ его глаза). Ну не надо плакать, ну не надо, мой кроликъ. Поцѣлуй меня, ну скорѣй, скорѣй! (Помадовъ обнимаетъ ея талію, она склоняется надъ нимъ, съ нѣжностью держа его за голову. Долгій поцѣлуй. Трескъ пола).

ПОМАДОВЪ. (оторвавшись отъ поцѣлуя, спокойно).

Опять! (Печально) Господи!

АНАСТАСІЯ. (снова цѣлуя его).

Ну скажите, какой онъ у меня добренькій, какой славненькій! (Цѣлуетъ его волосы). Ахъ, какъ твои волосы вкусно пахнутъ! Кроликъ, какъ я люблю тебя! Нѣту словъ сказать, какъ я люблю тебя!.. Какія у тебя маленькія уши! Ахъ, я не знаю, что со мной. Какъ хорошо мнѣ сейчасъ! (Тихо смѣется, ластится, цѣлуетъ его, прижимается къ нему лицомъ, кусаетъ его ухо;—Помадовъ слабо вскрикиваетъ). Люблю, люблю, люблю тебя! Я съѣмъ тебя сейчасъ! Съѣмъ!.. (Цѣлуетъ его съ замѣтной усталостью). Я бъ хотѣла умереть... вотъ такъ... вмѣстѣ съ тобой, такъ хорошо, тихо—тихо умереть... безъ боли, безъ страха, безъ горечи... Ахъ, какъ я устала мучиться... (Садится на полъ у него въ ногахъ, держитъ его руку и смотритъ на него, полная истомы и сладострастья). Ну, скажи мнѣ что нибудь... Ну скажи скорѣй!.. (Пауза). Хотѣлъ бы ты умереть вмѣстѣ со мной?.. Любишь ты меня, ну скажи, любишь?..

ПОМАДОВЪ. (совсѣмъ раскисшій).

Люблю...

АНАСТАСІЯ.

Я не знаю... мнѣ такъ сладко и я такъ взволнована... Я бы хотѣла... ахъ я не знаю, у меня голова кружится, мнѣ совѣстно чего-то, я не понимаю, не знаю... я такъ взволнована... (Изъ внутреннихъ комнатъ доносится стукъ въ дверь. Анастасія вскакиваетъ, поправляетъ прическу и говоритъ съ лихорадочной поспѣшностью). Это Сидоровъ стучится. Милый, послѣ ужина... когда уйдешь... по-

дожди меня за дверями!!! отецъ скоро уляжется, заснетъ какъ убитый, я проведу тебя въ мою комнату,—ты никогда въ ней не былъ... мнѣ хочется чтобы ты посидѣлъ у меня ну хоть одну минуту... (Стукъ въ дверь слышнѣе). Ну я люблю тебя... ахъ, милый мой кроликъ...

ПОМАДОВЪ. (тяжело дышетъ).

Ну хорошо... Я приду!.. (Анастасія порывисто цѣлуетъ его и убѣгаетъ. Помадовъ закрываетъ лицо, глубоко вздыхаетъ, вынимаетъ дрожащими руками изъ кармана спички, зажигаетъ лампу и, усталый, опускается на стулъ. Слѣва слышны шаги, хлопанье дверями, нѣсколько невнятныхъ, отрывистыхъ фразъ).

СИДОРОВЪ. (одѣтый въ чистый пиджакъ, съ причесаными волосами входитъ, киваетъ головой Помадову и останавливается недалеко отъ дверей. Пауза).

Какъ... здоровье?

ПОМАДОВЪ.

Спасибо... хорошо.

АНАСТАСІЯ. (показывается въ дверяхъ, оглядываетъ заботливо столъ и исчезаетъ. Слышенъ скрипъ двери и торопливые шаги Чернушкина. Помадовъ привстаетъ).

ЧЕРНУШКИНЪ. (входя и пожимая руку Сидорову).

А, очень радъ, что не заставили себя долго ждать. Милости просимъ. Усаживайтесь! (Сидоровъ садится за столъ, спиной къ публикѣ). Очень радъ. (Помадову). Пожалуйста безъ церемоній! Милости просимъ! (Помадовъ садится на право отъ Сидорора, Чернушкинъ налѣво отъ него, противъ Помадова). Сначала по рюмочкѣ раздавимъ? (Сидорову). Прикажете? (Наливаетъ ему рюмку водки и обращается къ Помадову). А вамъ? Можно?

ПОМАДОВЪ.

Нѣтъ, спасибо.

ЧЕРНУШКИНЪ.

Да, вѣдь вы не пьете. (Наливаетъ себѣ).

ПОМАДОВЪ. (нѣсколько смущенный).

А то пожалуй позвольте попробовать!

ЧЕРНУШКИНЪ. (наливая Помадову).

Славная штука, попробуйте! (Всѣ чокаются и пьютъ). Закусочки не угодно-ли въ видѣ колбаски, такъ сказать! превосходная. (Подчуетъ; всѣ закусываютъ). Вотъ говорятъ, что водка приноситъ вредъ здоровью, а между тѣмъ это чистѣйшая ложь. (Наливаетъ Сидорову и обращается къ Помадову). Прикажете?

ПОМАДОВЪ.

Да, пожалуйста... хотя это, кажется, очень крѣпкая...

ЧЕРНУШКИНЪ. (наливаетъ себѣ и чокается).

Ваше здоровье! Ваше здоровье. (Всѣ пьютъ и закусываютъ). Если бы дѣйствительно водка приносила всѣмъ вредъ, то... Позвольте! я нарѣжу! (Рѣжетъ колбасу на ломтики). Настя что то поскупилась:.. Пожалуйста! Эта колбаса не слишкомъ солона и не слишкомъ прѣсна, въ самый разъ, такъ сказать... Я говорю, что все зависитъ отъ человѣка и его организма... безусловно! Слыхали-ль вы, напримѣръ, извѣстный разсказъ объ одномъ вельможѣ... (наливаетъ всѣмъ по рюмкѣ; снова чоканье, выпивка, закусыванье), который однажды увидѣлъ мужика... бѣлаго какъ лунь и... (Анастасія приноситъ на столъ остатки холоднаго пирога и уходитъ). А, пирожокъ! Господа, это остатки... но остатки сладки. Милости просимъ!.. (Всѣ берутъ по куску пирога). И такъ продолжаю. Надо вамъ сказать, что, несмотря на свою старость, мужикъ пахалъ землю. Прекрасно. Вельможа спрашиваетъ, сколько ему лѣтъ? Крестьянинъ отвѣчаетъ: «девяносто восемь». Тогда вельможа изумился и спросилъ, любитъ-ли этотъ

старикъ выпить? Тотъ отвѣчаетъ, что молъ съ измалѣтства ничего хмѣльного въ ротъ не беретъ. Вельможа тогда обращается къ своимъ приближеннымъ и говоритъ: «вотъ что значитъ трезвая жизнь, до какого, такъ сказать, преклоннаго возраста можетъ дожить человѣкъ». «А есть-ли у тебя,» спрашиваетъ, вельможа, «есть-ли у тебя, старина, кто нибудь изъ родственниковъ въ живыхъ». «Такъ точно, отвѣчаетъ, есть братъ».— «А сколько ему лѣтъ,» спрашиваетъ вельможа. «Да годочковъ сто восемь будетъ.» Тогда всѣ изумились и вельможа спросилъ, гдѣ можно увидѣть его брата. «Да вы его не найдете, говоритъ, онъ всю свою жисть по кабакамъ шляется, поди сейчасъ ужъ наклюкался и гдѣ нибудь въ канавѣ дрыхаетъ!» (Хохочетъ; за нимъ смѣются Помадовъ и Сидоровъ). Вотъ, милостивые, государи, неожиданное, такъ сказать, нравоученіе... «всю свою жисть по кабакамъ шляется»... Вотъ тутъ и говорите, и доказывайте, и спорьте. (Помадову). Ну вы, представитель, такъ сказать, медицины, что вы можете на это сказать?

ПОМАДОВЪ. (смѣется).

Налейте мнѣ еще рюмку водки! (Всѣ смѣются).

ЧЕРНУШКИНЪ. (смѣясь).

Ну вотъ видите, какой убѣдительный разсказъ! (Наливаетъ всѣмъ; всѣ пьютъ и закусываютъ. Анастасія приноситъ на столъ вареное мясо съ картофелемъ, откупориваетъ бутылку пива, садится и ѣстъ). Спасибо, Настенька, спасибо, милая... Господа, не обезсудьте, коли что не такъ, — у насъ прислуга загуляла. То есть вотъ народъ! Балуешь ихъ, заботишься о нихъ, обращаешься съ ними какъ съ людьми, думаешь какъ бы имъ этакъ получше жилось, анъ глядь! Кромѣ грубости, лѣни, отлыниванья отъ работы, ничего отъ нихъ не дождешься. Говорятъ «гумманность, необходима человѣчность»... Позвольте господа, все это очень хорошо, но вѣдь если кучеръ станетъ говорить лошади: «милая моя, такая—сякая немазаная, вези скорѣй пролетку, ужъ очень я тебя прошу, будь добренькой», — развѣ лошадь двинется съ мѣста!.. Вы, Сидоровъ, голубчикъ, такъ таки и скажите этимъ хамамъ мастеровымъ, что если они будутъ дурить, такъ имъ

же хуже будетъ. Я знаю, это мерзавецъ Василій ихъ наускиваетъ. Вы видѣли его паспортъ? Вы знаете, что у него тамъ прописано! Это называется «волчій паспортъ»!.. поняли? Это только по моей добротѣ онъ имѣетъ кусокъ хлѣба; гдѣ бы его съ такимъ паспортомъ стали держать? А что касается другихъ дуралеевъ, то... я вѣдь все помню! Двѣ пары бронзированыхъ ручекъ пропали и, не смотря на глупѣйшія оправданія Степки и Григорія, я все равно знаю и всегда передъ судомъ докажу, кто ихъ пропилъ. Вѣдь это повтореніе исторіи съ серебряными херувимами... ужъ кто одинъ разъ могъ польститься на такое дѣло, то во второй разъ ужъ нечего тутъ и говорить. Однимъ словомъ вы скажите, что я притяну къ суду и взыщу за все, то есть рѣшительно за все: и за сломанный рубанокъ, и за потерянныя стамески, за изгаженный аршинъ, исковерканныя скрѣпки, разорванный войлокъ, испакощеный станокъ, словомъ за все, за все! У меня все записано; рѣшительно все. Нахалы!.. Воображаютъ, что если ихъ держатъ, то это значитъ, что ими ужь такъ дорожатъ! Вы, Сидоровъ, голубчикъ, такъ имъ все и объясните. Я добрый человѣкъ, но если со мной по свински поступать, то... я человѣкъ, а не ангелъ... Пришла спѣшка въ работѣ, такъ неугодно-ли, обрадовались, съ хозяина ничего не жалко содрать! Я имъ пива выставляю, ласково обращаюсь, а они... Гм... Я умѣю цѣнить трудъ. Вотъ ты проработай какъ слѣдуетъ, покажи свое старанье, а тогда и проси. Обидѣть я никого не желаю... Вы имъ, Сидоровъ, такъ и объясните, то есть такъ вотъ и объясните; а если они сами вздумаютъ безпокоить меня, то... со мной вѣдь разговоры коротки! Ну, однимъ словомъ, вы понимаете... Кушайте пожалуйста! Еще рюмочку! (Наливаетъ Сидорову рюмку водки). Господа, кушайте безъ церемоній! Соловья баснями, такъ сказать, не кормятъ. Милости просимъ!.. (Подчуетъ. Всѣ берутъ по куску говядины). Картофелю, прошу покорно! Пожалуйста! (Подчуетъ). Огурчикъ бы хорошо сейчасъ покушать, эдакій зелененькій, сочный, чтобъ на зубахъ, что называется, похрустывалъ, да вотъ ничего не подѣлаешь, — холера! Я до огурцовъ большой охотникъ... (Сидоровъ пьетъ водку. Всѣ занимаются ѣдой). Что пивцо холодненькое? (Пробуетъ рукой бутылки пива). Что, Настя, скажи пожалуйста, Марѳа ничего не сказала, когда уходила?

АНАСТАСІЯ.

Ничего.

ЧЕРНУШКИНЪ. (наливаетъ всѣмъ пива и обращается къ Помадову).

А что вотъ я въ газетахъ читалъ и, такъ сказать, вообще вотъ слышалъ, скажите пожалуйста, смерть отъ холеры—это навѣрное очень мучительная смерть, такъ сказать?..

ПОМАДОВЪ. (замѣтно охмѣлѣвшій, говоритъ развязно).

Да, это очень мучительная смерть. ((Всѣ пьютъ вино и ѣдятъ). Вотъ одинъ у насъ вчера лавочникъ умиралъ, такъ просто жалко было смотрѣть на него. Родственники его собрались, всѣ плакали; а онъ имъ говоритъ: «бился я какъ рыба объ ледъ цѣлую жизнь, какъ въ котлѣ кипѣлъ, все старался скопить денегъ, жадничалъ, нажилъ очень много, а вотъ теперь умираю. И всѣмъ я отказывалъ въ помощи, никого не жалѣлъ, все копилъ деньги. А вотъ теперь умираю, меня никто не любитъ и выходитъ, что я скопилъ деньги для другихъ». И всѣ родственники стояли кругомъ и плакали. Очень жалко было смотрѣть.

ЧЕРНУШКИНЪ.

Нѣтъ, я васъ спрашиваю, сама смерть отъ холеры всегда бываетъ мучительная...

ПОМАДОВЪ.

Да, очень мучительная. За столомъ нехорошо сказать, а... очень мучительная. (Сидоровъ наливаетъ себѣ рюмку водки). Вообще умирать страшно.

ЧЕРНУШКИНЪ.

Ну нѣтъ, не говорите. Бываютъ примѣры и такіе примѣры, что мое почтеніе... (Прибавляетъ въ лампѣ огня). Все зависитъ, такъ сказать, отъ точки зрѣнія, какую себѣ точку зрѣнія усвоилъ человѣкъ... (Сидоровъ выливаетъ рюмку водки въ стаканъ пива и заливается пьянымъ хохотомъ. Чернушкинъ смѣется поощрительно).

ПОМАДОВЪ.

Что это вы?! Водку и пиво смѣшали вмѣстѣ?!..

ЧЕРНУШКИНЪ. (продолжая смѣятся).

И великолѣпно сдѣлали... То есть великолѣпно... (Сидоровъ пьетъ). Сразу видно, что былъ военнымъ человѣкомъ. Пить, такъ пить! Правильно. Настя, принеси-ка еще бутылочку! Тамъ, въ корзинѣ, еще двѣ бутылки осталось.

АНАСТАСІЯ. (вставая).

Одна бутылка.

ЧЕРНУШКИНЪ.

Одна?

АНАСТАСІЯ.

Одна.

ЧЕРНУШКИНЪ.

Ахъ да, совершенно вѣрно. Ну, принеси скорѣй! (Анастасія уходитъ). Вотъ эта Мареа, мерзавка, уйти ушла, а сколько она хлопотъ этимъ причинила, ей до того и дѣла нѣтъ. То есть вотъ народъ!.. Э-э-эхъ!.. Что же вы, господа, такъ плохо кушаете?.. Такая, такъ сказать, молодежь и такой плохой аппетитъ! (Подливаетъ Сидорову пива). Такъ вы, голубчикъ Сидоровъ, исполните то, что я прошу васъ? Вы понимаете, я человѣкъ добрый, но справедливость справедливостью. (Наливаетъ себѣ водки и пьетъ). И кто, въ самомъ дѣлѣ, могъ подумать, что холера, такъ сказать, и къ намъ заглянетъ! А сколько жертвъ, Боже мой, сколько жертвъ!.. Мать хоронитъ сына, дочь хоронитъ отца;—ужасно. За грѣхи людскіе Богъ послалъ это бѣдствіе! Если холера будетъ свирѣпствовать съ такой силой какъ теперь, помяните мое слово, отъ нашего города черезъ недѣлю не останется ни души, то есть положительно ни души!..

ПОМАДОВЪ.

И вы тогда прогорите и вылетите въ трубу. (Всѣ смѣются) Или... или сами себя похороните!..

ЧЕРНУШКИНЪ. (смѣясь).

Кто знаетъ, кто знаетъ, пути Всевышняго, такъ сказать, неисповѣдимы, то есть положительно неисповѣдимы... (Анастасія приноситъ бутылку пива и откупориваетъ). А, вотъ и пивцо! Холодненькое?.. (Беретъ бутылку и всѣмъ наливаетъ). Хорошая штука пиво! Хоть и нѣмецъ изобрѣлъ, а все таки хорошая штука... (Всѣ пьютъ). Я думаю, впрочемъ, что Мареа придетъ, ты какъ думаешь, Настя?

АНАСТАСІЯ.

Не знаю.

ЧЕРНУШКИНЪ.

Бѣдненькая, ты устала?

АНАСТАСІЯ.

Нѣтъ. (Встаетъ). Убирать что лишнее?

ЧЕРНУШКИНЪ.

Господа, говядинку не доѣдите? Милости просимъ!

ПОМАДОВЪ.

Нѣтъ, спасибо.

ЧЕРНУШКИНЪ. (Сидорову).

А вы, голубчикъ?.. (Пауза. Сидоровъ, совершенно пьяный, встаетъ качаясь и протягиваетъ руку Чернушкину). Что это вы ужъ уходите? (Сидоровъ кланяется всѣмъ, спотыкается и торопится къ двери). Позвольте я... я васъ провожу... (Встаетъ и, поддерживая Сидорова, уходитъ вмѣстѣ съ нимъ).

АНАСТАСІЯ.

Слава Богу!

ПОМАДОВЪ. (обнимаетъ ее и цѣлуетъ).

Люблю тебя!..

АНАСТАСІЯ.

Кроликъ мой, кроликъ! (Вдругъ отстраняетъ его, беретъ графинчикъ водки и наливаетъ ее въ стаканъ пива Чернушкина).

ПОМАДОВЪ.

Что ты дѣлаешь?..

АНАСТАСІЯ.

Онъ крѣпче уснетъ.

ПОМАДОВЪ.

Но послушай...

АНАСТАСІЯ.

Чш... (Слышны хлопанье дверью и шаги Чернушкина. Помадовъ садится на свое мѣсто. Анастасія ставитъ блюдо съ говядиной на тарелки изъ подъ пироговъ и уноситъ, столкнувшись въ дверяхъ съ Чернушкинымъ).

ЧЕРНУШКИНЪ. (входя).

Охъ, этотъ Сидоровъ! работаетъ до отвалу, но и выпить любитъ! (Садится) Вѣдь эдакую штуку выдумалъ! Пиво съ водкой смѣшать! Да это слона съ ногъ свалитъ!.. (Пьетъ залпомъ свой стаканъ). Ей-ей слона съ ногъ свалитъ!.. А что вы такъ плохо пьете? А? Чортъ знаетъ, придетъ эта Мареа или нѣтъ?! Я думаю, придетъ. Вотъ дурища! (Прибавляетъ въ лампѣ огня). Вотъ вы говорите, смерть страшная молъ штука... а я говорю, что все зависитъ отъ точки зрѣнія... Безусловно. (Входитъ Анастасія, прибираетъ со стола и уходитъ). Одинъ величайшій мудрецъ Индіи сказалъ слѣдующее: «дитя, когда ты являешься на свѣтъ, всѣ вокругъ тебя улыбаются, а ты плачешь; когда

же ты будешь покидать этотъ свѣтъ, сдѣлай такъ, чтобы всѣ вокругъ тебя плакали, а ты бы улыбалось». Вотъ, милостивый государь, настоящая мудрость! И мнѣ остается только воскликнуть вмѣстѣ съ этимъ мудрецомъ: «блаженъ небоящійся смерти!»

ПОМАДОВЪ. (вспыхнувъ).

Блаженъ, кого будутъ оплакивать...

ЧЕРНУШКИНЪ. (наливаетъ себѣ пива).

Я, милостивый государь, не боюсь смерти... то есть нисколько... Я представляю себѣ смерть въ видѣ, такъ сказать, могущественной женщины, въ видѣ, такъ сказать, мрачной неизбѣжности, въ видѣ царицы, властной надо всѣми, не исключая и царей земныхъ. Я представляю себѣ смерть въ видѣ поэтичнаго, такъ сказать... образа. Да-съ, милостивый государь, вы считаете меня матеріалистомъ, но... я вовсе не чуждъ, такъ сказать, поэтичныхъ взглядовъ. Да-съ, я не боюсь смерти! Смерть это есть, такъ сказать, удѣлъ всякаго, то есть рѣшительно всякаго человѣка... (Входитъ Анастасія). Послушай, Настя, что Мареа не пришла?

АНАСТАСІЯ.

Нѣтъ. (Снимаетъ осторожно скатерть изъ подъ лампы, бутылки пива и двухъ недопитыхъ стакановъ и уходитъ).

ЧЕРНУШКИНЪ.

Какъ сильно привыкаетъ человѣкъ къ другому человѣку. Вотъ я знаю, что Мареы нѣтъ и мнѣ это непріятно... то есть я хочу сказать,—пустота какая то чувствуется... хе, хе, хе... она дѣвка всетаки славная, привыкъ я къ ней... хе, хе, хе... (Лампа замѣтно гаснетъ). Что это лампа! гаснетъ что-ли? Или это кажется такъ, а?.. (Лѣниво допиваетъ стаканъ пива и откидывается на спинку кресла). Я думаю, придетъ... обидѣлась на меня... глупости... вѣдь вотъ народъ!.. (Входитъ Анастасія). Настя, что это, лампа плохо заправлена что-ли? А?.. какъ будто гаснетъ!

АНАСТАСІЯ.

Горѣлка такая скверная. (Дѣлаетъ Помадову знаки уходить).

ЧЕРНУШКИНЪ.

Да, такъ я вотъ этого хотѣлъ сказать насчетъ варенья и маринада... Что это, какъ будто кто-то тамъ постучался... можетъ быть это Мареа! Позови ее ко мнѣ!

АНАСТАСІЯ.

Никто не стучался.

ЧЕРНУШКИНЪ.

Посмотри! (Анастасія уходитъ). Я сегодня спокойно спать могу... Застраховалъ! Пусть горитъ,—ничего не боюсь!.. А Мареа придетъ, потому что я ей разсчета не далъ... (Умывается). Славная дѣвка... дородная дѣвка... Дура она, лѣнтяйка... а породистая дѣвка... здоровая, кровь съ молокомъ... А лампа гаснетъ... или это кажется... Я человѣкъ добрый... а меня считаютъ злымъ... дураки... и мерзавцы... да, сами мерзавцы... а я не злой... я честный, а меня обкрадываютъ... жулики!.. Я не ма... матеріалистъ, а деньги всякому нужны... Я потомъ разбогатѣю, скоро разбогатѣю, хорошій ресторанъ... открою... это выгодно... да, выгодно и... и вкусно... хорошій ресторанъ... и органъ будетъ играть... всѣ будутъ ко мнѣ ходить... а Мареа горничной останется... Настя у стойки торговать будетъ... а я читать буду... я люблю философскіе книги, я самъ философъ, а что я выпить люблю, такъ это... это... многіе великіе люди тоже выпивали... очень многіе. (Помадовъ безшумно встаетъ, беретъ съ подоконника фуражку и снова садится за столъ). Я хорошій человѣкъ... я честный... мошенники всѣ... мерзавцы... (Кладетъ локти на столъ, грузно на него наваливается и говоритъ невнятно). Я работаю... а другіе лѣнтяи... подлецы... прохвосты... мерзавцы... мерзавцы... (Засыпаетъ. Анастасія появляется въ дверяхъ и манитъ Помадова. Огонекъ лампы то вспыхиваетъ, то замираетъ. Помадовъ на цыпочкахъ крадется къ двери и останавливается. Чернушкинъ издаетъ легкій храпъ. Анастасія и Помадовъ скрываются за дверью...)

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ III.

Тамъ-же. Чернушкинъ спитъ за круглымъ столомъ; лампа вспыхиваетъ и гаснетъ;—полная темнота. Пауза. Молчаніе незамѣтно переходитъ въ невнятный говоръ, уличный шумъ, погребальный звонъ, топотъ ногъ, хлопанье дверями. Сцена озаряется дневнымъ свѣтомъ; *) широкія двери, ведущія въ магазинъ, открыты настежъ, дверь на улицу безъ засова, съ оконъ сняты рѣшетки; Чернушкинъ стоитъ за конторкой, передъ нимъ нѣсколько заказчиковъ, Анастасія сидитъ за столикомъ, изрѣдка поигрывая на музыкальной шкатулочкѣ; на кругломъ столѣ гитара и бутылка пива со стаканами).

ЧЕРНУШКИНЪ. (1-му заказчику).

Все будетъ готово, не безпокойтесь! Честь имѣю кланяться... (1-й заказчикъ уходитъ) очень благодаренъ.

2-ой ЗАКАЗЧИКЪ.

Мнѣ пожалуйста вѣнокъ недорогой! Моя мать скончалась. Мы бѣдные люди.

ЧЕРНУШКИНЪ.

У насъ есть готовые вѣнки. (Кричитъ) Настя, покажи вѣнки!.. (2-ой заказчикъ входитъ въ переднюю комнату, Анастасія показываетъ ему вѣнки, онъ выбираетъ, беретъ вѣнокъ и входитъ въ магазинъ).

3-ій ЗАКАЗЧИКЪ.

Позвольте лютеранскій гробъ заказать!

ЧЕРНУШКИНЪ.

Слушаю-съ. Вамъ желательно сплошь обтянутый чернымъ кретономъ? (Сидоровъ входитъ и сообщаетъ что-то на ухо Анастасіи).

2-ой ЗАКАЗЧИКЪ. (Чернушкину).

Позвольте расплатиться! Вотъ я этотъ вѣнокъ выбралъ.

---

*) Слѣдующая часть пьесы, до исчезновенія черной дамы включительно, ведется при опущенномъ у авансцены тюлевомъ занавѣсѣ.

ЧЕРНУШКИНЪ.

Пять рублей крайняя цѣна. (II-ой заказчикъ расплачивается и уходитъ, Сидоровъ подходитъ къ Чернушкину и что-то шепчетъ ему на ухо; Анастасія заглядываетъ въ дверь налѣво; одна изъ заказчицъ громко плачетъ).

4-ЫЙ ЗАКАЗЧИКЪ.

Пожалуйста, примите скорѣй заказъ, я очень тороплюсь.

ЧЕРНУШКИНЪ.

Всѣ торопятся. (Сидоровъ скрывается. Чернушкинъ просматриваетъ торговую книгу).

АВДѢЙ. (входитъ и кланяется Анастасіи).

Бонжуръ съ реверансомъ. (Подходитъ къ ней, гримасничаетъ и жестикулируетъ).

ЧЕРНУШКИНЪ. (3-ему заказчику).

Будетъ стоить по второму разряду двѣсти рублей. (Входитъ, куря трубку, Михаилъ, заглядываетъ въ магазинъ и скрывается).

3-ій ЗАКАЗЧИКЪ. (вручая деньги Чернушкину).

Вотъ задатокъ!

ЧЕРНУШКИНЪ.

Благодарю. Прощайте! (3-ій заказчикъ уходитъ).

4-ЫЙ ЗАКАЗЧИКЪ.

Что, можно у васъ заказать надгробный памятникъ? Мой отецъ, котораго я такъ любилъ...

ЧЕРНУШКИНЪ.

Вы не туда попали. Если угодно, то у насъ вы можете получить вѣнки изящной работы съ трогательной надписью на лентѣ.

4-ый заказчикъ.

Прощайте!

Чернушкинъ.

Прощайте! (Молоденькой заказчицѣ). Что прикажите, барышня?

Молоденькая заказчица.

Моя подруга скончалась... отъ холеры...

Чернушкинъ.

Ахъ, бѣдная, бѣдная... Нѣтъ ничего ужаснѣе смерти въ молодые годы. У насъ много прекрасныхъ вѣнковъ. (Слышенъ похоронный маршъ приближающагося хора военной музыки. Заказчики выходятъ съ любопытствомъ изъ магазина и, смѣшавшись съ толпою передъ его дверью и окнами, закрываютъ видъ на улицу. Анастасія слѣдуетъ ихъ примѣру; Авдѣй пьетъ пиво. Слышно, какъ передъ окнами магазина проходятъ солдаты-музыканты и большая толпа. Общій говоръ и сутолока. Лишь только военная музыка затихаетъ, Авдѣй подъ аккомпаниментъ гитары горланитъ: «Разъ красотка молодая, вечеркомъ одна гуляя и пр.» Чернушкинъ стремительно кидается въ магазинъ).

Чернушкинъ.

Мерзавецъ! Ты съ ума сошелъ тутъ безобразничать! (Авдѣй продолжаетъ пѣть; Чернушкинъ вырываетъ у него гитару и суетъ ее Сидорову, проходящему изъ магазина въ дверь налѣво). Здѣсь не мѣсто! Понялъ, болванъ! (Сидоровъ беретъ гитару и уходитъ. Толпа передъ магазиномъ понемногу разсѣивается). Ты отчего не на работѣ? Пьянствуешь? Въ участокъ захотѣлъ?

Авдѣй. (рыча, замахивается на Чернушкина рукой, вооруженной большимъ кинжаломъ).

Чернушкинъ. (прижатый къ стѣнѣ, кричитъ).

Карраулъ!.. Карраулъ!.. (Появившійся въ дверяхъ Сидоровъ схватываетъ Авдѣя, обезоруживаетъ его и уводитъ въ дверь налѣво). Поли-

ція! Полиція! Карраулъ!. (Бѣжитъ въ магазинъ; передъ нимъ выростаетъ полицейскій чинъ и подаетъ ему казенный пакетъ).

ЧЕРНУШКИНЪ.

Что это за бумага?

ПОЛИЦЕЙСКІЙ ЧИНЪ.

Повѣстка. Вы Федоръ Ивановичъ Чернушкинъ?

ЧЕРНУШКИНЪ.

Я.

ПОЛИЦЕЙСКІЙ ЧИНЪ.

Васъ вызываютъ немедленно въ полицейское управленіе.

ЧЕРНУШКИНЪ.

Что такое! зачѣмъ? (Вскрываетъ и читаетъ повѣстку).

ПОЛИЦЕЙСКІЙ ЧИНЪ.

Три гроба вашей работы развалились лишь только въ нихъ положили покойниковъ. Духовенство возмущено. Полицмейстеръ требуетъ васъ къ себѣ. (Скрывается).

ЧЕРНУШКИНЪ. (ему вслѣдъ).

Я не виноватъ! Ей Богу, я не виноватъ. (Бѣжитъ въ переднюю комнату). Сидоровъ! Сидоровъ!

МАРѲА. (въ затрапезномъ платьѣ, босая, выходитъ изъ лѣвыхъ дверей).

Его сейчасъ нѣтути, онъ вышелъ куда-то. Обѣдать скоро будете?

ЧЕРНУШКИНЪ.

А! Вернулась голубушка! (Прячетъ въ карманъ повѣстку). Такъ-то ты себя ведешь?! Хорошо, нечего сказать!

МАРѲА.

Простите, баринъ!

ЧЕРНУШКИНЪ.

Прощенья просишь?.. Что?!. У меня худо, а опять ко мнѣ воротилась! (Мареа кланяется ему въ ноги). Сѣчь-бы тебя слѣдовало!.. разложить бы въ натурѣ и высѣчь! Всю бы дурь отъ головы оттянуло. (Мареа цѣлуетъ его руку). То-то, страмница, припожаловала! Будешь цѣнить мою доброту? (Слѣва изъ мастерской доносится гулъ недовольства).

СИДОРОВЪ (за сценой).

Успокойтесь, черти! Аль безъ куска хлѣба захотѣли остаться? Нишкни, дьяволы! (Мареа цѣлуетъ руку Чернушкина, убѣгаетъ черезъ магазинъ на улицу и исчезаетъ. Лѣвая дверь отворяется, у порога тѣснятся нѣсколько мастеровыхъ съ озлобленными лицами. Сидоровъ входитъ стремительно слѣва и подходитъ къ Чернушкину. Конфиденціально). Они требуютъ четвертакъ на день прибавки.

ОДИНЪ ИЗЪ МАСТЕРОВЫХЪ.

Коль не прибавите четвертака на день платы, прощайте.

ЧЕРНУШКИНЪ.

Ни копѣйки не прибавлю.

МАСТЕРОВЫЕ (въ одинъ голосъ).

Давайте разсчетъ! (Магазинъ мало-по-малу наполняется заказчиками).

ЧЕРНУШКИНЪ.

Я вычту за все, что испакощено, за все, что потеряно.

МАСТЕРОВЫЕ (единодушно, съ азартомъ).

Плевать!

ЧЕРНУШКИНЪ.

Я притяну къ суду виновныхъ!

МАСТЕРОВЫЕ.

Плевать!.. Давайте разсчетъ!

ОДИНЪ ИЗЪ МАСТЕРОВЫХЪ.

Теперь холера.

ЧЕРНУШКИНЪ.

Самъ ты холера. (Увидѣвъ магазинъ почти наполненнымъ заказчиками). Гривенникъ прибавлю, да и то не за что!

МАСТЕРОВЫЕ.

Четвертакъ!

ЧЕРНУШКИНЪ.

Пятіалтынный!

МАСТЕРОВЫЕ.

Четвертакъ!

ЧЕРНУШКИНЪ. (рѣзко).

Пятіалтынный!

МАСТЕРОВЫЕ.

Четвертакъ!

ОДИНЪ ИЗЪ МАСТЕРОВЫХЪ.

Теперь холера!

ЧЕРНУШКИНЪ.

Самъ ты холера! (Хрипло). Двугривенный!

МАСТЕРОВЫЕ.

Четвертакъ!

ЧЕРНУШКИНЪ. (вкрадчиво).

Двугривенный!

МАСТЕРОВЫЕ.

Четвертакъ!

ЧЕРНУШКИНЪ. (совсѣмъ ласково).

Ну! двугривенный!

МАСТЕРОВЫЕ.

Четвертакъ!

ЧЕРНУШКИНЪ. (увидѣвъ магазинъ набитымъ биткомъ заказчиками).

Чш... Ну! скорѣй за работу!

МАСТЕРОВЫЕ.

Четвертакъ!

ЧЕРНУШКИНЪ.

Ладно!.. Черти! (Бѣжитъ къ конторкѣ. Мастеровые исчезаютъ).

СИДОРОВЪ. (останавливаетъ Чернушкина на порогѣ широкой двери).

Надо еще троихъ нанять. Вишь сколько народу навалило!

ЧЕРНУШКИНЪ.

Ахъ, оставьте пожалуйста!

СИДОРОВЪ.

Нашимъ однимъ не справиться!

ЧЕРНУШКИНЪ.

Потомъ поговоримъ, потомъ. (Сидоровъ исчезаетъ. Среди заказчиковъ слышенъ плачъ, стоны. Чернушкинъ протискивается къ конторкѣ и говоритъ повышеннымъ голосомъ). Господа, въ виду чрезмѣрности, такъ сказать, заказовъ и исключительныхъ обстоятельствъ, я

принужденъ повысить немного цѣны. Прошу не задерживать, господа, излишними объясненіями. Кто пришелъ первый? Господа, не тѣснитесь такъ! всѣ успѣютъ, то есть всѣ рѣшительно успѣютъ... Кто первый, господа? Пожалуйста по порядку! (Темнѣетъ; за сценой слышны крики: «пожаръ, пожаръ, горимъ!» Погребальный звонъ переходитъ въ набатъ. Заказчиковъ охватываетъ паника: съ гуломъ и выкриками они выбѣгаютъ изъ магазина).

АНАСТАСІЯ (выбѣгаетъ стремительно изъ лѣвой двери и, вбѣгая въ магазинъ, кричитъ Чернушкину).

Пожаръ! въ нашемъ домѣ пожаръ! (Слѣва, черезъ раскрытую ею дверь сцена озаряется зловѣщимъ краснымъ свѣтомъ).

ЧЕРНУШКИНЪ (удерживая ее).

Не бойся! Слава Богу, все застраховано! Бери торговые книги, я возьму выручку. Держи! (Передаетъ Анастасіи книги, вынимаетъ изъ ящика деньги и прячетъ въ карманы. Слышны звуки трубы голопирующаго вѣстового—пожарнаго. Изъ лѣвой двери выбѣгаетъ обезумѣвшая отъ страха Мареа съ загорѣвшимся подоломъ и, голося во всю мочь, убѣгаетъ на улицу. Съ грохотомъ подъѣзжаетъ пожарная команда).

ЧЕРНУШКИНЪ (кричитъ съ напускнымъ отчаяніемъ).

Спасайте что можно, спасайте что можно! (Кидается вмѣстѣ съ Анастасіей въ переднюю комнату и роется въ шкафу). Береги торговыя книги! Не бойся, Настя! Богъ не безъ милости. (Изъ лѣвой двери вылѣтаютъ огненные языки. Дымъ наполняетъ комнату; пожарные вбѣгаютъ черезъ магазинъ и окно передней комнаты; гулъ, суматоха, шумъ воды, вырывающейся изъ пожарной кишки. Огненные языки исчезаютъ, пожарные скрываются за сценой... дымъ разсѣивается, красный отсвѣтъ пропадаетъ, все притихаетъ, колокольный звонъ прекращается. Сумерки).

СИДОРОВЪ (входитъ потный, запыхавшись).

Слава Богу, потушили!

ЧЕРНУШКИНЪ.

Что? Потушили?! (Кладетъ въ шкафъ выбранные изъ него свертки. Анастасія уноситъ книги на конторку, выходитъ на улицу и исчезаетъ).

СИДОРОВЪ.

Потушили. Совсѣмъ пустяковый пожаръ. Обои въ вашей комнатѣ испортило малость да занавѣска на окошкѣ сгорѣла. Пожалуйте посмотрѣть!

ЧЕРНУШКИНЪ (растерянно).

А... а этого... а я застраховалъ то, моя страховка въ двадцать тысячъ...

СИДОРОВЪ.

Успокойтесь, Федоръ Ивановичъ, ничего такого не сгорѣло. Самый пустяковый убытокъ. (Окно передней комнаты затворяется). Пожарнымъ за безпокойство четвертной билетъ пожалуйте! (Въ дверяхъ налѣво появляется брандмейстеръ).

ЧЕРНУШКИНЪ.

Да вѣдь вы говорите,—пустяковый пожаръ...

СИДОРОВЪ (умыляясь).

Это все равно...

ЧЕРНУШКИНЪ (вынимая изъ бумажника двадцатипятирублевку).

Тьфу пропасть! Отчего у меня нѣтъ фальшивыхъ денегъ! (Передаетъ брандмейстеру деньги).

СИДОРОВЪ.

Это Марѳа пожаръ надѣлала! (Брандмейстеръ прикладываетъ руку къ козырьку и скрывается).

ГИРЛИНГЪ.

Да, да! Хорошо, что ты въ отставкѣ, а то-бъ мы не благодушествовали сейчасъ такимъ образомъ. Вѣдь эта война въ Трансваалѣ... Почти навѣрное тебя-бъ туда угнали!

БРОУНЪ (съ гадливостью).

Фу! Не говори!.. Я холодѣю при одной мысли объ этой гадости... (Всплескиваетъ руками и смотритъ на потолокъ). О Боже! Отчего ты мнѣ не далъ души мясника!..

ГИРЛИНГЪ.

А какъ ты объяснишь тотъ фактъ, что нѣкій графъ... какъ его зовутъ... да, — графъ Жозефъ де Местръ находилъ войну божественной? Развѣ это былъ мясникъ?

БРОУНЪ.

Что жъ это доказываетъ? Герцогъ Альба сжигалъ людей живьемъ, а что такое графскій титулъ рядомъ съ герцогскимъ? и вообще что значитъ титулъ въ исторіи цивилизаціи? развѣ мы не наблюдаемъ, что...

ГИРЛИНГЪ (перебивая).

Прости, прости! Я нарочно... Я хотѣлъ тебя немножко сбить; у меня еще осталась эта милая привычка!..

БРОУНЪ.

Сбить меня?!. Господи!.. да знаешь-ли ты, что... Ахъ, мой милый! Ты видишь передъ собой такого убѣжденнаго противника милитаризма, какого свѣтъ не создавалъ! Узнай, что объявивъ войну войнѣ, я съ такимъ увлеченьемъ принялся за пропаганду идеи вѣчнаго мира, что господамъ Годжсону Пратту, Рандолю Кремеру и прочимъ осталось только завидовать!..

ГИРЛИНГЪ (приложивъ руку къ уху, чтобъ хорошенько разслышать).

Увы, для бѣднаго азіята эти имена terra incognita... (Улыбается, пожимая плечами).

БРОУНЪ.

Не удивляюсь; давно извѣстно, что проповѣдники мира не запоминаются съ такою же легкостью, какъ боевые генералы...

ГИРЛИНГЪ.

О! да ты огрызаешься какъ заправскій ораторъ на митингѣ! (Смѣются). Ужъ и вправду не говорилъ-ли ты на митингахъ?..

БРОУНЪ.

Случайно ты угадалъ.

ГИРЛИНГЪ.

Въ самомъ дѣлѣ? Ты говорилъ противъ войны?

БРОУНЪ.

О радость! Ты оказался такимъ же проницательнымъ, какъ и былъ...

ГИРЛИНГЪ.

То-то я слушаю, слушаю... Ну, дружище, долженъ отдать тебѣ справедливость, ты... ты напрасно не сдѣлался адвокатомъ...

БРОУНЪ.

Адвокатомъ? Гм... комплиментъ немножко жесткій. Быть защитникомъ любой изъ сторонъ? Нѣтъ! Какъ аппологетъ мира я говорю сносно,—вручи мнѣ защиту войны, и я окажусь косноязычнымъ!.. Это для меня не профессія, не развлеченье! Это

чтобы ей былъ извѣстенъ ея отецъ... Ахъ, лучше бъ она не знала своего отца!.. Ты не пожалѣлъ меня, сироту, обольстилъ, зная, что некому за меня заступиться, мучилъ меня, мучаешь дочь... (Молчаніе. Она вдругъ гордо выпрямляется и говоритъ громко другимъ голосомъ). Нѣтъ! Я не жена твоя!.. Нѣтъ! я не жена твоя!!! Я твоя возлюбленная, съ которой ты не цѣловался! я любовница твоя, съ которой ты еще не обнимался! Я твоя кормилица вѣрная, и ты мнѣ еще ничѣмъ не заплатилъ!..

ЧЕРНУШКИНЪ. (дрожитъ всѣмъ тѣломъ и пятится отъ нея, не вставая съ колѣнъ).

Кто ты такая?!. (Молчаніе).

ЧЕРНАЯ ДАМА. (медленно приподнимаетъ свое траурное покрывало. Темнота).

Я смерть! (Громовой хохотъ нечеловѣческихъ голосовъ. Яркій голубоватый свѣтъ. Передъ Чернушкинымъ на мѣстѣ прежняго видѣнія стоитъ въ черномъ, фантастическомъ одѣяніи блѣдная, высокая женщина со сверкающей царственной короною на головѣ, съ черными какъ смоль кудрями, обрамляющими нечеловѣчески-прекрасное лицо съ громадными блестящими глазами, тонкимъ носомъ и мертвенно-синими губами; за ея спиной величественно распростерты черныя крылья; жесты ея костлявыхъ бѣлыхъ рукъ, съ синими когтями, полны увѣренности и красоты). Смерть! (Второй взрывъ чудовищнаго хохота). Смерть!!! (Третій взрывъ хохота болѣе яростнаго, чѣмъ два первыхъ. Яркій голубоватый свѣтъ смѣняется мерцающимъ голубовато-зеленоватымъ полусвѣтомъ).

Я царица царей, безконечно страшна,
Я врагъ вѣчный подзвѣзднаго міра,
Гдѣ побѣда судьбой навсегда суждена
Мнѣ, помѣхѣ житейскаго пира.
Я грозна, я сильна, я коварна, я зла,
Подо мной и за мной цвѣты смятые.
Я вездѣ. я нигдѣ, я и свѣтъ, я и мгла,
Тайна, случай, законъ, вмѣстѣ взятые...
Провозвѣстницѣ вѣчнаго мрака, даны

Мнѣ Судьбою и власть и свобода,
Неподвластной мнѣ нѣтъ во всемъ мірѣ страны,
Неподвластнаго нѣтъ мнѣ народа.
Я царица царей, всемогуче-сильна,
Я злорадная хищница жизни людской,
Въ мірѣ смертныхъ безсмертная, я лишь одна,
Незнакомая съ страхомъ, вкушаю покой!
Да, я смерть; въ этомъ имени кратко-глухомъ
Скрыты плачъ о концѣ, о началѣ мольбы,
Страха крикъ «чуръ-чура,» просьбы шепотъ «потомъ»
И проклятье судьбы.
Да, я смерть! Съ этимъ словомъ ужъ слышится звонъ
Погребальный и рѣзкость трубы
Въ судный день, ревъ и стонъ
И проклятье судьбы.
Судороги, корчи, очей угасаніе,
Вотъ гдѣ потѣха, мной сладостно-зримая,
Хрипы предсмертные, вопль и рыданіе,
Вотъ моя музыка, вѣчно любимая.
Я хохочу и мой хохотъ пронзительный
Кровь леденитъ жертвы въ ужасѣ бьющейся,
Слушаю жадно я выкрикъ мучительный,
Полный мольбы ко мнѣ, дико-смѣющейся.
Да, я царица царей! мнѣ въ глаза
Не дерзаетъ взглянуть трусость міра.
Да, я царица царей, я гроза,
Я помѣха житейскаго пира. (Подъ сладкіе звуки золовой арфы).
Но кто смѣлый въ душѣ смертный страхъ превозмогъ,
Въ жизни видя сплошное ненастье,
Кого лютой обидой измучилъ злой рокъ,
Тотъ найдетъ во мнѣ вѣрное счастье!
Поцѣлуемъ спокойнымъ, холоднымъ какъ ледъ
Я тушу въ мигъ все пламя желанья
Храбреца, меня звавшаго снять съ него гнетъ
Всей тоски ожиданья.
Я конецъ и начало всемірной тоски,
Я печаль и забвенье печали.
Съ появленьемъ моимъ люди вдругъ пустяки

БРОУНЪ (смѣясь).

Ты такой же шутникъ, какъ и былъ... Ну такъ вотъ!.. Интересъ, возвратившій меня къ жизни, заключался въ мести, но я скоро убѣдился, что этотъ интересъ, мой личный интересъ, совпадаетъ съ интересомъ всего человѣчества, и не только совпадаетъ, а прямо растворяется въ немъ.

ГИРЛИНГЪ (пуская клубы дыма).

Прелестная гаванна! Какъ хорошо, что ты не умеръ: (Входитъ Джонъ) мнѣ бы такой не достать...

ДЖОНЪ.

Прикажете убирать?

БРОУНЪ.

Да, я для того и позвалъ. (Джонъ убираетъ со стола, нѣсколько разъ уходя и возвращаясь).

ГИРЛИНГЪ.

Мы тебя перебили... Прости пожалуйста!

БРОУНЪ (улыбаясь и пожимая ему руку).

Мой милый-милый другъ. Ты не повѣришь какъ я радъ, что ты пріѣхалъ. Можешь перебивать меня, сколько угодно! На радостяхъ я все прощаю!

ГИРЛИНГЪ.

О великодушіе! Однако шутки въ сторону! — ты страшно измѣнился: похудѣлъ, поблѣднѣлъ... Навѣрно чертовски много работаешь?!

БРОУНЪ.

Клеветать не въ моемъ характерѣ, — да, я работаю много, но съ такимъ наслажденіемъ, что... Пойми, я занимаюсь творчествомъ, которое должно отвратить толпу отъ организован-

наго человѣкоубійства! Я художникъ одного направленья съ Артуромъ Гроттгеромъ, Ляббе и Верещагинымъ! Антимилитаризмъ—вотъ направленье, которое временно должно занять видное мѣсто въ искусствѣ! Искусство только тогда скажетъ утилитаризму «прочь отъ меня», когда оно захватитъ въ свои руки всѣ тѣ средства, которыя милитаризмъ пожираетъ съ такимъ волчьимъ аппетитомъ! Искусство могучее орудіе для борьбы съ этимъ обжорой! Пусть литераторы заваливаютъ книжные рынки произведеніями à la Берта Зуттнеръ, пусть поэты возмущаются войною вмѣстѣ съ Гейне и Гюго, пусть наконецъ ходожники на своихъ выставкахъ показываютъ весь закулисный ужасъ человѣческой бойни!.. Искусство должно быть на службѣ у пользы до тѣхъ поръ, пока казармы не превратятся въ храмы искусства, пока по крайней мѣрѣ половина расходовъ, ассигнуемыхъ на военныя нужды, не будетъ обращена на художественные потребности! И эстетамъ это не должно претить. Развѣ въ своемъ родѣ это не будетъ искусствомъ ради искусства!

ГИРЛИНГЪ.

Я горю нетерпѣніемъ посмотрѣть твои картины!

ВРОУНЪ.

Ты хочешь непремѣнно сейчасъ?

ГИРЛИНГЪ.

Да; я заинтригованъ; покажи хоть нѣкоторыя!

ВРОУНЪ (достаетъ изъ шкафчика большую папку и кладетъ ее на письменный столъ; Гирлингъ подходитъ къ нему. Броунъ пододвигаетъ деревянное возвышенье къ столу противъ кресла).

За малымъ исключеніемъ у меня все эскизы. Вотъ! въ этой папкѣ почти все мое сокровище. Садись сюда... къ свѣту! (Раскрываетъ папку и опускаетъ ея нижній край на колѣни Гирлинга, облокотивъ ея верхнюю часть о край стола). Такъ, я думаю, будетъ удобно?

ГИРЛИНГЪ (разсматривая содержимое папки).

О!.. Какая реальность!.. и какъ это смѣло!.. Я всегда говорилъ, что у тебя колоссальнѣйшій талантъ... Боже мой, какъ я тебѣ завидую... Ты знаешь, я просто обвороженъ...

ВРОУНЪ.

Это все эскизы къ картинѣ подъ названіемъ «Люди». (Гирлингъ съ торопливымъ любопытствомъ перекладываетъ эскизы справа налѣво и съ восхищеніемъ ихъ разсматриваетъ). Представь себѣ поле, усѣянное трупами. Самый разгаръ сраженія... Да ты поймешь идею вотъ изъ этого наброска! Всмотрись сначала въ этихъ всадниковъ!.. Они набросились другъ на друга, пьяные отъ крови, съ неукротимой яростью... Ихъ лица потеряли образъ Божій... искаженныя ненавистью, съ глазами на выкатѣ...

ГИРЛИНГЪ.

Это какія-то звѣриныя морды!

ВРОУНЪ.

Теперь взгляни на лошадей!.. Одна изъ нихъ падаетъ, раненая... Ей больно... ей страшно... И обѣ жалкія, измученныя, выбившись изъ силъ, среди этого дыма и грохота, среди этого ужаса...

ГИРЛИНГЪ (въ восторгѣ).

Глаза! какое выраженіе глазъ у лошадей! и какъ это вѣрно передано! Я понимаю: страданье очеловѣчило ихъ.

ВРОУНЪ.

Картина называется «Люди». Названье, какъ видишь, загадочное!

ГИРЛИНГЪ.

Это должно имѣть громаднѣйшій успѣхъ... (Послѣ большой паузы, не отрываясь отъ эскиза). Да... ты большой художникъ. Говорю тебѣ не какъ другъ, а какъ безпристрастное лицо: тебя

ожидаетъ большая будущность. Подумать только, что ты могъ быть убитымъ, что твоею жизнью рисковали быть можетъ сущія бездарности. (Разсматриваетъ слѣдующіе эскизы).

ВРОУНЪ.

Ну, а это неоконченный набросокъ называется: «Не противься злому»... Молодой солдатъ въ палаткѣ, повидимому въ ожиданіи сраженія, читаетъ Евангеліе. Онъ сидитъ въ раздумьи надъ этими простыми словами. Рядомъ его товарищи разсматриваютъ ружья и точатъ сабли... (Послѣ паузы; про другой эскизъ). «Антиподы». Какъ видишь, очень маленькая церковь и очень большая казарма, а между той и другой блѣдный человѣкъ съ растеряннымъ видомъ.

ГИРЛИНГЪ.

Оригинально!

ВРОУНЪ.

А вотъ это «Проэктъ памятника Наполеону I-му».

ГИРЛИНГЪ.

Пьедесталъ изъ труповъ... и смерть вѣнчаетъ его лаврами... Недурно!.. А это какъ называется?

ВРОУНЪ.

Дальше идутъ эскизы къ картинѣ «Приближеніе вѣчнаго мира».

ГИРЛИНГЪ (любуясь эскизомъ).

Ахъ, какое красивое освѣщеніе!..

ВРОУНЪ (перебивая).

Я бы совѣтовалъ тебѣ сначала взглянуть на самую картину... Она уже почти закончена.

ГИРЛИНГЪ.

Гдѣ?

БРОУНЪ (подводя его къ большому холсту на кольбертѣ).

Вотъ! (Поднимаетъ покрывало).

ГИРЛИНГЪ (впившись глазами въ картину, послѣ паузы, задумчиво).

Приближеніе вѣчнаго мира...

БРОУНЪ.

Какъ видишь, самый Миръ, въ лицѣ дѣвушки, еще только намѣченъ.

ГИРЛИНГЪ.

Это аллегорія?

БРОУНЪ.

Да. Ты узнаешь на этой горѣ слѣва великихъ миротворцевъ?

ГИРЛИНГЪ.

Я вижу: Спенсеръ... Гладстонъ... Толстой... русскій императоръ... Кантъ, потомъ Паскаль, Гюго... А вотъ Бокль, Бентамъ...

БРОУНЪ (перебивая).

Они поднялись на высокую гору и увидѣли оттуда красоту Вѣчнаго Мира; это чудная дѣвушка съ золотыми волосами, въ бѣлоснѣжной одеждѣ; она шествуетъ спокойная, полная тихой радости; на головѣ ея вѣнокъ изъ дубовыхъ листьевъ—символъ вѣчности, а въ рукахъ оливковая вѣтвь—символъ мира. Они манятъ ее къ себѣ, они преклонились предъ ея красотою, нѣкоторые изъ нихъ зовутъ оставшихся позади, торопятъ тѣхъ, отъ кого высокая гора скрываетъ прекрасное видѣніе; смотри, какъ ихъ много!..

ГИРЛИНГЪ.

Тамъ далеко идетъ война... и что это? человѣческое жертвоприношенье? Кто эта страшная богиня въ доспѣхахъ? Это война?

БРОУНЪ.

Это война. Можетъ быть она была прекрасной когда-то; теперь она состарилась, стала дряхлой, спихнуть ее съ подножья ничего не стоитъ, но ты видишь, сколько жрецовъ ее охраняетъ!.. А тамъ, справа, въ яркихъ лучахъ, въ бѣлоснѣжныхъ одеждахъ, улыбаясь неземною улыбкой, приближается Вѣчный Миръ...

ГИРЛИНГЪ. (послѣ паузы).

Мнѣ остается только гордиться такимъ другомъ... гордиться и завидовать ему. (Броунъ смотритъ на часы). Который часъ?.. Ахъ да! вѣдь въ 12 утра сеансъ, ты сказалъ! (Смотритъ на свои часы).

БРОУНЪ.

Еще есть время.

ГИРЛИНГЪ.

Кто позируетъ тебѣ для Мира?

БРОУНЪ.

Моя невѣста... Моя Мэри... мой добрый геній. Съ кого-же другого сталъ бы я писать Миръ?

ГИРЛИНГЪ.

А она тебя такъ же сильно любитъ?

БРОУНЪ.

Я такъ хотѣлъ бы этому вѣрить. Говоря откровенно, я даже не знаю, что меня больше привязываетъ къ жизни, она или вотъ это мое искусство! Мнѣ кажется теперь, что разлюби

СТЁПИКЪ И МАНЮРОЧКА.

Комедія въ I-мъ дѣйствіи *.

Дѣйствующихъ лицъ двое: Степикъ **) и Манюрочка. Степику семьдесятъ съ хвостикомъ, а Манюрочкѣ около этого. Онъ худенькій, сутуловатый, съ рѣденькими бачками, говоритъ тоненькимъ голоскомъ, чуть-чуть шамкая. Она— женщина полная, голосъ у нея низкій, зубы вставные, но то въ самомъ дѣлѣ энергичная, но то притворяется энергичной.

---

*) Представлена въ 1-й разъ въ Петербургѣ на сценѣ Александринскаго театра, заслуженными артистами Императорскихъ театровъ Стрѣльской и Медвѣдевымъ, 22-го декабря 1905 г.

Дозволена къ представленію безусловно.

Въ первый разъ появилась въ печати въ приложеніи къ журналу «Театръ и Искусство» за 1906 г. (Мартъ—Книга III), а затѣмъ отдѣльнымъ изданіемъ; въ томъ-же году вышла 2-ымъ изданіемъ журн. «Театръ и Искусство».

**) Роль Степика была послѣднею изъ созданныхъ покойнымъ П. М. Медвѣдевымъ ролей и въ этой именно роли онъ выступилъ въ послѣдній разъ на сценѣ.

Маленькая уютная комната. Посреди средней стѣны топится каминъ; на немъ стоятъ фотографическія карточки въ рамкахъ, фарфоровыя бездѣлушки и проч.; направо отъ камина дверь. Въ правой стѣнѣ два окна, сплошь затянутыхъ морозными узорами; передъ ними клѣтка съ птичками и комнатныя цвѣты. Въ лѣвой стѣнѣ, нѣсколько въ глубинѣ комнаты, дверь. Направо, у авансцены, столъ подъ чистой скатертью; на немъ—пыхтящій самоваръ, незатѣйливый чайный приборъ, сливки, масло, сухарики и газета съ журналами подъ бандеролями; вокругъ стола 4 стула. Налѣво—старомодная выцвѣтшая мебель: диванчикъ, 2 кресла и 2 стула. На стѣнахъ—часы, зеркало, недорогія картины и фотографическія снимки. Съ потолка спускается лампа. При поднятіи занавѣса Манюрочка, въ затрапезномъ капотѣ и черномъ чепцѣ, сидитъ за столомъ слѣва, заваривaетъ чай и ставитъ чайникъ на самоваръ.

МАНЮРОЧКА (громкимъ голосомъ).

Степанъ Ильичъ, я сейчасъ буду разливать. Если вамъ угодно холодный чай пить, то это ваше дѣло.

СТЕПИКЪ (изъ комнаты слѣва).

Сейчасъ, сейчасъ! Господи Боже мой, вотъ ужъ дѣйствительно...

МАНЮРОЧКА. (намазывая сухарикъ масломъ).

Я ужъ за ситочку взялась... Долго вы будете еще мѣшкать?..

СТЕПИКЪ (выходитъ изъ лѣвыхъ дверей въ фуфайкѣ и потертыхъ панталонахъ съ полотенцемъ въ рукахъ).

Скажите пожалуйста, Марья Ивановна, надо мнѣ вытереться или не надо?

МАНЮРОЧКА.

Надо раньше вставать. Управы на васъ нѣтъ. Какъ маленькій ребенокъ.

СТЕПИКЪ.

А... а браниться очень не хорошо, очень не хорошо...

МАНЮРОЧКА.

Намѣрены вы чай пить или нѣтъ?

СТЕПИКЪ.

Я... я пришелъ только узнать, сколько градусовъ на дворѣ...

МАНЮРОЧКА.

Ничего вамъ не скажу, пока не одѣнетесь.

СТЕПИКЪ (замѣтивъ журналы).

А! «Нива» пришла! (подходитъ къ столу).

МАНЮРОЧКА. (схватываетъ журналы и прячетъ ихъ подъ столъ).

И «Нива» пришла, и «Свѣтъ», и «Гражданинъ»; все получите, когда чаю напьетесь...

СТЕПИКЪ. (хочетъ отнять у нея журналы).

Я хочу только посмотрѣть, правда ли, что...

МАНЮРОЧКА.

Оставьте пожалуйста!

СТЕПИКЪ.

Ахъ, вотъ какъ! Вы желаете злоупотреблять своей силой? Прекрасно. Такъ мы и будемъ знать... такъ и будемъ знать... (Уходитъ налѣво, качая головой... Манюрочка кладетъ журналы на столъ

и намазываетъ сухарики масломъ. Степикъ снова показывается въ дверяхъ, но уже безъ полотенца, а съ гребенкой, которой онъ старательно расчесываетъ свои волосики на затылкѣ). А я сегодня трубку буду чистить...

МАНЮРОЧКА.

Я съ вами не желаю разговаривать.

СТЕПИКЪ.

А отчего сегодня Полканъ такъ громко лаялъ? Можетъ быть жуликъ приходилъ? (Пауза). Ты смотрѣла, что на сегодня въ календарѣ сказано? Ну, Манюрочка, не сердись,—я сейчасъ одѣнусь... (Уходитъ и сейчасъ же возвращается). Я хотѣлъ тебѣ только сказать, что у меня вотъ на этомъ напульсникѣ дырочка сдѣлалась... (Пауза). Ну, ну, не сердись,—я сейчасъ одѣнусь. (Уходитъ).

МАНЮРОЧКА. (наливаетъ чай: себѣ въ чашку, а Степику въ стаканъ, который ставитъ черезъ столъ передъ собою. Бормочетъ).

Удивительная манера... Ни за что не можетъ, какъ всѣ люди... Спитого не хочетъ пить, а я... что же мнѣ вѣчность ждать прикажите, такъ что ли?.. Пусть стынетъ,—я не виновата; видитъ Богъ—я не виновата. (Кричитъ). Я налила. (Наливаетъ себѣ сливокъ въ чай и съ аппетитомъ за него принимается).

СТЕПИКЪ. (въ халатѣ, съ ласковымъ видомъ, выходитъ слѣва и подходитъ къ Манюрочкѣ).

Ну-съ, вотъ я и готовъ. Здравствуйте!

МАНЮРОЧКА.

А Богу молились?

СТЕПИКЪ.

Молился. (Нѣжно цѣлуются). Вотъ видишь, какъ я скоро всталъ сегодня.

МАНЮРОЧКА.

Въ кои-то вѣки!

СТЕПИКЪ.

Извольте сейчасъ же сказать, что я умникъ и что я никогда васъ не огорчаю.

МАНЮРОЧКА.

Не огорчаешь? А кто сегодня ночью кашлялъ?

СТЕПИКЪ (садится, наливаетъ себѣ сливокъ въ чай и вертитъ ложечкой въ стаканѣ).

Все равно я выйду сегодня на воздухъ.

МАНЮРОЧКА.

Т. е. и думать не смѣйте! (Кладетъ передъ нимъ намасленные сухарики). Третьяго дня скипидаромъ натирались, а сегодня на воздухъ! Бога вы хотите прогнѣвить, такъ что ли?

СТЕПИКЪ.

Во-первыхъ, я вовсе...

МАНЮРОЧКА (перебивая).

Не спорьте пожалуйста! Лучше пейте скорѣе свой чай, у меня для васъ сюрпризъ есть.

СТЕПИКЪ.

А я все равно пойду гулять... (Пьетъ чай съ сухариками).

МАНЮРОЧКА.

Ты желаешь, чтобы я расплакалась? Мало ты меня заставляешь плакать? да?.. Что у тебя нѣтъ никакого дѣла? А кто хотѣлъ сегодня трубку чистить?.. Ты будешь послѣ чая чи-

тать журналы, потомъ чистить трубку, у насъ на сладкое рисовый пуддингъ будетъ, я буду приготовлять сегодня мазь отъ ревматизма, ты мнѣ помогать будешь. Видишь, сколько дѣла, а ты гулять!..

СТЕПИКЪ.

Человѣкъ не можетъ жить безъ воздуха...

МАНЮРОЧКА. (перебивая).

Пожалуйста не капризничайте! Ничего вы этимъ не добьетесь. (Достаетъ изъ кармана нераспечатанное письмо и проводитъ имъ по носу Степика). Видѣли? (Прячетъ письмо за спину).

СТЕПИКЪ. (просіявъ).

Отъ кого это? отъ кого?

МАНЮРОЧКА.

А вы будете умникомъ?

СТЕПИКЪ.

Буду, буду. Отъ кого письмо?

МАНЮРОЧКА.

Извольте сначала чай докушать. Отъ Лидочки письмо, — вотъ отъ кого.

СТЕПИКЪ. (радостно).

А! наконецъ то. Давай сюда! А откуда ты знаешь, что это отъ Лидочки?

МАНЮРОЧКА (передаетъ ему письмо).

Что-жъ я курица слѣпая, чтобъ и почерка дочери не признать!

СТЕПИКЪ. (разсматривая конвертъ).

Давай очки! Скорѣй!

МАНЮРОЧКА (идетъ къ камину).

Пожалуйста не командуй! не дѣвочка, славу Богу ужъ шестьдесятъ стукнуло. (Приносятъ ему съ камина очки).

СТЕПИКЪ.

И давно ужъ стукнуло! лѣтъ восемь тому назадъ.

МАНЮРОЧКА.

Т. е. какъ это «лѣтъ восемь тому назадъ»?

СТЕПИКЪ.

Ну, хорошо, хорошо,—тебѣ и одного года нѣтъ, ты еще не родилась. Дай шпильку конвертъ вскрыть!

МАНЮРОЧКА.

Давайте ужъ сюда! Ничего сами сдѣлать не можете. (Беретъ у него письмо и аккуратно-медленно его распечатываетъ). Пейте чай!

СТЕПИКЪ (пьетъ чай).

Интересно, съѣздила она съ мужемъ въ Троице-Сергіево или нѣтъ...

МАНЮРОЧКА.

Меня гораздо больше интересуетъ, продолжаетъ она брать уроки кройки и шитья или нѣтъ...

СТЕПИКЪ.

Ну... скорѣе!

МАНЮРОЧКА.

Господи, что мы на пожаръ торопимся?

СТЕПИКЪ.

Я выпилъ чай.

МАНЮРОЧКА.

А кто не доѣлъ сухарика.

СТЕПИКЪ.

Я потомъ съѣмъ.

МАНЮРОЧКА (передаетъ ему письмо распечатаннымъ).

Вотъ видишь, Степикъ, какая я добрая: я могла бы въ то время, какъ ты валандался, два раза прочесть письмо, а вотъ я знаю, что ты бы разсердился, что я раньше узнала, ну вотъ и...

СТЕПИКЪ. (перебивая).

Слушайте! (Читаетъ, съ трудомъ разбирая). «Дорогіе папа и мама... (Манюрочка достаетъ изъ кармана не то чулокъ, не то напульсникъ и вяжетъ). Послѣ моего послѣдняго письма, въ которомъ я... я»... Господи, вотъ декадентскій почеркъ!

МАНЮРОЧКА.

Почему декадентскій?

СТЕПИКЪ.

Да ужъ больно неразборчивый.

МАНЮРОЧКА (смѣется).

Ахъ ты острило-мученикъ!.. Глаза у тебя декадентскіе, вотъ что!

СТЕПИКЪ.

«Въ которомъ я... поста... постаралась... дать вамъ хоть слабое представленіе о невыносимой скукѣ нашей семейной жи...зни»... (Вынимаетъ изъ кармана портсигаръ, достаетъ папиросу и закуриваетъ).

МАНЮРОЧКА.

И чего скучать то, главное дѣло... Мужъ,—хорошій человѣкъ,—души въ ней не чаетъ... дѣтки,—одно заглядѣнье,—давай Богъ всѣмъ такихъ... На роялѣ играетъ... поетъ... Журналы всевозможные... Господи Боже мой...

СТЕПИКЪ.

...«семейной жизни и о полнѣйшей неудовлетворенности ею, вы не должны черезчуръ удивиться, узнавъ... узнавъ, что»... Вотъ такъ періодъ! и еще «не должны черезчуръ удивиться». Да какъ же тутъ не удивиться! (Смѣясь) и въ нашей канцеляріи такихъ не пекли...

МАНЮРОЧКА. (улыбаясь и качая головой).

Ахъ ты острило-мученикъ!

СТЕПИКЪ.

«Удивиться, узнавъ... что я...» Вѣдь вотъ почеркъ, прости Господи...

МАНЮРОЧКА.

Ужъ не за границу ль она собирается?

СТЕПИКЪ.

«Что я... что я»...

МАНЮРОЧКА.

Дай, я попробую разобрать!

СТЕПИКЪ.

Нѣтъ, я хочу.

МАНЮРОЧКА.

Все «я», да «я», а самъ ни съ мѣста.

СТЕПИКЪ (съ оживленіемъ).

«Что я бросаю»... Вотъ въ чемъ дѣло! а я думалъ, что́ это за буква... «что я бросаю»...

МАНЮРОЧКА.

Ужъ не уроки ль кройки и шитья она хочетъ бросить!

СТЕПИКЪ.

«Бросаю му...му»...

МАНЮРОЧКА.

Музыку хочетъ бросить! Этого еще не доставало! Десять лѣтъ училась и вдругъ...

СТЕПИКЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, погоди... «му... му»... Принеси ка мнѣ лупу пожалуйста!

МАНЮРОЧКА (встаетъ и ищетъ на каминѣ).

Господи, куда жъ ты ее положилъ? (Уходитъ налѣво).

СТЕПИКЪ.

«Му... му...» (Его лицо вдругъ вытягивается, онъ бросаетъ курить. Жалобнымъ голосомъ). Манюрочка!.. Манюрочка!.. (Разбираетъ письмо, сильно взволнованный).

МАНЮРОЧКА (возвращается на свое мѣсто съ лупой).

Ну, что такое?

СТЕПИКЪ.

Мужа... мужа...

МАНЮРОЧКА.

Что «мужа»?

СТЕПИКЪ.

Мужа хочетъ бросить... Антона Ивановича...

МАНЮРОЧКА (опускается въ изумленіи на свое мѣсто).

Господи!.. Царица Небесная!.. (Степикъ беретъ у нея лупу и читаетъ съ ея помощью). Да не ошибся ли ты! Дай, я сама прочту!.. Ты ошибся вѣрно!

СТЕПИКЪ.

Да нѣтъ же!.. «что я бросаю мужа. И потомъ я полюбила другого».

МАНЮРОЧКА.

Другого!!!

СТЕПИКЪ (читаетъ довольно скоро).

«Конечно вы, люди стараго закала, не поймете меня и осудите. Но что же дѣлать, когда чувство беретъ верхъ надъ разумомъ. Кромѣ васъ мнѣ не съ кѣмъ посовѣтоваться. Антонъ Ивановичъ еще ничего не знаетъ; не говорю ему, пока не выясню вопроса, развестись мнѣ съ нимъ или только разойтись. Если въ васъ сохранилась хоть капля жалости ко мнѣ, не отталкивайте меня, а научите... Я не знаю, какъ быть съ дѣтишками... (Манюрочка начинаетъ всхлипывать). Я ничего не знаю кромѣ своей любви. Боже мой, какъ я страдаю. Я хотѣла пріѣхать къ вамъ и лично просить у васъ совѣта, да духу не хватило... Отвѣтьте мнѣ скорѣй относительно развода; не отталкивайте меня, молю васъ, не отворачивайтесь отъ вашей грѣшной дочери... (Дрожащимъ голосомъ). Цѣлую безъ счета разъ ваши ручки. Любящая васъ всѣмъ сердцемъ Лида». (Манюрочка горько плачетъ). Манюрочка, не плачь, а то... я самъ заплачу. (Еле удерживаетъ слезы). Самъ заплачу... (Слезливо сморкается).

МАНЮРОЧКА (вытирая слезы).

Вотъ... я говорила...—дурной это сонъ... не къ добру жеребецъ приснился, не къ добру... Ты смѣялся тогда, а вотъ ви-

дишь... (Плачетъ громче прежняго. Степикъ, оправившись, встаетъ изъ за стола и сѣменитъ взадъ и впередъ по комнатѣ). Что же теперь дѣлать? Какъ же это теперь будетъ?

СТЕПИКЪ (подходитъ къ столу и закуриваетъ недокуренную папиросу).

Манюрочка, я хочу тебя спросить нѣчто чрезвычайно важное.

МАНЮРОЧКА (сквозь слезы).

Что, Степикъ?

СТЕПИКЪ (вкрадчиво).

Скажи мнѣ по совѣсти, Марья Ивановна, вотъ какъ передъ Богомъ, т. е. я хочу сказать, — положа руку на сердце... (Манюрочка перестаетъ плакать). Скажи мнѣ, могла бы ты взять въ руки... ну скажемъ что ли... булыжникъ и запустить имъ въ свою дочь?

МАНЮРОЧКА (до нельзя испуганная).

Съ нами крестная сила!.. Степикъ, что съ тобою?

СТЕПИКЪ.

Господи, какая вы странная, Марья Ивановна... я говорю аллегорію, а вы принимаете въ серіозъ. Я васъ спрашиваю, такъ сказать, образно и вы должны мнѣ отвѣтить, прямо смотря въ глаза, могли бы вы бросить въ нее камнемъ или нѣтъ, т. е...

МАНЮРОЧКА (смущенная).

То есть?

СТЕПИКЪ.

Гм... т. е., ну однимъ словомъ, неужели вы меня не понимаете? Я васъ вопрошаю, какъ Христосъ фарисеевъ, чиста у васъ настолько совѣсть, что вы можете въ свою дочь камнемъ бросить или нѣтъ?

МАНЮРОЧКА.

А у васъ, Степанъ Ильичъ?..

СТЕПИКЪ.

Отвѣтьте вы мнѣ сначала.

МАНЮРОЧКА.

Почему же я первая?

СТЕПИКЪ.

Ну да вы, такъ сказать... дама, вамъ подобаетъ первое мѣсто...

МАНЮРОЧКА (прищуривъ глаза).

Степанъ Ильичъ, что это у васъ видъ такой виноватый?

СТЕПИКЪ.

По моему, это у васъ, Марья Ивановна, видъ виноватый.

МАНЮРОЧКА.

Ой, кажется, вы съ больной головы да на здоровую...

СТЕПИКЪ.

Марья Ивановна, ваши глаза говорятъ мнѣ гораздо больше чѣмъ ваши уста...

МАНЮРОЧКА.

Степикъ, брось эти шутки! У насъ горе такое, а ты... Вмѣсто того, чтобъ о дѣлѣ поговорить...

СТЕПИКЪ.

Я о дѣлѣ и говорю. Я задаюсь вопросомъ, можемъ мы осудить нашу Лидочку или нѣтъ, т. е. можемъ мы отнестись къ ней жестоко или...

МАНЮРОЧКА (перебивая).

Какъ же не осудить то! Развѣ это не развратъ?

СТЕПИКЪ.

Стало быть, у васъ хватаетъ духу бросить въ нее камнемъ?..

МАНЮРОЧКА.

Ахъ, да оставь ты этотъ «камень»... Заладилъ въ самомъ дѣлѣ «камень» да «камень»...

СТЕПИКЪ.

Вамъ не нравится, что я употребляю аллегорію? Прекрасно; я могу и безъ аллегоріи.

МАНЮРОЧКА.

Да что тебѣ отъ меня надо?

СТЕПИКЪ.

Правды, Марья Ивановна, одной только правды. (Громко, съ разстановкой). Измѣнили вы мнѣ когда нибудь или нѣтъ? Отвѣчайте!

МАНЮРОЧКА (окончательно взволнованная).

А ты?

СТЕПИКЪ.

Я тебя спрашиваю.

МАНЮРОЧКА.

А я тебя спрашиваю.

СТЕПИКЪ. (слегка выведенный изъ терпѣнія).

Дайте мнѣ ключъ отъ комода!

МАНЮРОЧКА.

Зачѣмъ тебѣ?

СТЕПИКЪ (съ разстановкой).

Дайте мнѣ ключъ отъ комода! (Манюрочка вынимаетъ изъ кармана ключъ и даетъ его Степику, который съ тою стремительностью, какую только допускаетъ его возрастъ, уходитъ въ лѣвую дверь).

МАНЮРОЧКА (еле поспѣвая за нимъ).

Господи... (Останавливается у двери, тяжело переводя дыханіе). Степикъ, что ты затѣялъ, зачѣмъ ты меня интригуешь?.. (Вдругъ испугавшись). Не смѣй открывать нижняго ящика! (Отступая отъ двери въ страхѣ). Я не выношу, когда ты трогаешь револьверъ, слышишь!.. Я убѣгу на кухню, слышишь, я убѣгу на кухню!

СТЕПИКЪ. (входитъ съ небольшой коробкой въ рукахъ).

Марья Ивановна, отбросьте всякіе страхи и приготовьтесь выслушать нѣчто чрезвычайно важное. (Ставитъ коробку на столъ). Вотъ коробка съ патронами...

МАНЮРОЧКА (трусливо).

Убери ее!

СТЕПИКЪ.

Марья Ивановна, вы всегда всюду совали свой носъ, но къ этой страшной коробкѣ вы не смѣли прикоснуться, и вотъ она впродолженіе почти 25-ти лѣтъ хранила отъ васъ великую тайну... (Манюрочка боязливо подходитъ къ столу. Степикъ открываетъ коробку и вынимаетъ изъ подъ патроновъ красивую розовую подвязку и двѣ фотографическихъ карточки)... Вотъ... (Показываетъ подвязку). Ея подвязка, а вотъ ея портретъ. (Показываетъ карточки одну за другой). Въ платьѣ и... безъ платья...

МАНЮРОЧКА (въ величайшемъ изумленіи).

Откуда это у тебя?

СТЕПИКЪ.

Марья Ивановна! Суди меня люди, суди меня Богъ... 25 лѣтъ тому назадъ я вамъ измѣнилъ...

МАНЮРОЧКА.

Измѣнилъ!!! (Хватая одну изъ карточекъ). Съ кѣмъ?

СТЕПИКЪ.

Ея имя... Матильда... пѣвичка...

МАНЮРОЧКА.

Когда это было?.. Когда ты ѣздилъ въ Питеръ по служебнымъ обязанностямъ?..

СТЕПИКЪ.

Да... Не сердись, Манюрочка, вѣдь это было 25 лѣтъ тому назадъ!

МАНЮРОЧКА (усмѣхаясь).

Чего же мнѣ сердиться то... Неужели вы думаете, что я сама... никому кромѣ васъ не нравилась... Неужели вы думаете, что во время вашихъ поѣздокъ въ Петербургъ Григорій Дмитричъ, вашъ двоюродный братецъ, даромъ терялъ время!

СТЕПИКЪ (удивленный).

Григорій Дмитричъ?

МАНЮРОЧКА.

Вы думаете, я храню въ своемъ медальонѣ мамашины волосы? Милый другъ, они давно замѣнены другими и...

СТЕПИКЪ (перебивая).

Такъ вотъ почему вы такъ плакали, когда онъ умеръ!

МАНЮРОЧКА (грустно).

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ... (Садится).

СТЕПИКЪ.

А... а потомъ вы мнѣ измѣняли?..

МАНЮРОЧКА.

Вѣдь вы же вышли въ отставку и неотлучно оставались при мнѣ!

СТЕПИКЪ.

Я тоже вамъ больше не измѣнялъ...

МАНЮРОЧКА (насмѣшливо).

Мой другъ, я ни капли въ этомъ не сомнѣваюсь... Если бы вы и хотѣли, то... (Хохочетъ).

СТЕПИКЪ.

Ахъ, какая злая! Ахъ, какая злая!

МАНЮРОЧКА (смотря на карточку).

Что она блондинка или шатенка?

СТЕПИКЪ (садится и разсматриваетъ другую карточку).

Рыжая.

МАНЮРОЧКА.

Ишь ты!.. А зачѣмъ же она голой то сиялась?

СТЕПИКЪ.

А такъ... для плезира...

МАНЮРОЧКА.

Господи! Чего не выдумаютъ!..

СТЕПИКЪ.

Объясните-ка мнѣ лучше, какъ это вы и Григорій Дмитричъ...

МАНЮРОЧКА.

Ахъ, да чего тутъ объяснять... Развѣ вы не помните, какой это былъ энергичный мужчина!

СТЕПИКЪ (вздыхая).

25 лѣтъ уже прошло...

МАНЮРОЧКА.

25 лѣтъ.

СТЕПИКЪ.

Мнѣ было тогда только сорокъ восемь... Я былъ почти мальчишкой... мнѣ предстояла еще цѣлая жизнь... а ты была тогда...

МАНЮРОЧКА.

Пожалуйста безъ ариѳметики!.. Я была тогда просто обворожительной женщиной, а это самое главное...

СТЕПИКЪ.

Господи, когда жъ это успѣло пройти столько времени!.. Вотъ лежитъ ея подвязка... Какъ будто я ее только что сейчасъ снялъ съ ея ноги... Ахъ, что это были за ножки!.. А какія она пѣсенки распѣвала! — я даже на ней жениться хотѣлъ... Боже мой, когда жъ это успѣло пройти столько времени!.. (Нюхаетъ подвязку). Духи еще не выдохлись...

МАНЮРОЧКА.

Ну ужъ это—одно воображенье.

СТЕПИКЪ.

Да нѣтъ же... (Нюхаетъ снова). Ахъ!.. какая она была... хорошая, веселая... Гдѣ она теперь? Жива ли? помнитъ ли еще свои пѣсенки?.. 25 лѣтъ прошло... Какимъ я былъ молодцомъ тогда!.. На что только я не былъ способенъ!..

МАНЮРОЧКА.

А въ это время Григорій Дмитричъ говорилъ мнѣ такіе комплименты, какихъ я отъ васъ во всю жизнь не слыхала...

СТЕПИКЪ.

А какъ она меня смѣшила иногда!.. вотъ шалунья!..

МАНЮРОЧКА.

Григорій Дмитричъ былъ не вамъ чета. Отъ его поцѣлуевъ у меня мурашки бѣгали по тѣлу...

СТЕПИКЪ (растроганный).

Господи, что за времячко это было!.. Молодость! Нѣтъ, я не могу равнодушно смотрѣть на эту подвязку... (Цѣлуетъ со слезами подвязку). Милая... славная... когда я снималъ тебя, у меня не было ни ревматизма, ни дрожанья рукъ... я не носилъ еще очковъ... у меня былъ орлиный взоръ... (Вынимаетъ платокъ, вытираетъ глаза и сморкается).

МАНЮРОЧКА (вновь разсматривая карточку).

Правда, это было славное времячко. Я была сложена не хуже, чѣмъ она, и Григорій Дмитричъ называлъ меня въ такихъ случаяхъ Венерой...

СТЕПИКЪ (тонко вздыхая).

Матильда, Матильда!.. (Другимъ тономъ). Ну, а скажи мнѣ, Манюрочка, если бы ты тогда узнала, что я тебѣ измѣнилъ, чтобы ты сдѣлала?

МАНЮРОЧКА.

Что бы я сдѣлала? Я бы тебя бросила...

СТЕПИКЪ.

Бросила?.. Бросила бъ своего Степика? оставила бъ на произволъ судьбы?.. Я хворалъ бы, меня бъ обкрадывали и тебѣ не было бъ до меня никакого дѣла?..

МАНЮРОЧКА.

А если бъ ты узналъ, что я измѣнила?

СТЕПИКЪ.

Если бъ я узналъ?.. (Пауза). Нѣтъ, я не могу себѣ этого представить... Я бы кажется... я... Нѣтъ, лучше не думать...

МАНЮРОЧКА.

Однако теперь ты...

СТЕПИКЪ.

Теперь? (Улыбается). Гм... Манюрочка, 25 лѣтъ такой срокъ времени, что... Но неужели ты меня бы бросила? (Подходитъ къ ней).

МАНЮРОЧКА.

Не знаю. Мнѣ было бы жалко съ тобой разстаться и вмѣстѣ съ тѣмъ... Нѣтъ, я бъ осталась съ тобой, но чувствовала бъ себя такой несчастной, такой несчастной...

СТЕПИКЪ (цѣлуя ее въ голову).

Ну, вотъ видишь, Манюрочка, какъ хорошо, что мы скрыли тогда другъ отъ другу!.. Развѣ я могъ бы прожить безъ тебя! Теперь я не побоялся тебѣ признаться, потому что зналъ, что ты взглянешь на это... съ исторической точки зрѣнія... а вѣдь раньше... кто знаетъ, къ чему бы привела эта откровенность! (Садится около нея). И вотъ я сейчасъ нарочно такъ сдѣлалъ... чтобы склонить тебя... отвѣтить на письмо нашей Лидочки...

МАНЮРОЧКА.

Что? Что?

СТЕПИКЪ.

А вотъ, что такъ, молъ, и такъ, хотя ты и считаешь насъ за Филемона и Бавкиду и даже не разъ называла насъ старосвѣтскими помѣщиками, а между тѣмъ мы, такъ сказать... пришли къ такому заключенію, что...

МАНЮРОЧКА.

А-а! Теперь я все понимаю. Ай да Степикъ! Ай да старичекъ!

СТЕПИКЪ (горячо).

Ты понимаешь, Марюночка, она просто «встряхнуться» хочетъ. Встряхнется какъ слѣдуетъ и опять заживетъ по старому; вѣдь она и мужа любитъ, и дѣтишекъ любитъ, и жалко ей съ ними разстаться, ужъ это какъ Богъ святъ, а только вотъ... «встряхнуться» ей хочется... Ну, такъ мы и напишемъ ей, что бросать мужа очень даже глупо, а что въ сущности...

МАНЮРОЧКА (перебивая, съ увлеченіемъ).

Совершенно вѣрно. Т. е. такъ вѣрно, что просто... замѣчательно. Такъ ей и надо все это объяснить. Тебя, Степикъ, какъ будто свыше осѣнило... Но только вотъ что! Она проситъ отвѣтить какъ можно скорѣе... Я думаю, пошлемъ ей лучше телеграмму,—пусть пріѣзжаетъ, тогда мы ей какъ слѣдуетъ все растолкуемъ, а то...

СТЕПИКЪ.

Отлично. (Уходитъ въ лѣвыя двери).

МАНЮРОЧКА.

— въ долгій ящикъ откладывать, такъ это... долго ли до бѣды то!

СТЕПИКЪ (возвращается съ чернилами, перомъ и почтовой бумагой).

Вотъ... Берите перо и пишите! (Кладетъ передъ нею принесенные предметы). «Выѣзжай сейчасъ же». Или нѣтъ!—«Пріѣзжай скорѣе».

МАНЮРОЧКА (взявшись за перо).

Лучше написать «не-ме-дле-но».

СТЕПИКЪ.

Прекрасно. «Пріѣзжай немедленно. Мы научимъ».

МАНЮРОЧКА.

Я думаю,—просто «научимъ», безъ «мы»; всетаки пятачокъ слово.

СТЕПИКЪ.

Чтожъ мы и пятачка не стоимъ!

МАНЮРОЧКА (смѣется, качая головой).

Ахъ ты острило-мученикъ! (Пишетъ).

СТЕПИКЪ. (кричитъ по направленію къ правой двери).

Дуня! Дуня!

МАНЮРОЧКА. (встаетъ и направляется къ правой двери, нахая листкомъ бумаги, чтобъ онъ высохъ).

Сумка... Уходитъ).

СТЕПИКЪ (беретъ одну изъ карточекъ, усаживается съ нею на диванъ и разглядываетъ ее, улыбаясь и плача).

МАНЮРОЧКА (входя).

Послала... Копѣекъ 60 возьмутъ, не больше... (Подойдя къ Степику). Ну, что?.. Все еще не можете наглядѣться?..

СТЕПИКЪ.

Я, такъ сказать... я себя черезъ нее разсматриваю...

МАНЮРОЧКА (садится рядомъ съ нимъ и смотритъ на карточку).

Четверть вѣка... Какія тогда прически-то носили!

СТЕПИКЪ (блаженно лепечетъ).

Она меня называла бѣдовымъ... она мнѣ говорила «ты бѣдовый»... я спрашиваю «почему же я бѣдовый», а она мнѣ отвѣчаетъ «да ты бѣдовый, бѣдовый»... (Смѣется сквозь слезы).

МАНЮРОЧКА.

Ахъ, плутишка!.. Воображаю, что ты выкидывалъ!.. (Нѣжно цѣлуетъ его голову, полная любви къ нему и жалости, улыбаясь, готовая расплакаться).

ЗАНАВѢСЪ.

18 Марта 1905 г.
С.-Петербургъ.

КРАСИВЫЙ ДЕСПОТЪ.

КРАСИВЫЙ ДЕСПОТЪ.

Послѣдній актъ драмы *).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Баринъ
и его
Подруга
Товарищъ
Горничная
Камердинеръ
Шутъ Курея
Арапченокъ и
Любимица колдунья старая.

---

*) Къ представленію дозволенъ 14 сентября 1906 г. (съ купюрами и замѣнами).

Представленъ въ первый разъ на сценѣ Малаго театра въ С.-Петербургѣ 16 декабря 1906 г.

Въ первый разъ появился въ печати, безъ измѣненій, въ январѣ 1907 г., въ изданіи А. С. Суворина; помѣщенъ, съ купюрами и замѣнами, въ приложеніи къ журналу «Театръ и Искусство» за 1907 г. (Февраль — книга II) и выпущенъ тѣмъ же журналомъ, какъ дозволенный къ представленію безусловно, отдѣльнымъ изданіемъ.

Въ предлагаемомъ нынѣ изданіи (Драм. соч. т. I) пьеса сохранена въ ея первоначальномъ видѣ.

Дѣйствіе происходитъ поздней осенью 1904 года.

Большая комната въ стилѣ Людовика XVI. Росписной потолокъ, полъ подъ дорогими коврами. Въ глубинѣ—двери направо и налѣво. Въ средней стѣнѣ 2 большихъ окна; передъ однимъ изъ нихъ обширный акваріумъ, передъ другимъ золотая клѣтка со множествомъ птичекъ; на подоконникахъ невысокіе цвѣты въ горшкахъ. Въ простѣнкѣ между окнами ниша, въ которой статуя—подражаніе Книдской Афродитѣ. У правой стѣны 2 стеклянныхъ шкафа со старинными книгами; около нея у авансцены софа, кресла и столикъ съ такими же журналами. Въ лѣвой стѣнѣ, посрединѣ, каминъ съ большимъ зеркаломъ, только что затопленный, на которомъ часы изъ севрскаго фарфора; направо отъ него столикъ съ шахматами, надъ которымъ въ блестящемъ кольцѣ, спускающемся съ потолка, сонный попугай на тонкой цѣпочкѣ; налѣво отъ камина, отступя, клавесинъ (клавесины), этажерка съ нотами и табуретъ. Недалеко отъ ниши, направо, старая арфа. И на правой и на лѣвой стѣнѣ бронзовыя бра съ сальными свѣчами, гобелены и картины старыхъ мастеровъ, между которыми, на видномъ мѣстѣ, портретъ красиваго мужчины въ гусарской формѣ временъ первыхъ годовъ царствованія Александра I. Посреди потолка большая люстра съ нѣсколькими рядами восковыхъ свѣчей, соединенныхъ зажигательной ниткой. Въ глубинѣ комнаты круглый, хорошо сервированный столъ, за которымъ, при поднятіи занавѣса, баринъ и его подруга доканчиваютъ обѣдъ; онъ—красивый, высокій брюнетъ лѣтъ 30-ти, съ маленькими баками, въ шлафрокѣ изъ темной дорогой матеріи; она—прекрасная блѣдная блондинка тѣхъ же лѣтъ, въ красивомъ домашнемъ платьѣ. Передъ ними стоитъ камердинеръ — высокій, бритый старикъ въ будничномъ ливрейномъ фракѣ, немножко сутулый, немножко медлительный. Всѣ трое одѣты по модѣ 1808 года. Вмѣстѣ съ камердинеромъ за столомъ прислуживаетъ горничная, миловидная, краснощекая брюнетка, лѣтъ тридцати пяти, съ волосами въ косу, въ темно-синемъ сарафанѣ и передникѣ. У камина грѣется шутъ, въ пестромъ нарядѣ и колпакѣ съ бубенчиками, и небольшая обезьяна, привязанная цѣпочкой къ большому металлическому шару. Часовъ 7—8 вечера; въ окна, сквозь обнаженныя вѣтви деревьевъ запущеннаго сада, видно блѣдное осеннее небо съ розовыми облачками.

КАМЕРДИНЕРЪ (съ большимъ одушевленіемъ).

«... у-лю-лю-лю! Слушай! Къ нему! къ нему вали!» Оремъ, что называется, ужъ изъ послѣднихъ силъ. Касатка заложи-

ГОРНИЧНАЯ.

Пусти! пусти, дрянь! Слышишь, пусти!.. Егорычъ, возьми его!

ШУТЪ.

Это я въ набатъ звоню! Пожаръ! Горимъ! Бо́мъ-бомъ-бомъ-бомъ! Бо́мъ-бомъ-бомъ-бомъ! (Камердинеръ освобождаетъ горничную, которая быстро убѣгаетъ налѣво, и даетъ шуту подзатыльникъ. Потирая затылокъ). Ишь—ты! самъ въ могилу смотритъ, а туда же—драться! (Подходитъ, качая головой, къ камину и садится на прежнее мѣсто около обезьяны).

ПОДРУГА БАРИНА (барину).

А что, если онъ въ самомъ дѣлѣ подожжетъ домъ? Что тогда будетъ?

БАРИНЪ

Ну, что жъ, тогда загорится и конюшня! вѣдь она такъ близко находится отъ дома. (Смѣется. Шуту). Правда, дуракъ?

ШУТЪ.

Правда, дуракъ.

БАРИНЪ.

И правда, я дуракъ. Быть владѣльцемъ имѣнія съ такой прекрасной охотой и, вмѣсто того, чтобъ стрѣлять и радоваться на чистомъ воздухѣ... (Ударяетъ съ досадой кулакомъ по столу).

КАМЕРДИНЕРЪ.

Сколько разъ говорилъ я вамъ въ городѣ: рябчики скучаютъ безъ васъ, волки, чай, днемъ забѣгаютъ въ усадьбу, — «гдѣ баринъ», молъ...

БАРИНЪ.

Не говори,—я такъ себѣ смѣшонъ!

КАМЕРДИНЕРЪ.

... А вы себѣ знать ничего не хотѣли; сидѣли съ этими косматыми, сочиняли для нихъ скучныя книжки, желтѣли, худѣли...

ПОДРУГА БАРИНА.

Въ слѣдующій разъ и я поѣду на охоту! Мой костюмъ уже исправленъ.

КАМЕРДИНЕРЪ.

Оно понятно, что эти косматые голоштанники сочиненія сочиняютъ: у нихъ ни имѣнія нѣтъ, ни силушки нѣтъ, опять же такой цвѣтъ лица, что и портить нечего... А вы, богатый баринъ, такой баринъ, что по одному мизинцу вашей ножки можно признать барина, и вдругъ...

БАРИНЪ.

Ахъ! въ то время, какъ твои уста вѣщали истину, мои уши были заложены предразсудками...

КАМЕРДИНЕРЪ.

Подумать только, сколько времени вы потеряли даромъ...

БАРИНЪ.

Почти всю молодость.

ПОДРУГА БАРИНА.

А кто рѣшилъ объ этомъ прошломъ не говорить?.. Ай-ай-ай! вотъ такъ твердое рѣшеніе! (Какъ бы пристыженный, баринъ, улыбаясь, закрываетъ лицо руками). Вмѣсто того, чтобы о грустномъ вспоминать, лучше разсказалъ бы ты намъ, Егорычъ, какъ его дѣдушка на своихъ дѣвушкахъ въ бричкѣ катался. Только поподробнѣе! Мы съ Грушей его такъ же покатать собираемся. (Баринъ смѣется).

ДИКСОНЪ (садясь на прежнее мѣсто).

Вашъ веселый тонъ, дорогая кузина, для меня нисколько не убѣдителенъ;—я ни за что не повѣрю, чтобъ вы могли серьезно сочувствовать нашему врагу, этимъ... этимъ какъ-бы это выразиться...

МЭРИ.

Этимъ защитникамъ своей свободы?

ДИКСОНЪ.

Не употребляйте пожалуйста такихъ трогательныхъ выраженій! Они совершенно не подходятъ къ этому рабовладѣльческому народу, къ этимъ настоящимъ варварамъ, которые забиваютъ до смерти несчастныхъ кафровъ за малѣйшее ослушаніе. Хороши защитники свободы!.. Да о какихъ правахъ личности можетъ говорить столь невѣжественный народъ, какъ эти буры? Слыхали вы напримѣръ, что въ Преторіи противились устройству почтовыхъ ящиковъ на томъ оригинальномъ основаніи, что это излишняя изнѣженность и расточительность. Депутатъ ихъ собранія Тальярдъ заявилъ, что онъ не понимаетъ, для чего людямъ хочется постоянно писать письма. Когда въ дни юности этотъ мудрый человѣкъ написалъ одно письмо, то онъ нисколько не побоялся проѣхать 150 миль верхомъ, чтобы отправить его по почтѣ, а теперь люди лѣнятся пройти для этого одну лишь милю... И это не анекдотъ, а фактъ, дорогая кузина. А что вы скажете про эту изумительную исторію съ галстухами, которая недавно имѣла мѣсто въ Фолькcрадѣ. Одинъ изъ его членовъ, нѣкто Жанъ-де-Биръ, выразилъ передъ своими сочленами благородное негодованіе по поводу того, что нѣкоторые изъ нихъ носятъ галстухи фасона Томъ-Тумъ, а другіе надѣваютъ шарфы. Онъ предлагалъ собранію взяться наконецъ за умъ и установить точно и опредѣленно какъ размѣръ галстуховъ, такъ и ихъ форму. Да всего не перечесть... Ну, какъ вамъ это нравится? И послѣ этого у насъ находятся люди, которые признаютъ этихъ господъ чуть не за воплощенье совершенства? Я не говорю въ данномъ случаѣ про вашего жениха;—мистеръ Броунъ кажется

не дошелъ въ этомъ отношеніи до Гергулесовыхъ Столбовъ; я говорю вообще...

МЭРИ.

Вашъ чай простынетъ.

ДИКСОНЪ.

Вы очень любезны. (Пьетъ чай).

МЭРИ.

Что слышно новаго?

ДИКСОНЪ.

Да что новаго? Правительство намѣрено созвать всю остающуюся милицію, ускорить мобилизацію 8-й дивизіи и немедленно отправить на войну 4-ю кавалерійскую. Какъ вамъ извѣстно, дѣло оказалось нѣсколько серьезнѣе, чѣмъ представлялось вначалѣ. Мы принуждены вывести изъ метрополіи почти всѣ части постоянной арміи, призвать подъ знамена весь резервъ и даже прибѣгнуть къ содѣйствію іоменовъ, волонтеровъ и колоніальныхъ войскъ. Всѣ, кому дорога честь родины, всѣ должны встать подъ знамена.

МЭРИ.

Господи, вы все о войнѣ...

ДИКСОНЪ.

Я слишкомъ хорошій патріотъ для того, чтобъ говорить послѣ Спіонскопа о чемъ нибудь другомъ... Между прочимъ вчера я былъ у одного почтеннаго господина, друга моего отца; постарѣлъ за это время неимовѣрно.

МЭРИ (саркастически).

На него такъ подѣйствовали наши сплошныя пораженія?

ДИКСОНЪ.

Нѣтъ, его сынъ недавно уѣхалъ на войну... двадцатилѣтній, единственный сынъ... Я спрашиваю: «да какъ же вы отпустили его? Вѣдь это была ваша единственная радость! ваша единственная опора!» На глазахъ старика задрожали слезы, но онъ сдержался и съ гордостью отвѣтилъ: «мы патріоты, капитанъ, и этимъ все сказано». Замѣтьте, кузина, его сынъ чрезвычайно слабаго здоровья и совершенно незнакомъ съ тропической жарой... Н-да... Къ сожалѣнію не всѣ такъ поступаютъ. Вы понимаете, я не говорю въ данномъ случаѣ про вашего жениха...

МЭРИ.

Ну еще бы...

ДИКСОНЪ.

Мистеръ Броунъ тутъ не при чемъ,—онъ не состоитъ на дѣйствительной службѣ; я говорю вообще...

МЭРИ.

Я понимаю.

ДИКСОНЪ.

Но скажите, кузина, какого вы мнѣнія о человѣкѣ, который... прощаетъ обиды?

МЭРИ.

Самаго лучшаго; а что?

ДИКСОНЪ.

Такъ-съ. Ну, а если его публично оскорбили, долженъ онъ все-таки простить обиду, или нѣтъ?

МЭРИ.

Мнѣ кажется, что... по моему человѣкъ, который прощаетъ обиды, всегда достоинъ уваженія...

ДИКСОНЪ.

Ну, а если-бъ вашему жениху, слышите,—если-бъ вашему жениху дали оплеуху, пошли бы вы за него замужъ?

МЭРИ.

Я не понимаю, къ чему вы ведете этотъ разговоръ?

ДИКСОНЪ.

Какъ къ чему? Неужели вы не понимаете, что когда оскорбляютъ государство такъ, какъ Англію оскорбилъ Трансвааль, то это оскорбленіе падаетъ на каждаго изъ насъ въ отдѣльности, слышите, на каждаго изъ насъ, такъ какъ каждый изъ насъ, выражаясь образно, является сыномъ этой оскорбленной Англіи. А разъ это такъ, то каждый изъ насъ долженъ приложить всѣ старанія, чтобы смыть какъ съ себя, такъ и со своей матери нанесенное оскорбленіе. Ясно или нѣтъ?.. Тотъ, кто способенъ носить оружіе, пусть идетъ на войну, кто можетъ дать деньги, пусть даетъ деньги и т. д. Вы знаете, какая страшная, какая безпощадная сила наше общественное мнѣніе. Передъ нимъ нельзя притвориться больнымъ, неимущимъ и т. п. Вы понимаете, что это самое общественное мнѣніе, которое поощряетъ гуманность въ мирное время,—требуетъ во время войны наказанія нашего врага, смытія оскорбленія во что бы то ни стало...

МЭРИ.

Надѣюсь, вы не говорите сейчасъ про моего жениха?

ДИКСОНЪ.

Я говорю именно про мистера Броуна...

МЭРИ (вся вспыхнувъ, встаетъ).

Послушайте вы... вы сумасшедшій...

ДИКСОНЪ (вставая).

Сумасшедшій?!.. Сумасшедшій только потому, что я забочусь о вашемъ самолюбіи, о вашемъ собственномъ достоинствѣ!.. Сумасшедшій только потому, что я не хочу, чтобъ на васъ показывали пальцами, чтобъ про вашего мужа говорили какъ про дезертира?

МЭРИ (возмущенная).

Послушайте...

ДИКСОНЪ (перебивая).

Да, такъ будутъ говорить,—я это утверждаю совершенно категорически. Уже теперь я слышалъ возгласы удивленія на его счетъ: «какъ, мистеръ Броунъ, обстрѣленный солдатъ, и при томъ привыкшій къ тропической жарѣ, не желаетъ постоять за свою родину?» Мы всѣ проповѣдуемъ гуманность въ мирное время,—не одинъ только мистеръ Броунъ это дѣлаетъ. Но пришло война и этимъ все сказано.

МЭРИ.

Что-жъ, въ угоду вашему общественному мнѣнію я должна отказаться отъ любимаго человѣка?

ДИКСОНЪ.

Нисколько; но если онъ васъ дѣйствительно любитъ, то вы настоите на томъ, чтобъ онъ хоть для виду отправился въ южную Африку; онъ можетъ тамъ сказаться больнымъ, постараться попасть въ тылъ арміи и прочее; важно только, чтобъ онъ отправился на войну; а тамъ его дѣло.

МЭРИ.

Знаете, Оскаръ, можно быть фанатикомъ, можно быть джингоистомъ, но только не въ такой степени. Послать на войну человѣка, у котораго единственная цѣль жизни—борьба за идею вѣчнаго мира!

ДИКСОНЪ.

Если мистеръ Броунъ не желаетъ, чтобъ къ его картинамъ отнеслись такъ, какъ относятся къ оправдательнымъ документамъ скомпрометированнаго лица, онъ долженъ отправиться на войну, это ясно. Сейчасъ намъ нужны солдаты, правительство напрягаетъ всѣ свои усилія, а красивымъ изображеніемъ вѣчнаго мира и прочаго мы полюбуемся потомъ. Знаете, кузина, если-бъ у насъ была воинская повинность въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ въ другихъ странахъ, настоящій вопросъ не казался-бъ такимъ острымъ; перехитрить правительство и увильнуть отъ его палки,—одно дѣло, не оправдать себя передъ обществомъ, которое опирается на человѣческую порядочность, — совершенно другое дѣло. Да, правда, всѣ мы знаемъ, что мистера Броуна не могутъ призвать въ силу закона, но именно это обстоятельство, дорогая кузина, и создаетъ для него исключительно щекотливое положенье.

МЭРИ.

Я не могу повѣрить, чтобъ вы говорили все это серьезно.

ДИКСОНЪ.

Ну, знаете теперь не время шутить.

МЭРИ.

Вѣдь это же чудовищно, это просто невѣроятно, что вы тутъ проповѣдуете...

ДИКСОНЪ.

Я зналъ, что вы мнѣ такъ отвѣтите и ни за что бы не вмѣшался въ ваши личныя дѣла, еслибъ... еслибъ вы, ваша честь, ваше счастье не были бы мнѣ такъ дороги. Да, еслибъ я не любилъ васъ такъ сильно, какое въ сущности мнѣ было-бъ дѣло до вашего семейнаго счастья съ мистеромъ Броуномъ... Но я люблю васъ и теперь, когда мнѣ представляется, что моя Мэри, моя маленькая Мэри, съ которой я въ дѣтствѣ такъ

ШУТЪ (всякакая).

Горимъ? Воды! Воды! (Убѣгаетъ вслѣдъ за подругой барина).

ТОВАРИЩЪ БАРИНА. (худенькій блондинчикъ неопредѣленнаго возраста, съ длинными жидкими волосами, въ пенсне, одѣтый въ сѣренькій пиджакъ и прочее современнаго покроя, входитъ нѣсколько растерянный, въ сопровожденіи камердинера).

Мнѣ бы этого... я не знаю... Еслибъ почиститься немного... я, собственно говоря... вагонная пыль... нѣтъ ничего хуже на свѣтѣ...

КАМЕРДИНЕРЪ.

А вотъ здѣсь, у камина, и погрѣться и почиститься способно... Груша, щетку! (Горничная уходитъ налѣво).

ТОВАРИЩЪ БАРИНА.

Какъ вы, однако, далеко отъ станціи. А что баринъ... здоровъ?

КАМЕРДИНЕРЪ.

Какъ-же-съ... Хорошія лошадки попались, осмѣлюсь спросить?

ТОВАРИЩЪ БАРИНА (оглядываясь кругомъ съ большимъ любопытствомъ).

Да... Ничего себѣ... (Входитъ горничная со щеткой).

КАМЕРДИНЕРЪ.

Вотъ дѣвка васъ почиститъ, а то меня баринъ кликалъ. Груша! хорошенько! (Уходитъ. Горничная принимается за чистку).

ТОВАРИЩЪ БАРИНА (пятясь немного отъ обезьяны).

Она... не кусается?..

ГОРНИЧНАЯ.

Своихъ не кусаетъ.

ТОВАРИЩЪ БАРИНА.

А постороннихъ?

ГОРНИЧНАЯ.

Постороннихъ у насъ не бываетъ.

ТОВАРИЩЪ БАРИНА.

Не бываетъ?!!. А что, этого, баринъ вашъ... гм... здоровъ вообще?..

ГОРНИЧНАЯ.

Да-съ, здоровы.

ТОВАРИЩЪ БАРИНА (снова пятясь отъ обезьяны).

Хорошо, что она не на свободѣ!

ГОРНИЧНАЯ (окончивъ чистку).

Что вы! Помилуйте! Здѣсь у барина никто не на свободѣ. (Уходитъ налѣво. Товарищъ барина, озадаченный, съ широко раскрытыми глазами, высоко поднимаетъ плечи и разводитъ руками).

ШУТЪ (входитъ справа, разсматриваетъ его со всѣхъ сторонъ и спрашиваетъ строгимъ голосомъ).

Ты кто?

2-я гостья (дѣлая то же, что первая).

Здравствуй, Мэри! Что это вы сейчасъ читали?

диксонъ (здороваясь съ ними).

Мое почтенье! Это одно патріотическое произведенье неизвѣстнаго автора.

1-я гостья.

Ахъ, какъ это интересно. Мы собираемъ всѣ патріотическія стихотворенія.

2-я гостья (перебивая).

Мы собираемъ всѣ патріотическія стихотворенья.

1-я гостья.

Дайте сейчасъ же списать!

2-я гостья.

Да, да, да, дайте намъ списать! Мы сейчасъ же возвратимъ. Ну что, Мэри, какъ твое здоровье?

1-я гостья.

Да, мы и забыли спросить про твое здоровье... Отчего ты такъ рѣдко къ намъ заходишь?

2-я гостья.

Ну, капитанъ, давайте скорѣе ваше стихотворенье! (Беретъ изъ его рукъ листокъ со стихами). Вѣдь это ваше, неправда ли?

1-я гостья.

Навѣрное, навѣрное ваше. Ну что, какъ? Скоро ѣдете на войну? Боитесь? Нѣтъ?

2-я гостья.

Начальство отпускаетъ? Добились отпуска?

ДИКСОНЪ.

Я постараюсь этого добиться во что бы то ни стало.

1-я гостья.

Я никогда не видѣла васъ въ формѣ. Вы должны намъ дать вашу фотографическую карточку въ формѣ.

2-я гостья.

Непремѣнно. А то васъ могутъ убить и мы останемся ни съ чѣмъ. Правда Мэри?

1-я гостья.

Совершенно вѣрно.

2-я гостья (1-ой).

Ну, доставай скорѣй записную книжку!

1-я гостья (вынимаетъ изъ сумочки записную книжку. 2-ой).

Да, да, да,—не надо терять времени.

2-я гостья (показывая на круглый столъ).

Вотъ здѣсь... Скорѣе!

1-я гостья.

Только пожалуйста пиши поразборчивѣй! (Усаживается за круглый столъ; 2-ая гостья въ полъ-голоса диктуетъ, 1-ая записываетъ).

РИЧАРДЪ АТКИНСЪ (входя вмѣстѣ съ Броуномъ;—оба въ сюртукахъ).

Да, мой другъ, я категорически запрещаю въ моемъ домѣ говорить о Спіонскопѣ; это совершенно лишняя порча нервовъ.

ТОВАРИЩЪ БАРИНА.

Гм... (Пожимаетъ плечами, что-то припоминаетъ и снова всматривается въ нее со вниманіемъ). Вв... твое лицо мнѣ кажется знакомымъ...

ГОРНИЧНАЯ.

Я васъ ни разу не видѣла. Вы вѣдь здѣсь впервые, кажется...

ТОВАРИЩЪ БАРИНА.

Не помню только, гдѣ... а впрочемъ... не знаю, можетъ быть, я ошибаюсь. (Разсматриваетъ журналы на столикѣ, беретъ одинъ изъ нихъ въ руки и читаетъ). «Политическій, статистическій и географическій журналъ или современная исторія свѣта на 1808 г. Часть третья. Книжка третья. Мѣсяцъ сентябрь.» (Пожимаетъ плечами, кладетъ журналъ на мѣсто и читаетъ заголовки другихъ). «Геній Временъ». 1808-го года... Санктпетербургскій Журналъ»... «Сѣверный Меркурій»... все на 1808-ой годъ... мѣсяцъ сентябрь... Скажите мнѣ, т. е. скажи мнѣ, что это у васъ за журналы такіе... старые, а?

ГОРНИЧНАЯ.

Не знаю-съ; что это не наше дѣло. (Зажегши послѣднюю свѣчу, бросаетъ остатокъ лучинки въ каминъ и поправляетъ въ немъ щипцами дрова. Пауза).

ТОВАРИЩЪ БАРИНА. (смотря на зажженныя бра).

Я не понимаю, что это за свѣчи... Вотъ странныя!

ГОРНИЧНАЯ.

Чѣмъ странныя? сальныя, 1-ый сортъ.

ТОВАРИЩЪ БАРИНА (подойдя къ ней вплотную).

Сальныя? (Откидываясь назадъ). Послушайте, что все это значитъ? (Схватываетъ ее за руку). Ну, умоляю васъ, скажите мнѣ,

что это все обозначаетъ?.. Ахъ! (Всплескиваетъ руками). Да вѣдь вы баронесса Нордманъ, или я съ ума сошелъ, галлюцинирую, сплю...

ГОРНИЧНАЯ.

Да что вы, баринъ!..

ТОВАРИЩЪ БАРИНА (перебивая).

Вы баронесса Нордманъ, съ которой я встрѣчался еще годъ тому назадъ въ Соціологическомъ кружкѣ.

ГОРНИЧНАЯ.

Да что вы!..

ТОВАРИЩЪ БАРИНА.

Я больше не сомнѣваюсь. Вы — Елена Степановна Нордманъ, баронесса Нордманъ...

ГОРНИЧНАЯ (пятясь отъ него).

Съ нами крестная сила! Что вы, баринъ! Что вы говорите!.. Я—крѣпостная дѣвка... изъ дворовыхъ... меня зовутъ Грушей... Я здѣсь полы мою...

ТОВАРИЩЪ БАРИНА.

Какъ крѣпостная?.. (Пауза). Крѣпостное право отмѣнено еще въ 1861 году!

ГОРНИЧНАЯ.

Съ нами крестная сила! Да вѣдь теперь еще 1808-ой!

ТОВАРИЩЪ БАРИНА.

Что?!!

КАМЕРДИНЕРЪ (входя справа).

Баринъ идутъ! (Останавливается въ почтительной позѣ около двери. Горничная забираетъ табуретку и поспѣшно уходитъ налѣво. Товарищъ барина кидается къ нему навстрѣчу, — на порогѣ показывается мощная фигура барина, одѣтаго въ красивый будничный гусарскій мундиръ временъ первыхъ годовъ царствованія Александра I. Товарищъ барина отступаетъ пораженный, падаетъ на стулъ и закрываетъ глаза руками).

БАРИНЪ (подходя къ нему).

Здравствуй! что съ тобой? (За бариномъ входитъ его подруга, пріодѣвшаяся немного параднѣе прежняго, и шутъ. Изъ лѣвыхъ дверей выглядываетъ горничная).

ТОВАРИЩЪ БАРИНА (открываетъ глаза, испуганно смотритъ на барина и говоритъ дрожащимъ голосомъ).

Что это все значитъ? Именемъ Бога умоляю васъ, что это все обозначаетъ? (Хватается одной рукой за сердце, другою закрываетъ глаза). Ахъ!.. ахъ.. сердцебіеніе... воды... дайте мнѣ воды!..

ШУТЪ (не своимъ голосомъ).

Воды! воды! горимъ! (Убѣгаетъ налѣво).

БАРИНЪ.

Ты боленъ? Что случилось?..

ТОВАРИЩЪ БАРИНА.

Спрысните меня водою!.. Ущипните меня изо всѣхъ силъ, потому что я крѣпко сплю, мнѣ страшно, и я не могу проснуться... (Кричитъ). Да разбудите же меня!.. Вѣдь это же безбожно... Или я галлюцинирую?! (Болѣе спокойно). Я ѣхалъ двое сутокъ по желѣзной дорогѣ и почти цѣлый день на лошадяхъ... Если вы меня хотите морочить, то это очень нехорошо: у меня неврастенія и больное сердце... Я ничего не соображаю... Я встрѣтилъ страшную старуху съ волосатымъ подбородкомъ...

за ней шелъ черный мальчикъ... меня поднялъ на смѣхъ сердитый шутъ... потомъ какая-то крѣпостная баронесса... т. е... Нѣтъ, я... я... (Кричитъ). Да объясните жъ наконецъ! Вѣдь это ни на что не похоже... (Смотря пристально въ глаза барину). Неужели мнѣ сказали въ Петербургѣ правду, неужели въ самомъ дѣлѣ ты сошелъ съ ума!

БАРИНЪ.

И ты не побоялся поѣхать къ сумасшедшему? Почему же ты теперь испугался?

ТОВАРИЩЪ БАРИНА.

Я... я собственно не испугался, а... я только сбитъ съ толку... Я вижу, что ты не сумасшедшій и вмѣстѣ съ тѣмъ... (Встаетъ и жметъ руку барину). Ну, не мучь же меня!.. Довольно! Вѣдь это наконецъ жестоко. Я усталъ какъ собака!.. Ну, объясни мнѣ скорѣй!..

ШУТЪ (вбѣгаетъ съ ведромъ воды).

Вотъ вода! Кому воды? (Всѣ, кромѣ товарища барина и шута, прыскаютъ со смѣху).

БАРИНЪ (показывая на шута товарищу).

Позволь тебѣ представить: мой шутъ (наклоняетъ голову шута) изъ «блаженныхъ» сосѣдней деревни.

ШУТЪ.

Я Ѳедя Криночкинъ и Ѳеня Шустрая.

БАРИНЪ.

Онъ прозванъ въ ней по самымъ неопровержимымъ даннымъ куреей, т. е. двуполымъ.

ТОВАРИЩЪ БАРИНА.

Господи!

ДИКСОНЪ.

А ихъ улыбка?

БРОУНЪ.

Натянутая.

ДИКСОНЪ.

Это вамъ кажется.

БРОУНЪ.

Бѣдный, бѣдный народъ, который за гроши отправляется жариться на солнцѣ и подставлять свои лбы подъ пули. Воображаю, какъ теперь веселятся ихъ жены, матери, дѣти.

1-я гостья.

Мистеръ Броунъ, зачѣмъ вы намъ портите впечатлѣніе?.. (Музыка мало-по-малу утихаетъ).

БРОУНЪ.

Напротивъ, я его улучшаю,—я дѣлаю его болѣе вѣрнымъ. Ахъ, еслибъ я былъ композиторомъ, я написалъ бы военный маршъ, который выражалъ бы дѣйствительныя, а не навязанныя чувства этого пушечнаго мяса. Подъ этотъ маршъ они бы не маршировали съ такимъ ухарскимъ видомъ. Въ немъ слышались бы вздохи ихъ женъ, слезы ихъ дѣтей, любовь къ жизни, цвѣтущей жизни здоровой молодости.

МЭРИ (входитъ съ биноклемъ въ рукахъ).

Вотъ бинокль.

1-я гостья.

Ты бы еще завтра принесла.

2-я гостья.

Да, да,—ты бы еще завтра принесла. (Мэри кладетъ бинокль на подоконникъ).

КЭТЪ АТКИНСЪ.

Ну-съ, теперь можно и за чай приняться. Милости просимъ! (Садится за столъ и разливаетъ чай. Всѣ слѣдуютъ ея приглашенію).

ДИКСОНЪ.

Нашъ великій Байронъ, мистеръ Броунъ, разсуждалъ нѣсколько по другому, чѣмъ вы. Помните его стихотворенье:

Ты кончилъ жизни путь, герой!
Теперь твоя начнется слава
И въ пѣсняхъ родины святой
Жить будетъ образъ величавый...
Ты палъ, но кровь твоя течетъ
Не по землѣ, а въ нашихъ жилахъ.

БРОУНЪ.

Да, но помните, что говоритъ Байронъ въ VII-ой пѣснѣ своего Донъ-Жуана. «О люди, о безумцы! Неужели опытъ прошлаго для васъ не существуетъ? Неужели изъ за вашихъ лавровъ должны вѣчно потоками литься кровь и слезы?»

ДИКСОНЪ.

Однако въ IX-ой пѣснѣ онъ утверждаетъ, что съ удовольствіемъ бы выразилъ отвращенье къ войнѣ, еслибъ не былъ убѣжденъ, что только она одна спасаетъ міръ отъ «плѣсени и гнили». Къ тому же, какъ вамъ извѣстно, Байронъ добровольно отправился на войну и сложилъ на полѣ битвы свою голову.

БРОУНЪ.

Да, но онъ отправился сражаться за независимость Греціи. И, живи Байронъ въ настоящее время, онъ скорѣй сталъ бы воевать за независимость буровъ, чѣмъ за господство англичанъ.

ДИКСОНЪ.

Мнѣ кажется, вы немножко клевещете на покойника. Впрочемъ, вашему предположенію нельзя отказать въ смѣлости. Вообще, вы очень смѣлый человѣкъ, мистеръ Броунъ.

БРОУНЪ.

Изъ чего вы это заключаете?

ДИКСОНЪ.

Да какъ же! Послѣ того, какъ Англія, одна изъ самыхъ цивилизованныхъ странъ всего свѣта, оказалась принужденной разрушить чары Гаагской конференціи пушечными выстрѣлами, послѣ того, какъ весь міръ воочію убѣдился, что война— неизбѣжное явленье, — вы имѣете еще смѣлость вести войну съ войной.

БРОУНЪ.

А мнѣ кажется, что послѣ этихъ страшныхъ жертвъ Трансваальской трагедіи, которыя сами по себѣ говорятъ слишкомъ выразительно, не менѣе смѣло стоять за войну во что бы то ни стало.

1-я гостья.

Подъ Спіонскопомъ мы потеряли цѣлую тысячу.

2-я гостья.

800 убитыми и полторы тысячи ранеными.

ДИКСОНЪ.

Цивилизація, мистеръ Броунъ, это растеніе, которое по словамъ Ксавье-де-Местра требуетъ для успѣшнаго произрастанія поливки кровью. «Мы погибли бъ, говоритъ Ѳукидидъ, еслибъ не погибали». «Война, по справедливому замѣчанію Гегеля освѣжаетъ человѣчество подобно бурѣ, предохраняющей море отъ гніенія». Прочтите Лассаля! Что вы можете сказать противъ историческихъ фактовъ? Какъ ни какъ, а христіанская

Это что-то новое! [illegible] ?!

религія распространялась мечомъ. Да, мечомъ, именно мечомъ крестилъ Карлъ Великій Германію. Мечомъ освобожденъ гробъ Господень, мечомъ низвергнуто язычество, мечомъ сражался самъ Давидъ, Самсонъ и Гедеонъ. Все истинно великое въ исторіи, все, все обязано мечу. Да что тутъ долго говорить!— вглядитесь въ природу. Развѣ борьба не лежитъ въ основѣ всего живущаго! Борьба, а не что либо другое обусловливаетъ созданіе совершеннаго, идеальнаго. И развѣ человѣчество, эта маленькая частица природы, можетъ не подчиняться этому міровому закону борьбы!.. Гоббсъ прямо говоритъ, что истинное, естественное право, которое служитъ основаніемъ всякаго права, есть право сильнаго. Война неизбѣжный удѣлъ человѣчества и вѣчный миръ, какъ учитъ Лейбницъ, возможенъ только на кладбищѣ.

1-я гостья, а за ней 2-я гостья.

Браво, браво!

2-я гостья.

Правда, какъ вы это интересно доказываете.

ДИКСОНЪ.

Вы прочтите только, что говорятъ самоновѣйшіе писатели, «гуманные» писатели, если, этотъ эпитетъ вамъ такъ нравится. Франсъ, напримѣръ, на основаніи цѣлаго ряда историческихъ данныхъ преподаетъ намъ, что благодаря войнѣ на мѣстѣ первобытнаго хаоса водворенъ порядокъ, на мѣстѣ анархіи— авторитетная власть, на мѣстѣ несноснаго своеволія—строгая дисциплина. Война, говоритъ онъ, освободила среди нашего эгоизма и малодушія почетное, истинно почетное мѣсто самоотреченію, благородству и героизму. Да, этотъ лучшій цвѣтокъ человѣчества—героизмъ выростаетъ на полѣ битвы, на кровавомъ полѣ битвы. И смѣемъ ли мы послѣ этого отрицательно относиться къ войнѣ! Благоразумно ли съ нашей стороны отвергать ее только потому, что на войнѣ убиваютъ. Да вѣдь эти жертвы, эта дивная возможность принесть жертву на

турной жизни, изъ любви къ необычайному, изъ любви, наконецъ, ко мнѣ, не способны отдаться въ неволю! Я дамъ тебѣ потомъ прочесть ихъ клятвенныя обѣщанія.

ТОВАРИЩЪ БАРИНА.

У меня нѣтъ больше силъ удивляться.

БАРИНЪ.

Ихъ и не нужно въ данномъ случаѣ...

ТОВАРИЩЪ БАРИНА (тономъ величайшаго удивленія).

Что?!!

БАРИНЪ (укоризненно).

Ты только что сказалъ, что у тебя нѣтъ больше силъ удивляться. (Всѣ смѣются). А Егорыча ты узнаешь? моего браваго камердинера? (Камердинеръ кланяется). Я не помню, говорилъ я тебѣ или нѣтъ, что онъ и его жена,—она у насъ здѣсь за повара,—нѣсколько своеобразно отнеслись къ манифесту 19-го февраля?

ТОВАРИЩЪ БАРИНА.

То есть?..

БАРИНЪ.

Они заявили, что такихъ вѣрныхъ слугъ, какъ они, этотъ манифестъ касаться не можетъ и, несмотря ни на что, остались у насъ жить по старому. (Похлопываетъ камердинера, тотъ ловитъ его руку и цѣлуетъ). Онъ у меня здѣсь, въ хозяйствѣ, правая рука. А какой онъ охотникъ, — просто одно удивленье! Слыхалъ ты когда-нибудь объ охотѣ съ бассетами, хортыми, такселями, биклесами?..

ТОВАРИЩЪ БАРИНА.

Господи, какія названія!

БАРИНЪ.

То-то! (Камердинеру, щелкая пальцами). Вели-ка своей старухѣ что нибудь повкуснѣе приготовить къ ужину, а пока принеси намъ меду бутылочку да цукербродовъ тарелочку!

КАМЕРДИНЕРЪ.

Слушаю-съ. Въ столовой прикажете накрыть или...

БАРИНЪ (перебивая).

Въ столовой. (Камердинеръ кланяется и уходитъ налѣво. Своему товарищу). Однако, что же ты стоишь, голубчикъ! Садись, пожалуйста! (Показываетъ ему на стулъ около столика съ журналами).

ТОВАРИЩЪ БАРИНА (саркастически).

Я не смѣлъ,—ты такъ величественъ. (Садится).

БАРИНЪ (садясь рядомъ съ нимъ, шутливо).

Ничего! Дерзай, дерзай! (Смѣются).

ТОВАРИЩЪ БАРИНА.

Итакъ, мы сейчасъ живемъ въ тысяча восемьсотъ...

ПОДРУГА БАРИНА (присаживаясь къ нимъ).

Въ тысяча восемьсотъ восьмомъ.

БАРИНЪ.

То есть, когда моему прадѣду было столько лѣтъ, сколько мнѣ сейчасъ, когда онъ уже вышелъ изъ полка и зажилъ, по его словамъ, «въ любезной тишинѣ своего сельскаго парадиза».

ТОВАРИЩЪ БАРИНА (саркастически).

Итакъ ты, нашъ недюжинный экономистъ, гордость нашего кружка, восходящая, такъ сказать, звѣзда во мракѣ ночи на-

силы сосредоточить въ борьбѣ съ иноземцами. Во первыхъ, развѣ иноземцы не товарищи намъ по несчастью!..

ДИКСОНЪ. (перебивая).

Но, мистеръ Броунъ, законъ борьбы за существованье этого требуетъ.

БРОУНЪ.

Будто!.. Такъ-таки и требуетъ, чтобы наша борьба носила форму войны?.. Не могу я этому повѣрить. Я полагаю, что человѣчество, въ своемъ стремленіи къ цивилизаціи, должно наконецъ разстаться съ кодексомъ, унаслѣдованнымъ отъ дикарей. Я хочу вѣрить, что люди перестанутъ наконецъ расходовать на дѣло смерти въ два раза больше, чѣмъ на потребности жизни. Смѣшно подумать, сколько тратимъ мы ради войны. Европа держитъ на готовѣ 9 милліоновъ солдатъ, расходуя на эту милую предусмотрительность до 4-хъ милліардовъ франковъ ежегодно. Вѣдь это же чудовищно! Вѣдь эти цифры заставили самого Мольтке признать, что съ теченіемъ времени народы окажутся не въ состояніи переносить военныхъ расходовъ! (Темнѣетъ).

УАЛЬТЕРЪ.

Мнѣ кажется, что отвергать войну только потому, что она дорого стоитъ, не совсѣмъ резонно. Каждый изъ насъ знаетъ, что самыя лучшія вещи всегда очень дорого стоютъ.

БРОУНЪ.

Гм... Это настолько вѣсскій аргументъ, что возразить на него не въ моихъ силахъ.

УАЛЬТЕРЪ.

Охотно вамъ вѣрю.

но гдѣ и серафимъ подчасъ летаетъ, тамъ, гдѣ хранится столько тайнъ, возможностей и силъ чудесныхъ, тамъ, въ одной изъ этихъ дивныхъ обителей, какъ и другія, созданной для одного, только для одного,—тамъ жило двое... Одинъ былъ... (Боже мой, какъ непріятно говорить о тѣхъ, кого не любишь!) одинъ былъ добрый, образованный, прилежный. Другой былъ... (Господи, какъ я люблю его!) другой былъ злой-презлой и неучъ, и лѣнивый. Имъ было тѣсно, разумѣется, однако... Судьбою не дано имъ было жить въ отдѣльности. Хотѣлось развернуться имъ, но каждый былъ огромною помѣхой для другого. И вотъ тотъ, что ученымъ слылъ, и добрымъ, и прилежнымъ, пустилъ дурманъ науки въ ходъ и усыпилъ другого; сѣлъ на кровать къ нему и колыбельную запѣлъ такого рода: «Спи, милый баринъ, усни, подсунувши плеть подъ подушку. Прошло твое славное времячко! Спи—вѣдь прошло золотое! Нѣтъ уже смуглыхъ рабовъ и рабынь бѣлотѣлыхъ! Спи! Время власти господъ миновало... Осанкѣ твоей благородной смѣяться лишь можемъ мы дружно. Ученость и трудъ намъ нужны: лоскъ вельможи ужъ насъ не плѣняетъ: все меньше и меньше красавицъ, что цѣнятъ холёную руку дороже мозолистой»... Такъ пѣлъ ученый и сномъ необорнымъ сомкнулъ неученому вѣки красивыя. Только недолго онъ царствовалъ, только недолго хозяйничалъ. Силушку барскую, истую силушку, трудно сломить даже яду тлѣтворному. Разъ! и проснулся вдругъ... Два! потянулся всласть... Три! и забылъ даже думать про лѣнь... «Нѣтъ, закричалъ онъ, не будетъ по твоему. Розсказней больше я слушать не стану, братъ! Будетъ теперь мудрено усыпить меня. Ну-т-ка, поди сюда мѣриться силами! Врешь, братъ, довольно хозяйничать, вольничать. Власти хочу я! Аль скажешь голодному, чтобы не кралъ онъ! Я баринъ!!! Ты слышишь?! Я мысли о равенствѣ не принимаю: вырветъ меня, коль ея пріобщуся! Полно! намъ вмѣстѣ не жить здѣсь попрежнему! Слышишь?! довольно натѣшился, миленькій». Тысячъ пятьсотъ доказательствъ тутъ выставилъ грозно ученый... Силою воли одной ихъ тотчасъ побѣдилъ неученый; взялъ онъ за горло соперника, малость сдавилъ двумя пальцами, кинулъ за двери обители, сталъ одинъ жить себѣ бариномъ. Вотъ и вся сказка, а присказку можете сами придумать вы, коли вамъ сказка по-

пожалуйста, еслибъ мы могли обходиться безъ войны, на кой-же чортъ, спрашивается, мы дѣлали-бъ такія глупыя траты! Отсюда мнѣ кажется слишкомъ ясно, что война это зло, но зло неизбѣжное.

БРОУНЪ (удивленный).

Васъ-ли я слышу, мистеръ Аткинсъ?

РИЧАРДЪ АТКИНСЪ.

Насколько я не ошибаюсь, мистеръ Броунъ... меня. (Садится).

ДИКСОНЪ.

Идея вѣчнаго мира очень красивая, очень гуманная идея, но увы!—это нѣчто несбыточное. Какъ вамъ должно быть извѣстно, о вѣчномъ мирѣ заключено не болѣе, не менѣе, какъ 8000 трактатовъ. И что-же! Каждый изъ нихъ дѣйствовалъ годъ, два,—не болѣе. Аристофанъ почти за 500 лѣтъ до Рождества Христова написалъ двѣ комедіи противъ войны. Послѣ этого войны скорѣе участились, чѣмъ уменьшились. Урокъ исторіи былъ настолько поучителенъ, что въ продолженіе почти двухъ съ половиной тысячъ лѣтъ никто изъ драматурговъ не плѣнился антимилитарною идеей. Нѣтъ, я вполнѣ присоединяюсь къ мнѣнію нашего уважаемаго хозяина: война явленье неизбѣжное.

БРОУНЪ.

Да, но вы забываете, что только недавно образовался международный пролетаріатъ, что только недавно рабочій классъ сталъ источникомъ политической силы, которая со дня на день становится все болѣе и болѣе вліятельной. Не сегодня—завтра рабочій классъ перестанетъ поддаваться иллюзіи національнаго величія и тогда господамъ Круппу и Манлихеру останется только закрыть свои лавочки. А потомъ скажите откровенно, неужели нестыдно проливать людскую кровь, когда есть такое простое средство, какъ третейскій судъ!

БАРИНЪ.

Пей пожалуйста!

ТОВАРИЩЪ БАРИНА.

Да ты отвѣть мнѣ толкомъ! (Выпиваетъ залпомъ свою чарку).

БАРИНЪ.

Отлично; я пришлю вамъ нѣсколько статей; не знаю только, подойдутъ ли онѣ къ журналу съ соціалъ-демократической тенденціей! Первая статья называется «Рабство и его положительныя стороны», вторая...

ТОВАРИЩЪ БАРИНА (перебивая).

Ты опять хочешь смѣяться!

БАРИНЪ.

Напротивъ, я хочу, чтобъ ты смѣялся. (Беретъ одинъ изъ журналовъ и перелистываетъ). Собственно говоря, лучшимъ отвѣтомъ на твое предложеніе можетъ послужить слѣдующее мѣсто изъ «Новаго катехизиса французской словесности». Вотъ! вопросъ идетъ о бумагомараньѣ. Слушай, въ чемъ цѣль бумагомаранья! (Читаетъ). «...цвѣтущее состояніе бумажныхъ фабрикантовъ, типографщиковъ и книгопродавцевъ, увеселеніе другихъ людей, пища собственнаго духа, который почти непрестанно томится жаждою просвѣщенія и пріобрѣтать славу». Конечно, ты скажешь, что то, что писалось въ 1808 году, не можетъ относиться къ XX-му вѣку, но я...

ТОВАРИЩЪ БАРИНА (перебивая).

Неужели ты въ серьезъ интересуешься этимъ старьемъ?

БАРИНЪ.

Старье? Журналъ за сентябрь 1808 г. называется старьемъ! (Къ ней). А?! Каково! (Къ нему). Да еслибъ ты только зналъ, какъ насъ волнуетъ каждая новость, каждое событіе текущей

славшись на епископа Кальярскаго, заявилъ, что христіане даже самое дорогое для нихъ благо—свою религію, и ту должны защищать не убіеньемъ другихъ, а своей собственной смертью. Тогда мистеръ Роджъ указалъ на блаженнаго Августина, который утверждалъ, что христіанство не осуждаетъ войны въ въ томъ случаѣ, если она справедлива и ведется безъ жестокостей, на что мистеръ Грэтъ словами Локтанція отвѣтилъ, что законъ Божій запрещаетъ христіанамъ носить оружіе. На этотъ разъ мистеръ Роджъ, человѣкъ вообще очень спокойный, вспылилъ и громкимъ голосомъ сказалъ: «Арелатскимъ соборомъ постановлено отлучать отъ церкви уклоняющихся отъ военной службы», но мистеръ Грэтъ, человѣкъ вообще крайне вспыльчивый, на этотъ разъ сдержался и тихимъ голосомъ сказалъ: «Максимиліанъ, Маркеллъ, Мартинъ, Виктрицій, Ферруцій и многіе другіе претерпѣли мученіе и смерть за отказъ отъ военной службы и именно за это были причтены къ лику святыхъ». Нѣтъ, знаете - ли, мистеръ Броунъ, я не хочу васъ обидѣть, но только этого вопроса вы лучше не касайтесь... Мэри, зажги электричество! (Мэри подходитъ къ электрическимъ кнопкамъ и освѣщаетъ комнату).

ДИКСОНЪ.

Помимо сказаннаго, мистеръ Броунъ, вы забываете объ одномъ могучемъ факторѣ войны,—я говорю о патріотизмѣ. Прежде всего благо отечества, а затѣмъ ужъ интересы отдѣльныхъ индивидуумовъ. И если въ томъ или другомъ случаѣ благо отечества можетъ быть куплено только цѣною крови, то жалкія ламентаціи тутъ не должны имѣть мѣста... Конечно тотъ, кто чуждъ патріотизму, кто чуждъ этому святому чувству, тому этого не объяснишь, дѣло ясное.

БРОУНЪ.

Если дѣйствительно патріотизмъ святое чувство, то чтите-же его какъ таковое, не дѣлайте его щитомъ своихъ наигнуснѣйшихъ преступленій, не допускайте прикрываться имъ тщеславью, меркантильности и хищничеству! Не превращайте патріотизма, этого краснаго бога, въ уродливое чудовище,

которое требуетъ крови, труповъ, раззоренія, слезъ, навѣки непоправимаго горя...

ДИКСОНЪ.

Вы меня простите, но это риторика и только.

БРОУНЪ.

Нисколько. А кромѣ того я полагаю, что если надъ любовью къ себѣ должна брать верхъ любовь къ своей семьѣ, если надъ тою и другою должна брать верхъ любовь къ своему отечеству, то надъ этою послѣднею, надъ патріотизмомъ, должна брать верхъ любовь къ человѣчеству,—человѣчность; потому что это чувство болѣе глубокое, болѣе объемлющее, болѣе альтруистичное, чѣмъ всѣ остальныя. И въ томъ случаѣ, если любовь къ своему государству основана на ненависти къ другимъ государствамъ, основана на пренебреженіи благами всего человѣчества, то я стыжусь быть патріотомъ и говорю объ этомъ совершенно открыто.

КЭТЪ АТКИНСЪ.

Господа, что же вы такъ лѣниво пьете чай? Какъ будто нельзя заниматься разговорами и чаемъ одновременно. Мистеръ Уальтеръ, позвольте я вамъ налью еще чашечку! (Мистеръ Уальтеръ только того и ждалъ; кланяется и съ улыбкой исполняетъ ея желаніе).

ДИКСОНЪ.

То, что вы говорите, мистеръ Броунъ, не представляетъ собою чего либо новаго. Чуть не съ сотворенья міра люди возмущаются войной, однако толку отъ этого никакого. И повѣрьте, что давность войны говоритъ за себя въ 100 разъ краснорѣчивѣе, чѣмъ всѣ ваши «гуманные» на нее взгляды.

БРОУНЪ.

Нѣтъ, я вѣрю въ часъ просвѣтлѣнія. Я вѣрю, что настанетъ минута, когда всѣ, всѣ люди воочію убѣдятся въ нелѣ-

пости войны, когда причины современныхъ войнъ будутъ вызывать такое жъ удивленіе, такую же усмѣшку, такое-же негодованіе, какія мы теперь испытываемъ, читая про войну городовъ Пизы и Лукки, Аѳинъ со Спартой, провинцій Франціи одной съ другой и т. д. Пушки будутъ показываться только въ музеяхъ,—я въ этомъ нисколько не сомнѣваюсь. Ихъ поставятъ рядомъ съ орудіями пытокъ, и наши правнуки будутъ съ недоумѣньемъ вопрошать: «какъ, въ эту эпоху, когда просвѣщеніе такъ далеко шагнуло впередъ, еще были въ ходу эти отвратительныя вещи! И для возстановленья попраннаго права прибѣгали къ такой мерзости! Какъ, скажутъ они, ни Кантъ, ни Толстой, ни Бокль, ни Паскаль, ни Бентамъ, ни Спенсеръ, никто изъ этихъ великихъ людей не могъ побороть темной силы своихъ современниковъ!» И съ какою же гадливосью наши правнуки будутъ отзываться объ этихъ завзятыхъ человѣкоубійцахъ, объ этихъ странныхъ людяхъ, которые не могли проникнуться простой идеей гуманности! Нѣтъ, вѣрю я, что вѣчный миръ не есть нѣчто несбыточное. Наступитъ часъ, когда всѣ государства признаютъ войну такимъ-же страшнымъ преступленіемъ, какъ грабежъ и смертоубійство вмѣстѣ взятые. Стоитъ только правительствамъ сговориться и издать законъ, по которому уже одно подстрекательство къ войнѣ карается сметной казнью, и вѣчный миръ обезпеченъ. Вѣдь на Гаагской конференціи всѣ державы раздѣлили взглядъ на войну Русскаго Правительства. Вы говорите, что война неизбѣжна. Но вѣдь и рабство недавно казалось неизбѣжнымъ. (Входитъ Нелли). Чуть не съ сотворенья міра оно существовало и вотъ однако-же рушилось!

НЕЛЛИ.

Мистеръ Джемсонъ (Уходитъ).

ДИКСОНЪ.

Да, но не вездѣ аналогія можетъ быть примѣнима. Хоть то можетъ быть и очень жаль, но это такъ.

МИСТЕРЪ ДЖЕМСОНЪ (франтоватый господинъ среднихъ лѣтъ, входитъ, слегка покашливая, и здоровается съ присутствующими).

КЭТЪ АТКИНСЪ.

А мы ужъ думали, что вы насъ совсѣмъ забыли. Милости просимъ, садитесь вотъ сюда! Хотите чашку чаю?

ДЖЕМСОНЪ.

Спасибо.

РИЧАРДЪ АТКИНСЪ.

Что это вы покашливаете?

ДЖЕМСОНЪ.

Простудился. Знаете, при этой ужасной погодѣ это такъ легко... Я вообще подверженъ...

1-я гостья (къ Кэтъ Аткинсъ).

Мама ужь 10-й день, какъ простужена.

2-я гостья.

Да, сегодня ровно 10 дней.

УАЛЬТЕРЪ. (къ Кэтъ Аткинсъ).

Гдѣ вы достаете такое изумительно вкусное печенье?

КЭТЪ АТКИНСЪ (улыбаясь).

А!—это секретъ. Не скажу, чтобъ вы чаще приходили его кушать.

ДИКСОНЪ (Уальтеру).

Ну что, удалось вамъ продать своего вороного?

УАЛЬТЕРЪ.

Не напоминайте!—я такъ продешевилъ. (Вступаетъ съ Диксономъ въ интимный разговоръ).

ДЖЕМСОНЪ. (къ Мэри).

Въ слѣдующее воскресенье, какъ это мнѣ доподлинно извѣстно, состоится изумительный по своей роскоши благотворительный базаръ. Говорятъ въ числѣ продавщицъ будетъ герцогиня Девойнширская и вообще это будетъ нѣчто совершенно особенное. Такъ вотъ я хотѣлъ вамъ предложить отъ имени сестры...

1-я гостья (перебивая).

А кто еще участвуетъ?

ДЖЕМСОНЪ.

Я не сумѣю вамъ всѣхъ перечислить, но, насколько мнѣ извѣстно, во-первыхъ, какъ я ужъ вамъ сказалъ, герцогиня Девойнширская, затѣмъ если я не ошибаюсь...

УАЛЬТЕРЪ (перебивая; Диксону).

Все это совершенно вѣрно, но согласитесь, что...

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ III-е.

Комната перваго дѣйствія. Вечеръ. Голландская печь только что затоплена. Она одна освѣщаетъ комнату. При поднятіи занавѣса Броунъ, небрежно одѣтый, лежитъ на софѣ съ неподвижнымъ взоромъ. Тишина, изрѣдка прерываемая едва слышнымъ уличнымъ шумомъ. Черезъ нѣкоторое время Броунъ спускаетъ ноги съ софы, потираетъ виски, подходитъ къ письменному столу, садится за него и зажигаетъ свѣчи. Его лицо очень блѣдно, волосы немного растрепаны. Онъ беретъ почтовую бумагу и нервно пишетъ; затѣмъ нажимаетъ кнопку электрическаго звонка, вкладываетъ письмо въ конвертъ и запечатываетъ. Входитъ Джонъ и останавливается около дверей.

цѣль борьбы, но у кого остались и силы и желанье бороться, кто хочетъ обладать истиной и знаетъ, что это—желаніе схватить луну, кто хочетъ вѣрить въ волшебное, чудесное, и у кого изъ-подъ носа наука вымела всю чертовщину.

ТОВАРИЩЪ БАРИНА.

Но...

БАРИНЪ.

Я утверждаю, что въ человѣкѣ заложена потребность въ ужасахъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ потребность въ избавленіи отъ нихъ. Ахъ, какъ мнѣ хочется, какъ мнѣ нужны и привидѣнія и скользкія русалки и вампиры съ глазами жестокими и красными. Нашли, что это все пустое, изгнали, а между тѣмъ безъ этого жизнь стала еще пустѣе.

ТОВАРИЩЪ БАРИНА.

Я не понимаю, ты шутишь или...

БАРИНЪ.

Горе тому, у кого эстетическій вкусъ черезчуръ рафинировался! Горе тому, кто, какъ я, смотритъ въ будущее, кто затаилъ дыханіе, кто хочетъ всей душой и кто не видитъ тамъ сверхъ-человѣка!

ТОВАРИЩЪ БАРИНА.

Въ концѣ-концовъ я не понимаю, чего ты добиваешься. Ты стоишь за рабство, тебя злитъ машинное производство, тебѣ любо суевѣріе, экономическое неравенство, деспотизмъ. Я не понимаю, ты хочешь возвращенія вспять, къ давно отжившимъ формамъ жизни?!.

БАРИНЪ.

Мой милый другъ, хоть можетъ быть и очень почтенные люди распустили слухъ о моемъ сумасшествіи, но это все-таки

неправда: я не стремлюсь къ измѣненію соціальныхъ законовъ. Неизбѣжности не устранишь! Но еслибъ я только могъ бороться за красоту прежней жизни, еслибъ я только могъ разсчитывать хоть на малюсенькій успѣхъ, какъ счастливъ я былъ бы, съ какой неутомимостью, съ какимъ бы рвеніемъ я сталъ работать! Однако ты помнишь, вашъ евангелистъ сказалъ, что соціальное движеніе естественно вытекаетъ изъ историческаго развитія общества, и, къ величайшему несчастью, это неопровержимо. Я могу охрипнуть, крича «остановитесь, куда вы, назадъ!»—охрипнуть и не докричаться.

ТОВАРИЩЪ БАРИНА.

Просто страшно слушать, что ты здѣсь разсказываешь!

БАРИНЪ.

Надо быть большимъ философомъ, чтобъ примириться съ настоящей дѣйствительностью. Но я не могу съ ней примириться,—я слишкомъ гордъ, а борьба съ нею немыслима. И я ушелъ, повторяю, отъ этой дѣйствительности, ушелъ, чтобы въ красивомъ безумьи дать исходъ своему отчаянію.

ТОВАРИЩЪ БАРИНА.

Я позволю себѣ на это замѣтить, что сказать что-нибудь красиво еще не значитъ сказать основательно и что я въ данномъ случаѣ...

БАРИНЪ.

Лучше красиво и неосновательно, чѣмъ основательно и некрасиво; въ обоихъ случаяхъ мы отъ конечной истины за мильоны верстъ разстоянія.

ТОВАРИЩЪ БАРИНА.

Да, но если такъ разсуждать, то...

БАРИНЪ.

Ты понимаешь, я физически не могъ болѣе переносить общества этихъ передовыхъ пошляковъ. Боже, какая ихъ пропасть! Они отравили весь воздухъ. Еслибъ не жалость къ деревьямъ, я... я перевѣшалъ бы ихъ собственными руками, потопилъ бы всѣхъ въ морѣ, еслибъ не любилъ моря, сегодня же спихнулъ бы ихъ въ пропасть, еслибъ только нашлась пропасть, которую они не переполнили бы! Писать для нихъ? Писать для этой меркантильной сволочи?!

ТОВАРИЩЪ БАРИНА.

Но чѣмъ ты занятъ здѣсь?! Что ты дѣлаешь, оторванный отъ цѣлаго міра?

БАРИНЪ.

Мы занимаемся соленьемъ, вареньемъ, маринованьемъ, сушеньемъ, моченьемъ. Мы просто не видимъ времени: охота, сельское хозяйство; посмотри только, сколько у насъ однѣхъ книгъ, не считая журналовъ!

ПОДРУГА БАРИНА.

А вы видѣли высокую башню на нашемъ домѣ? У насъ есть телескопъ и цѣлыми часами мы не сводимъ глазъ съ неба. А прогулки верхомъ и пѣшкомъ?

БАРИНЪ.

Еслибъ ты только видѣлъ наше дивное болото, что за сельскимъ кладбищемъ! Не мы одни гуляемъ здѣсь въ глухую полночь,—огоньки зеленоватые, сладко-грустные, какъ и мы, не ная куда, не зная зачѣмъ, движутся около насъ, волнуются...

ПОДРУГА БАРИНА.

Мы почти цѣлый день на свѣжемъ воздухѣ.

БАРИНЪ.

Какую силу я себѣ развилъ! Такіе мускулы, что... (Подругѣ). Принеси-ка сюда подкову, кочергу и карты!

ПОДРУГА БАРИНА.

Сейчасъ. (Убѣгаетъ налѣво).

БАРИНЪ.

Что я дѣлаю? (Передаетъ ему одну изъ тетрадей). Вотъ! прочти его дневникъ!

ТОВАРИЩЪ БАРИНА (читаетъ обложку).

«Журналъ повседневныхъ событій».

БАРИНЪ.

Найди сегодняшнее число!

ТОВАРИЩЪ БАРИНА (перелистываетъ нѣсколько страницъ).

Вотъ!

БАРИНЪ.

Читай, чѣмъ я приблизительно былъ занятъ сегодня. (Наливаетъ ему меду).

ТОВАРИЩЪ БАРИНА (читаетъ).

«Утромъ охотился со средственнымъ успѣхомъ, причиною чего было сугубо-печальное раздумье надъ здоровьемъ Анны Сергѣевны!»...

БАРИНЪ.

Это его тетушка.

ТОВАРИЩЪ БАРИНА.

«Впрочемъ, Богъ не безъ милости... Написалъ письмо Пентюхову, чтобы прислалъ второго медикуса. Днемъ само-

лично наблюдалъ приведеніе купальни въ достодолжное на зимнее время состояніе. Къ обѣду пришелъ Тарасъ Семенычъ»...

БАРИНЪ.

Сосѣдъ.

ТОВАРИЩЪ БАРИНА.

«... и очень много смѣялся надъ анекдотомъ объ оракулѣ. Тетушка настолько почувствовала себя лучше къ вечеру, что даже пожелала присутствовать на комедійномъ представленіи дворовыхъ, и тѣ, обрадованные ея милостью, не щадили силъ своихъ, дабы развеселить ее и позабавить вволю». (Кладетъ тетрадь на столикъ).

БАРИНЪ.

И я сегодня утромъ тоже охотился, днемъ присматривалъ за разборкой купальни, а вечеромъ у насъ тоже будетъ комедійное представленіе. (Подходитъ къ лѣвой двери и кричитъ). Груша! Груша!..

ТОВАРИЩЪ БАРИНА.

Гм... (Ядовито). Хорошо тебѣ такъ жить,—у тебя столько денегъ.

БАРИНЪ (серьезно).

Да, хорошо. Я ничего не говорю.

ТОВАРИЩЪ БАРИНА.

Тьфу! Чертъ знаетъ, что такое! Твоя откровенность граничитъ съ цинизмомъ. Но неужели ты въ самомъ дѣлѣ удовлетворенъ такою жизнью? (Пьетъ свою чарку).

БАРИНЪ.

Согласись, что она красивѣе вашей.

ТОВАРИЩЪ БАРИНА.

А ея разумность... кошки съѣли?

ГОРНИЧНАЯ (показываетъ барину глазами на его товарища).

Но... (Баринъ подходитъ къ ней и властно смотритъ ей въ глаза; она потупляетъ ихъ, стыдливая, взволнованная; полушепотомъ). Слушаю-съ, баринъ. (Уходитъ налѣво).

ТОВАРИЩЪ БАРИНА.

Чортъ возьми, мнѣ опять показалось, что я сплю, но на сей разъ... безъ желанія проснуться. Твой медъ неимовѣрной крѣпости. И потомъ мнѣ показалось, что этотъ портретъ улыбнулся. Кто это такой?

БАРИНЪ.

Мой прадѣдъ.

ТОВАРИЩЪ БАРИНА.

Я думалъ, что это ты. (Подходитъ къ портрету. Входитъ подруга барина, кладетъ на столъ подкову, кочергу, колоду картъ и садится).

БАРИНЪ.

Я такой же, какъ онъ, я сдѣланъ изъ того же тѣста, душа моя такая жъ барская, какъ у него. (Схватываетъ подкову). Я не хуже его... (Ломаетъ подкову). Ничѣмъ не хуже его, а между тѣмъ... Ахъ! (Показывая товарищу на свою подругу). Спроси ее, какъ часто я стою предъ этимъ самымъ портретомъ и скрежещу зубами отъ зависти и плачу даже. (Швыряетъ обломки подковы на металлическую настилку передъ каминомъ, беретъ кочергу и гнетъ ее, стараясь завязать узломъ). Что? что, скажи, я сдѣлалъ судьбѣ? за что я лишенъ власти, правъ, всего того значенья, которымъ онъ (показываетъ на портретъ) обладалъ? И если такъ ужъ нужно было, то неужель была необходимость оставить мнѣ такую-жъ душу, какъ у него? (Туго затягиваетъ узелъ кочерги и показываетъ ее товарищу; тотъ беретъ ее обѣими руками и съ изумленіемъ разглядываетъ). Зачѣмъ, зачѣмъ мнѣ не вырвали отсюда (показываетъ на свою грудь) всю любовь къ власти, все самолюбіе господское, всю эту «дурь дворянскую»!.. (При послѣднихъ словахъ появляется камердинеръ).

ПОДРУГА БАРИНА.

Что тобѣ?

КАМЕРДИНЕРЪ.

Черезъ сколько времени прикажите ужинъ?

БАРИНЪ.

Черезъ часъ. Поторопи арапченка! Коверъ долой! Чего онъ медлитъ съ мечами! А шутъ?! Ужс спитъ?! Разбуди и вели придти съ бубнами! Потомъ зажги люстру! Да не забудь жаровни съ благовоніями!

КАМЕРДИНЕРЪ.

Слушаю-съ! (Уходитъ налѣво).

ТОВАРИЩЪ БАРИНА (передаетъ кочергу барину).

А все-таки я увѣренъ, что живи ты въ то время, ты бы принялъ самое горячее участіе въ освободительномъ движеніи.

БАРИНЪ (бросаетъ кочергу на металлическую настилку).

Весьма возможно... Пресыщенный властью, задѣтый за живое французами, жаждущій популярности, плѣненный трудностью задачи... Чортъ возьми, это такъ соблазнительно стать передовымъ человѣкомъ. (Беретъ колоду картъ). Хотя мнѣ кажется, я былъ бы карамзиновцемъ... Что было бъ, я не знаю, а то, что есть... ахъ, лучше бъ я не зналъ! (Рветъ пополамъ колоду картъ. Входитъ арапченокъ со связкой сверкающихъ мечей; онъ кладетъ ее въ уголъ, раздвигаетъ мебель, сворачиваетъ коверъ въ трубку и отодвигаетъ его въ сторону; затѣмъ беретъ связку мечей, втыкаетъ ихъ въ оказавшіяся подъ ковромъ отверстія въ 2 ряда остріемъ кверху и тщательно вытираетъ пространство между ними тряпкой. Справившись съ этой работой, онъ приноситъ табуретку и спеціальными щипцами «съемцами» снимаетъ со свѣчей нагаръ. Во время его работы появляется камердинеръ, который, поставивъ жаровню съ курящимися благовоніями передъ рампой посрединѣ, осматриваетъ, все ли въ порядкѣ, и уходитъ).

БАРИНЪ.

Зачѣмъ?

ТОВАРИЩЪ БАРИНА.

Какъ зачѣмъ? Да развѣ я могу имъ объяснить все это, развѣ они способны допустить, чтобы... Нѣтъ, это невозможно. Ну, что я имъ скажу, что имъ скажу!

БАРИНЪ.

Скажи, что я брезгливъ... и потомъ эта рутина!.. Скажи, что я не хочу ихъ жизни! Пусть она полна возможнаго счастья, но... но это вѣтка сирени, захватанная руками въ поискахъ счастья, многолепестковаго счастья. Ихъ жизнь некрасивая, поблекшая, неяркая, захватанная, словомъ жизнь толпы, хотя можетъ быть въ ней и скрыто великое счастье. Моя жизнь— это вѣтка сирени, къ которой еще никто не прикасался, въ которой еще никто до меня не искалъ себѣ счастья...

ТОВАРИЩЪ БАРИНА.

Ты хочешь, чтобъ они подумали, что я надъ ними смѣюсь?

БАРИНЪ.

А развѣ они не достойны смѣха?

ПОДРУГА БАРИНА (усѣвшись за клавесинбаль и раскрывъ ноты, барину).

Можно начать?

БАРИНЪ.

Пожалуйста! (Товарищъ барина схватываетъ себя за лобъ и усаживается на прежнее мѣсто. Подруга барина исполняетъ andante cantabile c-dur'ой сонаты Моцарта. Товарищъ барина весь отдается звукамъ, его лицо принимаетъ блаженное выраженіе. Баринъ остается стоять у камина,

задумчиво бросаетъ въ него карты и грустно улыбается ихъ слабымъ вспышкамъ).

ТОВАРИЩЪ БАРИНА (Послѣ первыхъ тактовъ 3-й части andante, какъ въ бреду).

Господи! Боже мой!.. Я сплю... я знаю,—я сплю и не могу и не хочу проснуться!.. Моцартъ божественный!.. ты умеръ совсѣмъ недавно!.. Что съ моей головой? что съ моимъ сердцемъ и отчего на глазахъ моихъ слезы?... Моцартъ божественный!.. Далекое становится близкимъ... близкимъ-близкимъ... (Барину). Я знаю цѣну твоимъ словамъ... все это было пустое... пустое... игра въ чехарду парадоксовъ! оглушительный фейерверкъ трескучихъ фразъ! Я знаю, что ты неправъ, я это твердо знаю, но (съ большимъ чувствомъ) милый мой... (встаетъ) я... я чувствую сейчасъ твою правоту. Слышишь—чувствую, нутромъ ее понимаю и... мнѣ стыдно, мнѣ безумно стыдно, что я въ этомъ сѣромъ, въ этомъ гадкомъ пиджакѣ... Ахъ, что съ моей головой!.. Она горитъ, она одурманена цвѣтистостью твоей рѣчи, театральностью твоихъ позъ... она пьяна отъ вида этой комнаты. Твой паѳосъ прилипчивъ! Я становлюсь какъ ты! Я дѣлаюсь послушнымъ зеркаломъ. Ахъ, что за травы, что за смолы въ этой жаровнѣ?!. Бѣжать! Я хочу бѣжать отсюда! Соблазнъ слишкомъ великъ; моя душа становится слишкомъ податливой. Я не хочу заразиться, я не хочу умирать, а такая жизнь, какъ твоя, начало умиранья. Вѣдь ты слышалъ, что висѣльники, утопленники и тѣ, что замерзаютъ, видятъ передъ смертью волшебные сны! Подобная жизнь—такой же сонъ; подобная жизнь—начало умиранья. Ты отдѣлился отъ насъ, отъ всего общества, отъ настоящей жизни и скорая смерть для тебя неизбѣжна!.. все равно, придетъ ли она въ видѣ безумья или сразу въ своемъ обыкновенномъ видѣ,—она неизбѣжна, говорю я. Крѣпкій медъ разгорячилъ мою голову, кто знаетъ, можетъ быть онъ сдѣлалъ меня пророкомъ... Скорая смерть для тебя неизбѣжна! Слышишь: неизбѣжна!..

БАРИНЪ.

Аминь.

ВОЙНА.

Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ [1]).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Томасъ Броунъ.
Ричардъ Аткинсъ.
М-съ Аткинсъ, его жена.
Мэри, ихъ дочь.
Капитанъ Оскаръ Диксонъ, племянникъ Аткинса.
Докторъ Гирлингъ.
Джонъ, лакей.
Нелли, горничная.
Гости.

Дѣйствіе происходитъ въ Лондонѣ. 1-ое — 16-го Декабря 1899 г., 2-ое—28-го Января 1900 г., 3-е—черезъ недѣлю послѣ 2-го.

---

[1]) Къ представленію дозволена 15-го января 1907 г. съ купюрами и замѣнами; въ томъ-же году издана, согласно съ цензурными измѣненіями, журналомъ „Театръ и Искусство.“ Въ настоящемъ изданіи пьеса помѣщена полностью.

ДѢЙСТВІЕ I-е.

Большая комната съ свѣтло-сѣрыми обоями; двери направо и налѣво, почти у самой авансцены, съ портьерами такого же цвѣта. Посреди средней стѣны громадное окно, вродѣ итальянскаго, со вздернутой бѣлой занавѣской. Передъ нимъ подвижное деревянное возвышеніе. Нѣсколько отступя отъ окна, направо, элегантный шкафикъ, уставленный фотографическими карточками въ рамкахъ, статуэтками и проч.; рядомъ со шкафикомъ, т. е. въ правомъ углу комнаты, манекэнъ въ человѣческій ростъ, на который нахлобучена англійская офицерская каска, небрежно накинутъ такой же мундиръ съ орденами и нацѣплена сабля; около манекэна пирамидка блестящихъ бомбъ. Слѣва отъ окна, перпендикулярно къ стѣнѣ небольшой письменный столъ, на которомъ электрическія свѣчи, красивыя письменныя принадлежности, кипа бумагъ и нѣсколько книгъ; передъ столомъ кресло, обитое черною кожей; недалеко отъ него человѣческій скелетъ, рядомъ съ которымъ, т. е. въ лѣвомъ углу комнаты, 6 ружей со штыками, собранныхъ въ козлы. У правой стѣны, около манекэна, книжный шкафъ, очень широкій, вышиною почти до потолка; рядомъ съ нимъ великолѣпная софа, обитая черною кожей, доходящая почти вплоть до двери, за которою, нѣсколько отъ нея отступя, срѣзая уголъ, образуемый правою стѣною и стѣною, предполагаемой у авансцены, стоитъ мольбертъ съ картономъ въ плюшевой рамкѣ. У лѣвой стѣны, возлѣ ружей «въ козлахъ» бѣлый экранъ (приблизительно въ 3 аршина вышиною и въ 2 аршина шириною;) рядомъ съ нимъ, какъ разъ посреди лѣвой стѣны большая красивая голландская печь, передъ которой изящный стеклянный экранъ. Недалеко отъ голландской печи дверь; около нея, у самой авансцены, низкая этажерка съ разными журналами. Направо, на хорошемъ рабочемъ мольбертѣ, большой холстъ на подрамкѣ, прикрытый полотнянымъ покрываломъ и обращенный лицевою стороной къ манекэну; передъ этимъ мольбертомъ двѣ деревянныхъ табуретки: одна полированная, съ винтомъ, другая неполированная, совершенно простая, съ вычищенной палитрой муштабелемъ, ящикомъ, съ масляными красками, тряпкой и банкой скипидара съ кистями. Около софы, на полу, возлѣ книжнаго шкафа, высокая, художественной работы, бронзовая электрическая лампа подъ широкимъ зеленымъ абажуромъ, съ маленькимъ

столикомъ, на которомъ газеты и журналы; передъ софою тигровая шкура. У авансцены, налѣво, круглый столъ, покрытый скатертью, на которомъ разная закуска, ростбифъ, графинъ воды, бутылка мадеры, бутылка портера, ящикъ съ сигарами и два прибора; вокругъ стола четыре обитыхъ черною кожею стула. На правой стѣнѣ: между дверью и софою вентиляторъ, надъ самою же софою дорогія гравюры портретовъ Гладстона, Толстого, Канта, Конта и Бокля. Въ правомъ углу, надъ манекэномъ, большая электрическая лампа съ рефлекторомъ. На средней стѣнѣ направо отъ окна, надъ шкафчикомъ, роскошное зеркало, налѣво-же отъ окна, на большой высотѣ, двѣ полки одна надъ другою, уставленныя гипсовыми моделями. Лѣвая стѣна, между средней стѣной и каминомъ, сплошь увѣшана картинами на батальные сюжеты; эта же стѣна между дверью и авансценою, убрана старинными доспѣхами и оружіемъ. Съ красиваго лѣпного потолка спускается эффектная, въ новомъ стилѣ, электрическая люстра. Въ окно видны крыши домовъ и блѣдно-голубое небо, по которому гуляютъ облачки, мѣшая игрѣ солнца на полу.

При поднятіи занавѣса Броунъ и Гирлингъ сидятъ за завтракомъ. Броунъ— красивый, блѣдный шатенъ, лѣтъ подъ тридцать, бритый, съ немного длинными вьющимися волосами; Гирлингъ — краснощекій, лысый брюнетъ, лѣтъ тридцати, съ бачками, въ золотыхъ очкахъ, приземистый. Броунъ — въ пиджакѣ, Герлингъ—въ сюртукѣ [1]).

БРОУНЪ. (высоко поднявъ рюмку мадеры).

Мы снова вмѣстѣ! (Чокается съ Гирлингомъ). Твое здоровье! (Пьетъ).

ГИРЛИНГЪ.

Твое здоровье! (Еле дотронувшись до своей рюмки, ставитъ ее на столъ).

БРОУНЪ.

Какъ! ты лѣнишься пить за мое здоровье?

ГИРЛИНГЪ:

Я выпилъ два стакана портера и три рюмки мадеры; если это даетъ право говорить о моей лѣности, то...

---

[1]) NB—моды 1899 г.

БРОУНЪ.

Послушай, мы съ тобой не видѣлись цѣлыхъ 6 лѣтъ! Ну пей-же!—сегодня мы снова вмѣстѣ! развѣ это не достаточная причина напиться до—пьяна!

ГИРЛИНГЪ.

Вполнѣ достаточная, но... милый другъ, гдѣ-жъ это видано, чтобъ въ 11 часовъ утра... Или можетъ быть во время моего скитанія по Индіи, въ Лондонѣ завелись новые порядки!

БРОУНЪ.

При чемъ тутъ время, при чемъ тутъ порядки! Я не виноватъ, что твой поѣздъ пришелъ въ такую рань! (Гирлингъ пьетъ). Подумай только, сколько времени мы были въ разлукѣ! Когда я получилъ извѣстіе о твоемъ пріѣздѣ, я просто не знаю, что со мной сдѣлалось! Мои пріятели стали опасаться за мое здоровье и притомъ самымъ серьезнымъ образомъ. Ахъ, я не знаю, что ты чувствуешь сейчасъ, но я... я просто готовъ плакать отъ радости... вотъ ужъ часа два, что мы съ тобой бесѣдуемъ, а мнѣ кажется, что я тебя только что увидѣлъ. (Джонъ, малый лѣтъ 18-ти, съ простоватымъ бритымъ лицомъ, въ элегантной черной курткѣ, входитъ слѣва, подаетъ на столъ кофейный сервизъ и ликеръ Джинджеръ съ рюмочками и уходитъ обратно).

ГИРЛИНГЪ.

Какъ! Еще ликеръ!.. Послушай, Томми, неужели за эти 6 лѣтъ ты сдѣлался пьяницей?!

БРОУНЪ.

Я имъ сдѣлаюсь съ горя, если ты не перестанешь ломаться! Ну забудь пожалуйста, что ты докторъ, сдѣлай милость! (Наливаетъ Гирлингу и себѣ кофе и ликеръ). Здоровье должно быть легкимъ багажемъ, а не тяжелой обузой въ нашемъ жизненномъ пути!

ГИРЛИНГЪ.

Я замѣчаю, — ты сдѣлался философомъ! Боже мой, какія только матеморфозы не возможны за 6 лѣтъ! Томасъ Броунъ— бравый офицеръ королевской гвардіи, онъ-же черезъ 6 лѣтъ мирный художникъ; Томасъ Броунъ—краснощекій, безпечный спортсмэнъ, онъ-же черезъ 6 лѣтъ—блѣдный, задумчивый философъ! (Оба смѣются).

БРОУНЪ.

Отчего ты не куришь? (Подвигаетъ къ нему ящикъ сигаръ). У тебя есть чѣмъ обрѣзать?

ГИРЛИНГЪ.

О да, спасибо! (Достаетъ перечинный ножъ, обрѣзаетъ сигару и закуриваетъ).

БРОУНЪ.

Я знаю,—для тебя наше свиданье не можетъ представить такой радости, какъ для меня!

ГИРЛИНГЪ.

Что съ тобой? Неужели на тебя вино такъ скверно дѣйствуетъ?

БРОУНЪ.

Нѣтъ кромѣ шутокъ: у тебя здѣсь и близкіе родные и старые пріятели, а у меня...

ГИРЛИНГЪ. (перебивая).

Однако я прежде всего поѣхалъ къ тебѣ, несмотря на то, что на вокзалѣ они меня чуть не разорвали...

БРОУНЪ.

Еще бы этого не доставало! Разлучить друзей дѣтства въ первую-же минуту ихъ свиданья! Да о такихъ варварахъ даже въ древней исторіи ничего не сказано...

ГИРЛИНГЪ. (съ наслажденіемъ раскуривая сигару).

Прелестная гаванна!

ВРОУНЪ.

Этотъ ящикъ я припасъ нарочно для тебя!... Итакъ... (Дѣлаетъ глотокъ ликера) у тебя много старыхъ друзей, а у меня ты единственный,—по самой простой логикѣ я долженъ больше радоваться нашей встрѣчѣ, чѣмъ ты!

ГИРЛИНГЪ.

Ну, положимъ...

ВРОУНЪ.

Не спорь пожалуйста! Ты отлично знаешь, что послѣ смерти моей матери и моего брата ты мнѣ самый близкій человѣкъ! Конечно, еслибъ не было Читральской экспедиціи...

ГИРЛИНГЪ (перебивая).

Ахъ да!—ты что-то началъ говорить по ея поводу, а потомъ перескочилъ на другое! Что это за экспедиція?— я что-то плохо припоминаю...

ВРОУНЪ.

Читральская экспедиція для военныхъ замѣчательна тѣмъ, что въ ней впервые примѣненъ «кордитъ»—бездымный порохъ, а для меня лично тѣмъ, что въ ней убитъ мой братъ... Въ общемъ она привела къ занятію Англіею на границѣ Афганистана довольно выгоднаго положенья относительно Россіи, ну а въ частности,—къ кончинѣ моей матери...

ГИРЛИНГЪ.

Когда это было?

ВРОУНЪ.

Въ 1895-омъ году, т. е. 4 года тому назадъ.

ГИРЛИНГЪ.

Въ 1895-омъ году. О! въ это время я былъ въ самой глуши Индіи, безъ газетъ, безъ журналовъ... Какимъ образомъ попалъ твой братъ въ эту Читральскую экспедицію? Насколько я теперь припоминаю,—это кровавый инцидентъ съ горцами Читральскаго ханства?..

БРОУНЪ.

Да, съ горцами, со свободолюбивыми горцами! Какъ попалъ въ экспедицію Джорджъ? Такъ же, какъ и я...

ГИРЛИНГЪ.

Ты тоже тамъ орудовалъ?..

БРОУНЪ.

Мы были неразлучны. Видишь-ли въ чемъ дѣло! (Тономъ повѣствованія). Лишь только ты уѣхалъ въ Индію, покинувъ насъ на Богъ вѣсть сколько времени...

ГИРЛИНГЪ.

Да, да,—разскажи все поподробнѣе! Я о себѣ повѣдалъ все, что было интереснаго, а ты о себѣ... почти что ничего...

БРОУНЪ.

Ну такъ слушай! Твой отъѣздъ взманилъ насъ тоже попутешествовать. Не долго думая мы избрали ту же Индію, но не изъ научныхъ цѣлей, какъ ты, а чтобъ сдѣлать карьеру. Перевелись изъ королевской гвардіи въ индо-британскую армію, убѣдили свою мать послѣдовать черезъ нѣкоторое время за нами и отплыли. Какъ разъ въ это самое время начались недоразумѣнія съ Читральскимъ ханствомъ. Мы не успѣли пріѣхать на мѣсто, какъ уже были опредѣлены въ одинъ изъ батальоновъ, мобилизованныхъ для борьбы съ этими горцами, и... ну и мы отправились за сравнительно скудное жалованье въ настоящемъ и относительно красивый орденъ въ будущемъ

рисковать своей жизнью, терпѣть лишенья и убивать, подумай, убивать людей, до которыхъ намъ не было никакого дѣла и о которыхъ мы знали только то, что они больше всего на свѣтѣ дорожатъ своей свободой. Слышишь, они смѣли дорожить своей свободой, а всякій образованный англичанинъ отлично понимаетъ, что дорожить своей свободой можетъ только онъ, образованный англичанинъ, и что если какой-то полудикій горецъ позволитъ себѣ такую наглость, то да «здравствуетъ справедливость» и... «пальба шеренгами! шеренга пли!»...

ГИРЛИНГЪ.

Ого! Да ты однако...

БРОУНЪ (перебивая).

Мы съ братомъ, какъ и полагается, притворились ужасно сердитыми на «дерзкаго врага», явились передъ нимъ неумолимо строгими и вмѣстѣ съ другими блестяще доказали превосходство англійской нарѣзной бездымной магазинки надъ гладкоствольнымъ однозарядным ружьемъ.

ГИРЛИНГЪ.

Браво! Ты... ты... знаешь, я никогда не предполагалъ въ тебѣ ораторскихъ способностей... Продолжай! Ты говоришь съ такимъ увлеченьемъ, что я право... Однимъ словомъ теперь я вполнѣ понимаю, почему ты измѣнилъ своей профессіи и почему ты...

БРОУНЪ.

Изъ дальнѣйшаго ты поймешь еще болѣе!.. Итакъ Джорджъ Броунъ и Томасъ Броунъ, тѣ самые, которыхъ морозъ подираетъ по кожѣ при видѣ задраннаго заусенца, которыхъ въ дѣтствѣ ставили въ уголъ за драку и изводили скучными нотаціями за раззоренье птичьихъ гнѣздъ, они являются на поле брани «сѣять смерть»... Добродушные отъ природы, они принуждены теперь озлобленно бросаться на такихъ же лю-

дей, какъ и они, жизнерадостные, любящіе жизнь хотя бы за то, что въ ней существуетъ лаунъ-теннисъ, они должны теперь подставлять свои лбы подъ непріятельскія пули... Знаешь-ли ты, что такое поле сраженья?!.

ГИРЛИНГЪ.

Воображаю, что это за ужасъ.

БРОУНЪ.

Нѣтъ, ты не можешь вообразить!.. Бывалъ-ли ты въ покойницкой? на скотобойнѣ? въ кабакѣ? на смертной казни? тамъ и сямъ въ одно и то же время? Нѣтъ, ты не можешь себѣ представить поля сраженія! Чувствовалъ-ли ты когда нибудь и отвращенье, и тоску, и стыдъ въ одно и то же время? Ахъ, что за непростительная глупость была такъ воспитать насъ, какъ насъ воспитали! Къ чему эта рафинировка чувствъ! Къ чему эти жалкія слова о любви къ врагамъ! Зачѣмъ было внушать намъ чувство справедливости, укрѣплять въ насъ нормы нравственности, пріучать къ деликатности, сердечной добротѣ, галантности, къ комфорту! «Джорджъ, не давай рукамъ воли, ты не уличный мальчишка»... «Томми, гадкій мальчикъ, зачѣмъ ты раздавилъ эту гусеницу?» «Джорджъ, напомни ему шестую заповѣдь!»

ГИРЛИНГЪ.

Да это что и говорить!.. Ненормальность подобнаго рода вещей...

БРОУНЪ (перебивая).

Сырымъ мясомъ, теплымъ сырымъ мясомъ—вотъ чѣмъ насъ слѣдовало кормить, чтобы сдѣлать кровожадными! Насъ надо было бить и всячески мучить, чтобы пріучить къ физической боли, сдѣлать жестокими! Водить на пытки почти каждый день, разъ въ недѣлю по крайней мѣрѣ давать зрѣлище мучительной смерти, вотъ вѣрный способъ пріучить къ виду чужихъ страданій!.. за семью замками слѣдовало держать отъ

насъ Евангеліе! какъ пугало выставить гуманность! Намъ нужно было объяснить, что самое постыдное на свѣтѣ—боязнь убить человѣка!.. Вотъ какое воспитаніе намъ слѣдовало дать. И нашъ отецъ, какъ человѣкъ военный, долженъ былъ понять, что... (Джонъ приноситъ на столъ вазу съ фруктами и уноситъ съ него ростбифъ, закуски и проч.).

ГИРЛИНГЪ.

Ты повторяешь мои мысли, только въ болѣе смѣлой формѣ! То, что ты говоришь противъ войны, это... это такъ справедливо, что спорить противъ этого можетъ только...

ВРОУНЪ. (договаривая фразу).

Толпа, большинство. Вотъ кто можетъ спорить и споритъ... (Предлагая фрукты). Кушай пожалуйста!

ГИРЛИНГЪ.

Ты меня просто закормилъ... (Беретъ себѣ винограду и ѣстъ его лѣниво, скорѣй для вида, продолжая съ удовольствіемъ курить сигару).

ВРОУНЪ. (чистя апельсинъ).

Въ одной изъ перестрѣлокъ Джорджъ былъ убитъ... Теперь я могу объ этомъ говорить совершенно спокойно, чистя апельсинъ, ровнымъ голосомъ, но раньше... (Стискиваетъ зубы и тяжело вздыхаетъ. Пауза). Убитъ въ 23 года, почти мальчикъ, съ жаждой жизни во взглядѣ... Убитъ потому, что тамъ, наверху, какимъ-то черствымъ старикамъ понравилась игра въ «наступательную политику»... (Не владѣя собой) потому что... потому что... какіе-то господа, очень важные, очень культурные господа рѣшили такъ, а не иначе, потому что имъ нѣтъ дѣла до какого-то Джорджа Броуна, до того что у него есть тамъ какая-то старуха мать, которая не надышется на него, не нарадуется, у которой... (Перестаетъ чистить апельсинъ) у которой сердце можетъ разорваться отъ горя... (Еле сдерживая слезы). Да вы бы видѣли, какъ онъ мучился передъ смертью! (Закрываетъ лицо рукой. Гирлингъ участливо наливаетъ ему воды, потомъ сморкается и вытираетъ очки).

БРОУНЪ (порывисто вытираетъ глаза).

Я сталъ тряпкой... (Пьетъ воду) настоящей тряпкой... Все, что было во мнѣ мужественнаго, хладнокровнаго, все исчезло послѣ этой исторіи... Кто сказалъ, что война закаляетъ?!. (Снова пьетъ воду, успокаивается, дочищаетъ апельсинъ и ѣстъ его).

ГИРЛИНГЪ.

Умереть въ 23 года!.. Гм... у нѣкоторыхъ дикарей принято умерщвлять стариковъ, которые немножко зажились, немножко въ тягость молодежи... Наши милые старички считаютъ это вѣроятно варварствомъ столь высокой марки, что въ противовѣсъ и... такъ сказать въ нравоученье дикарямъ имъ остается только посылать на убой лучшій цвѣтъ молодежи...

БРОУНЪ.

Если бы ты видѣлъ его при послѣднемъ издыханьи! Я думалъ, что сойду съ ума. Вообще, кто изъ насъ больше выстрадалъ,—вопросъ открытый. По крайней мѣрѣ Джорджъ былъ очень пьянъ, т. е. пьянъ настолько, насколько это требуется для проявленія исключительной храбрости, награждаемой орденомъ, ну и... весьма возможно, что онъ не вполнѣ сознавалъ всей этой мерзости человѣческой бойни. А я... До сихъ поръ не понимаю, почему я тогда отказался отъ виски!.. Ты представляешь себѣ чувство палача и его жертвы, взятыя вмѣстѣ?!

ГИРЛИНГЪ.

Чортъ возьми, быть убитымъ или убить другого,—я не берусь рѣшить, чего я больше боюсь.

БРОУНЪ.

И то и другое ужасно, но пожалуй еще ужаснѣе слышать вокругъ себя дикіе вопли раненыхъ, ихъ богохульныя прок-

лятія, видѣть эти окровавленныя тѣла, эти безжалостно изуродованные члены людей, которые гордились своимъ сложеньемъ, которые радовали взоръ своей красотою... Ты помнишь, каковъ былъ Джорджъ? (Встаетъ и прохаживается по комнатѣ).

ГИРЛИНГЪ.

Это былъ настоящій красавецъ... Онъ долго мучился?

БРОУНЪ.

Недолго, но вѣрно такъ сильно, что... (Вздрагиваетъ). Пуля попала ему сюда. (Показываетъ мѣсто на нижней челюсти. Послѣ секунды молчанья). Еслибъ ты видѣлъ этотъ страшный видъ!.. Отвисшая раздробленная челюсть, посинѣвшая, вся забрызганная кровью, лежащая какимъ-то неестественнымъ комкомъ на самомъ горлѣ... черныя запекшіяся губы, ротъ, наполненный клокочущей кровью, свистящее дыханье... и эти глаза, дорогіе мнѣ глаза... съ какой безумной тоской они смотрѣли тогда на меня!.. сколько дѣтскаго, сколько совсѣмъ безпомощнаго, дѣтскаго было въ этомъ долгомъ взглядѣ!.. Какъ вы уставились тогда на меня! Съ какой мольбой, Боже, съ какой мольбой вы тогда смотрѣли!.. что могъ я сдѣлать?! Чѣмъ?! Чѣмъ я могъ помочь!.. Ахъ, этотъ предсмертный взглядъ... (Дрожитъ, закрывъ лицо руками). Казалось, что отъ ужаса, отъ жалости, отъ этой безсильной злобы, которая меня охватила, я самъ умру, да, самъ умру!

ГИРЛИНГЪ.

Господи, сколько пришлось тебѣ испытать!.. (Подходитъ къ Броуну и жметъ его руку). Ты помнишь, какъ я любилъ его, помнишь, какъ мы катались верхомъ, какъ мы играли съ нимъ въ четыре руки?..

БРОУНЪ.

Да, да, стоило тратить столько времени на гаммы, экзерсисы для того, чтобы... Ты знаешь, его лошадь постигла такая

RETURN TO ➡ **CIRCULATION DEPARTMENT**
202 Main Library 642-3403

LOAN PERIOD 1 **HOME USE**	2	3
4	5	6

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
1-month loans may be renewed by calling 642-3405
6-month loans may be recharged by bringing books to Circulation Desk
Renewals and recharges may be made 4 days prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

AUG 23 1977	SENT ON ILL	
REC. CIR. JUN 8 '77	SEP 13 2001	
NOV 12 1978	U. C. BERKELEY	
Dec 12		
	MAY 26 2003	
REC. CIR. NOV 17 '78		
JAN 22 1979		
JUL 28 1979		
REC. CIR. OCT 6 1979 SENT ON ILL		
MAR 20 1995		
U. C. BERKELEY		

FORM NO. DD 6, 40m, 6'76

UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY
BERKELEY, CA 94720

U.C. BERKELEY LIBRARIES

C020224503